

А 250
Л 573

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ

КАЗАЧЬЯ КНИЖКА

СОСТАВИЛИ

М. ХОРОШИНЪ и Е. ПУТИЛОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

ВЕРИЛИСЬ
ВЪСТАВЛЕНА
ВЪСТАВЛЕНА
ВЪСТАВЛЕНА

Довольно хорошо. С.-Петербургъ, 28 апреля 1893 г.

Типографъ А. С. Суворина. Зритель пер., д. 13.

Посмотрите хорошенько на рисунокъ и вы въ немъ увидите прошлое и настоящее казачества.

Казакъ съ появленіи своего на Руси жила въ тѣхъ ея окраинахъ, которая граничатъ съ зѣмскими племенами; здѣсь они служили живымъ оплотомъ отъ набѣговъ зѣмль, очень охочихъ на чужую собственность, по берегамъ рѣкъ, озеръ, обширныхъ степей нашей южной Россіи и Сибири, на сотни и тысячи верстъ тянулись казачьи станицы, казачьи караулы, форпосты. Между ними стояли вышки, на которыхъ день и ночь находились сторожи, часовые. Замѣтивъ гдѣ либо угрожающую опасность, часовой зажигалъ пукъ соломы, широко укрѣпленный на жерди, и тѣмъ давалъ вѣсть по всему участку.

Взгляните въ верхній средній рисунокъ и вы увидите, какъ нехитро были устроены эти посты: небольшая землянка, вышка изъ трехъ жердей съ небольшою вышкой.

Во многихъ мѣстахъ такой охраны было недостаточно; напр. на Кавказѣ. Горцы, пользуясь большими камышами, по берегамъ рѣкъ Кубани, Терека, нерѣдко прорывались небольшими партіями и нападали на ближайшія казачьи станицы, убивая, уводя въ плѣнъ, кого успѣвали захватить, угоняли скотъ, поджигали строения, словомъ, причиняли вредъ, сколько могли. На рѣкахъ были мѣста болѣе удобныя для переправъ. Вотъ около такихъ мѣстъ располагались казачьи секретныя нерѣдко по цѣлымъ часамъ поджидали неприятеля, приходилось казакамъ лежать вѣчно, отсюда и пошло названіе *карауль*.

Посмотрите направо внизу рисунокъ,— то секретъ залегъ и выстораживаетъ врага. И теперь въ Кубанскомъ войскѣ нѣшіе баталіоны называются пластунскими. Много можно было бы разсказать про геройство пластуновъ, да времени нѣтъ. Подъ Севастополемъ пластуны особенно отличались, не давая покоя французамъ и англичанамъ. Но вотъ поднялась тревога, зажгли маяки, завидѣли противника развѣдчики и мчится всадникъ съ вѣстями къ посту или сторожѣ.

Рисунокъ наверху съ правой стороны изображаетъ казакъ въ прежнемъ одѣяніи, скачущаго на степи широкой... Живо собралась станица, и всякій, кто могъ сѣсть на коня, помчался на встрѣчу врагу. Онъ, завидя отпоръ, спѣшилъ уходить, забывая, что можно. Казакъ въ догонку за нимъ, пылая мщеніемъ; скачутъ они за нимъ и нерѣдко, увлекаясь преслѣдованіемъ, забываютъ всякую осторожность... Вотъ и наткнулись на новыя скопища или же ихъ повелъ хитрый противникъ на засаду... Кони устали, неприятель многолюденъ; что же дѣлать? Отъ противника не уйдешь, остается умереть съ честью. Съ коней спѣшились, уложили и сбатовали ихъ вокругъ и начали отстрѣливаться, пока хватитъ патроновъ или же пока не подойдетъ выручка. Внизу въ срединѣ небольшая картинка и изображаетъ такое дѣло. Казакамъ такъ «отсиживаться» приходилось не рѣдко; не рѣдко они и гибли гдѣ либо въ степи, вдали отъ своихъ. Напр. въ 1864 году сотня уральцевъ подъ Иканономъ двое сутокъ держалась, стали потомъ отходить къ крѣпости, пока не послѣла выручка; половина сотни была убита,

а изъ второй половины не было ранено чело­вѣка три-четыре; такъ были дѣла въ 1827 году 15 сибирскихъ казаковъ съ 500 кир­гизами; и въ 1837 году 32 сибирскихъ ка­заковъ съ 1000 шайкою тѣхъ же киргизъ; недавно, въ 1869, году 13 уральцевъ по­гибли въ киргизской степи, наткнувшись на многочисленную шайку киргизъ.

Казачьи войска выставляютъ на службу пѣ­шія, конныя и конноартиллерійскія строе­выя части. На картинѣ и изображены кон­ный казакъ (вверху), конноартиллеристы (внизу) и пѣхотинцы (пластуны).

Многочисленныя заслуги казаковъ не оставались безъ наградъ. Награды дава­лись подкамъ, баталіонамъ, батареямъ, сотнямъ, а также и всему казачьему вой­ску. Такъ, напр., войску давалось особое знамя, иногда георгіевское. Донскому вой­ску неоднократно жаловались: бунчуки, насѣвки, булавы. Бунчукъ, или бобылевъ хвостъ, пучекъ конскихъ волосъ на осо­бомъ древкѣ; на рисункѣ есть одинъ бун­чукъ. Взятъ бунчукъ отъ турокъ, у кото­рыхъ прежде ихъ «пани», т. е. главные начальники, имѣли бунчуки, которые и во­зились около нихъ въ родѣ значка. Насѣ­вка—это трость или посохъ деревянный съ насѣчкою; такой посохъ считался од­нимъ изъ знаковъ атаманскаго достоин­ства. Императоръ Петръ Великій пожало­валъ, напр., Донскому войску насѣвку (часть ея изображена по срединѣ лѣваго столба на верху его). Потомъ стали давать насѣвки и гладія. Такія насѣвки имѣли нѣкоторые изъ донскихъ станичныхъ атамановъ; по примѣру ихъ даны насѣвки и всѣмъ ста­ничнымъ атаманамъ и вы ихъ видѣли, ко­нечно, у своихъ станичныхъ атамановъ. Булава—это металлическій вызолоченный шаръ, иногда продолговатый, насаженный

на трость, длиною около аршина; на ри­сункѣ булава показана около бунчука. Бу­лавы давались очень часто запорожскимъ казакамъ, иногда донскимъ; теперь булава не употребляется. Насѣвка, бунчукъ, бу­лава—это войсковыя *клеймоды*, т. е. при­надлежности атаманской власти. Особый видъ булавы—перначъ; у него шаръ со­ставленъ изъ нѣсколькихъ долей или час­тей; въ томъ мѣстѣ, гдѣ доли соединяются, какъ бы граненые выступы. Перначъ есть въ Донскомъ войскѣ. По принятому обы­чаю, перначъ беретъ, выходя въ войсковои кругъ, лишь Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Перначъ изображенъ на рисункѣ какъ бы укрѣпленнымъ къ ко­лоннѣ. Внизу изображены литавры, дан­ные Черноморскому войску, на нихъ по­ставлено изображеніе солонки, въ какой императрица Екатерина прислала соль съ (хлѣбомъ вмѣстѣ) черноморскимъ казакамъ при переселеніи послѣднихъ на Кубань. Все это (знамена и пр.) войсковыя регалии. На Дону, на Кубани они выносятся предъ войсками въ дни войсковыхъ круговъ.

Теперь вы знаете, что изображено на рисункѣ.

Изъ помѣщенныхъ ниже разсказовъ узнаете вы, старые и юные забайкальцы, откуда взялись казаки, какъ они покоряли Сибирь, какъ они забирали Забайкалье и Амуръ, и какъ, наконецъ, образовалось наше войско.

Гордитесь, что, по милости Царской, вы принадлежите къ великой семьѣ казачьей. Многолюдна эта семья; братья ваши донцы, кубанцы, терцы, астраханцы, уральцы, орен­бурцы, сибирцы, семирѣченцы, амурцы и ус­сурійцы широко расселились по нашей ма­тушкѣ Руси. Пять вѣковъ имя казаковъ не сходитъ съ народныхъ устъ; въ эти пять-

сотъ лѣтъ не разъ казаки были грозою враговъ родины... За заслуги казачьи войска получали и много царскихъ наградъ; вѣдь, недаромъ же говорятъ: «За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ». За заслуги же казаковъ во главѣ ихъ всѣхъ атаманомъ стоитъ Первородный Сынъ Государя, будущій повелитель Россіи, Охрана ближайшая Царя и Его Семьи тоже поручена казакамъ; слышали, конечно, что Собственный Его Величества конвой составляютъ кубанцы и терцы. Если вы такъ счастливы, что принадлежите къ такому славному и почетному сословію слугъ Царя и Отечества, то и не роняйте званіе казака; помните, что по васъ судить о другихъ; васъ сравниваютъ съ другими; а развѣ пріятно слышать, когда при сравненіи будутъ говорить не въ вашу пользу? Служите свою службу прямо, правдиво, по присягѣ, живота своего на службѣ не жалѣйте, всякую невзгоду, всякое несчастіе переносите стойко. «Терпи казакъ—атаманомъ будешь!» такъ изстари говаривали наши предки. А коли стать атаманомъ, то знай свое дѣло и веди его хорошо. «Атаману первая чарка и первая палка!» тоже недаромъ говорили наши предки, да и намъ завѣщали это.

Изъ помѣщенныхъ ниже разсказовъ узнаете, какъ не легко было служить нашимъ предкамъ; примѣръ ихъ да послужитъ вамъ образцомъ, какъ нужно работать и служить, не покладывая рукъ и не падая духомъ. Разсказы составлены мною и Е. С. Путиловымъ по разнымъ книгамъ и статьямъ, перечислять которыя было бы очень долго, да и нѣтъ надобности.

Я помѣстилъ въ концѣ казачьи пѣсни.

Въ нихъ наши предки разсказали и про свое прошлое, и про свою службу и про свою страну и родину. Нѣкоторыя пѣсни можно и пѣть; жаль, нѣтъ нотъ; думаю, что среди васъ найдутся и такіе музыканты, что легко положить пѣсню на голось. Пѣсни заимствованы изъ разныхъ сборниковъ, а именно: а) «Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ». А. Савельевъ. Спб., 1866 г., б) «Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» составилъ и издалъ Мякушинъ, Спб., 1890 г., в) Сборникъ «донскія казачьи пѣсни» собралъ и издалъ Пивоваровъ. Новочеркасскъ, 1885 года., г) Сборникъ «пѣсни русскаго народа» собралъ Сахаровъ. Спб., 1839 г., д) «Сборникъ свѣдѣній о Терской области», вып. I-й Владикавказъ, 1878 г., е) изъ «Краткаго историческаго очерка Оренбургскаго казачьяго войска» составилъ Стариковъ. Оренбургъ, 1890 года.

Много хотѣлось бы мнѣ передать вамъ про казачью жизнь, про казачью славу, да времени нѣтъ; вы меня поймете изъ того, что я сказалъ, а кому если что не вдумекъ, то и растолкуется. Если чтеніе разсказовъ и пѣсенъ васъ займетъ, если только это чтеніе укрѣпитъ въ старыхъ и молодыхъ, въ большихъ и малыхъ сознаніе чести носить званіе казака и стараніе быть достойнымъ этой чести, то я буду доволенъ; значить, я кое-что и сдѣлалъ.

Въ заключеніе самъ скажу, да и васъ попрошу сказать спасибо сибирскому казаку, а вашему командиру батареи, Ефиму Семеновичу Путилову; онъ потрудился не мало надъ составленіемъ книжки и вложилъ въ это дѣло свою казачью душу.

Михаилъ Хорошкинъ.

Во время посѣщенія Забайкальской области въ 1891 году, нашъ Августѣйшій Атаманъ, желая выразить свое благоволеніе къ Забайкальскому казачьему войску, соизволилъ сняться въ г. Верхнеудинскѣ 24-го іюня вмѣстѣ съ атаманами разныхъ наименованій. Въ эти памятные для войска мѣсяць и число 40 лѣтъ назадъ, именно въ 1851 году, было утверждено положеніе о пѣшихъ баталіонахъ Забайкальскаго казачьяго войска.

По установившемуся обычаю, въ войсковомъ кругу совершается благодарственное молебствіе; Его Высочество ослѣдствилъ своимъ посѣщеніемъ войсковой кругъ, бывшій въ г. Верхнеудинскѣ. Послѣ молебствія и смотра Августѣйшій Атаманъ изволилъ быть въ казармахъ 1-й Забайкальской конноартиллерійской батареи, а затѣмъ, возвратившись въ домъ купца Голдобина, гдѣ было пребываніе Его Высочества, въ садикѣ сего дома соизволилъ сняться съ атаманами. Настоящій рису-

нокъ представляетъ кони съ фотографіи, снятой фотографомъ Пророковымъ.

По правую сторону отъ Его Высочества находится войсковой наказный атаманъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ генераль-адъютантъ баронъ Корфъ (нынѣ умершій); по лѣвую сторону помѣщается наказный атаманъ генераль-маіоръ Хорошкинъ; далѣе находится позади наказнаго атамана атаманъ 1-го военнаго отдѣла полковникъ Власовъ, а рядомъ съ нимъ—атаманъ Цаганъусунской станицы урядникъ Переваловъ.

Для насъ, забайкальцевъ, группа эта особенно дорога тѣмъ, что Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ соизволилъ сняться съ атаманами Забайкальскаго войска и притомъ въ день войскового круга.

Вотъ какой чести удостоилось войско! Гордитесь этимъ, забайкальцы, и будьте всегда и вездѣ достойны такого знака благоволенія къ войску со стороны Августѣйшаго Атамана!

АВГУСТЪЙШИЙ АТАМАНЪ СЪ АТАМАНАМИ

Войсковой нахванный атаманъ Приамурскихъ
казацкихъ войскъ генералъ-адъютантъ
баронъ Корфа (†).

Атаманъ Цганъ-Усунхой отаиды Забайк.,
каз. войскъ урядникъ Переваловъ.

Его Императорское Высочество Государя
Наслѣдника Цесаревича.

Атаманъ I военного отряда Забайк., каз.
войскъ полкъ Власовъ.

Нахванный атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска ген.-майору Коросткину.

I.

Откуда пошли казаки?

Два сѣмьсотъ тому назадъ наша Русь не была такъ велика, обширна и многолюдна, какъ теперь. Москва еще была очень небольшимъ городкомъ и были тамъ еще князья московскіе. Нижній Новгородъ былъ только что заложенъ, Кіевъ былъ большимъ, хорошимъ городомъ. «Стольнымъ» городомъ, т. е. такимъ, въ которомъ жилъ главный, «великій» князь, считался Владимиръ. Въ то же время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь спокойно текутъ рр. Онега, Борова, Ураленгуй, Селенга, кочевали монголы, управляемые своими ханами и князьями. Между ними появился одинъ, очень сильный, отважный, предприимчивый. Онъ скоро подчинилъ себѣ другихъ, собралъ воедино разрозненныя племена, покорилъ соседніе народы и сталъ страшнымъ для всѣхъ, принявъ названіе Чингизъ-хана.

И вотъ, предводительствуя несмѣтными полчищами, страшный для всѣхъ Чингизъ-ханъ быстро завоевывалъ царство за царствомъ и дошелъ до предѣловъ нынѣшняго Баспійскаго моря. Въ 1224 году полководецъ Чингиза встрѣтился съ русскими князьями на р. Калкѣ, около Азовскаго моря

и не такъ далеко отъ города Новочеркасска, главнаго города войска донскаго. Русскіе потерпѣли жестокое пораженіе, но монголы далѣе не пошли, а пришли снова чрезъ 14 лѣтъ подъ предводительствомъ Батия.

Напрасно великій князь, собравъ всю свою рать, старался удержать монголъ, въ составѣ войскъ которыхъ были и татары; русскіе были снова жестоко побиты, самъ князь погибъ. Началось разореніе городовъ, селъ и деревень; все грабилось, разрушалось и сожигалось; жители убивались, уводились въ плѣнъ.

Тамъ, гдѣ стояли большіе, цвѣтушіе города, гдѣ русскіе мирно воздѣлывали ниву, гдѣ красовались храмы Божіе, тамъ стало запустѣніе и только въ сѣверныхъ, глухихъ лѣсахъ, среди болотъ, уцѣлѣло населеніе.

Настало тяжелое время для Руси, началось монгольское иго, продолжавшееся двѣсти слишкомъ лѣтъ. Князья обязаны были платить дань, которую часто возили и сами, да и ханы нерѣдко вызывали ихъ на поклоненіе себѣ, или же они ѣздили заступниками и ходатаями за народъ русскій.

Среди такихъ великихъ князей особенно выдѣлился въ первое же время Александръ Ярославовичъ.

Онъ ѣздилъ къ ханамъ въ Монголію и, быть можетъ, находился и недалеко отъ предѣловъ нашего Забайкалья. Великаго князя уважали ханы и просьбы его исполняли. Заступаясь за своихъ подданныхъ въ «Ордѣ», какъ называли тогда монгольское царство, Александръ не давалъ въ обиду русскихъ и иноземцамъ—шведамъ и нѣмцамъ, которые захотѣли было, пользуясь слабостью русскихъ, поживиться на ихъ счетъ. Шведамъ, на берегахъ Невы, князь Александръ нанесъ жестокое пораженіе, за что и получилъ названіе «Невскаго», названіе сохранившееся и до сихъ поръ. Вскорѣ досталось и нѣмцамъ, которые не менѣе шведовъ заплатились за свою дерзость...

Недолго княжилъ Александръ Невскій, всего 11 лѣтъ, но сдѣлалъ много для своего отечества. И благодарный народъ сохранилъ память о немъ, а наша церковь за его праведную, истинно - христіанскую жизнь, причислила его къ лику святыхъ. Мощи великаго князя императоръ Петръ Великій перенесъ въ основанный имъ городъ Петербургъ. Здѣсь они покоятся въ Александро-Невской лаврѣ, не далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ такъ жестоко наказалъ шведовъ. Для награжденія вѣрныхъ и достойныхъ слугъ Царя и Отечества императоръ Петръ учредилъ орденъ св. Александра Невскаго; орденъ этотъ жалуются только старшимъ генераламъ.

Когда-то давно, около 650 лѣтъ, великій князь Александръ былъ въ мѣстахъ или очень близкихъ къ Забайкалью, или, быть можетъ, гдѣ либо и въ предѣлахъ его. Тогда монголы были грозными повелите-

лями, были рѣшителями судебъ Россіи; но прошли вѣка и что осталось отъ царства Чингизъ-хана? Одни остатки монголь, да развалины городовъ... А воалѣ ихъ, на границѣ уже русскаго государства, какъ стражнего безопасности, раскинулись наши казачьи станицы; высоко въ нихъ красуются, блестя на солнцѣ, кресты на храмахъ Божіихъ...

Для насъ, забайкальцевъ, св. Александръ Невскій имѣетъ особое значеніе. Наша войсковая часовня во имя Александра Невскаго, и въ этой часовнѣ находится дорогой намъ, казакамъ, даръ нашего Августѣйшаго Атамана—образъ Святаго Благовѣрнаго князя.

Гордитесь же тѣмъ, что самъ Августѣйшій Атаманъ пожаловалъ нашему войску, стоящему впереди и на границѣ, изображеніе Того, Кто такъ доблестно служилъ отечеству. Считайте, что святой князь невидимо съ вами также на стражѣ русскаго государства. Когда же будете въ Читѣ, то зайдите въ войсковую часовню и помолитесь невидимо съ нами присутствующему Святому Благовѣрному Князю.

Прошло около ста лѣтъ послѣ нашествія Батяя, народъ понемногу отдохнулъ и сталъ крѣпнуть. Великіе князья начали уже жить въ Москвѣ, сдѣлавъ ее «стольнымъ» городомъ и начавъ «собирать» Русь. Но границы ея были все-таки не далеки. Уже въ ста съ небольшимъ верстахъ отъ Москвы стояла пограничная стража. За границею, южнѣе, было незаселенное пространство, называвшееся у нашихъ предковъ «полемъ». Отъ этого и южная граница называлась иногда «польскою», пограничныя мѣста,—«польскою украиною», рѣки, текуція за этимъ полемъ, «запольными» рѣками.

«Сила ихъ великихъ князей, Дмитрій Ивановичъ, иъ выводе притѣсненій татарь, иъ силахъ побѣдъ съ ними и силами.

Въ верховьяхъ рѣки Дона встрѣтились немъ дружина подь начальствомъ самого великаго князя и татарская подь начальствомъ Мама.

Здѣсь, на Куликовомъ полѣ, 8 сентября 1380 года, произошла кровавая сѣча и татары были на голову побиты. Кто изъ русскихъ не слышалъ про битву на «Куликовомъ полѣ». Быть можетъ, слыша разсказы о немомъ либо пораженіи, слышали такъ же и о сѣчѣ его, какъ «мамаево побоище».

Сопроисненіи называли великаго князя Дмитрія «Донскимъ», а церковь сопричислена еѣ къ ряду святыхъ. Ежегодно въ «дѣнь иъ субботѣ (Дмитріева суббота) совершается поминаніе воиновъ, положившихъ свой животъ.

Радостно встрѣчало населеніе побѣдителя Мама. При одномъ изъ образовъ Божіей Матери (Гребневскія), находящимся въ одной первопрестольной столицѣ (на Кубани), иъбѣтся повѣствованіе откуда иъдетъ образъ и гдѣ онъ прежде былъ. Въ этой повѣсти, между прочимъ, значится: «Сила иъ верховьяхъ Дона) народъ христіанскій воинскаго чина живущій, зовомыи казакъ, въ радости стрѣтаючи его со святыми иконами и со кресты поздравляюще «ему» иъ приближеніи своемъ отъ супостатовъ иъ приносиле ему дары отъ своихъ сокровищъ, иъже имѣху у себя чудотворныя иконы во церквахъ своихъ». Великій князь, преданность выписка, «сѣ великою вѣрою иъ любовію приѣмъ и ихъ воинство вельми тѣлесными дары обогативъ и почтивъ, иъ во вся лѣта устави имъ, казакамъ, свое званіе за почесть ихъ и сильную

храбрость противу супостатъ агарянска языка».

Изъ выписки значится, что образъ поднесенъ казаками, жившими въ городѣ Гребени, откуда и названіе образа «Гребневскія» Божіей Матери. Изъ приведенной выписки видно, что казаки были тѣ же «ратные» люди, жившіе по границѣ и оберегавшіе ее. Подиѣе, именно въ 1444 году, въ лѣтописяхъ прямо уже указывается, что рязанскіе казаки дрались съ татарами; потомъ упоминаются казаки и другихъ русскихъ городовъ.

Спустя сто лѣтъ послѣ Мамаева побоища, русскіе еще разъ встрѣтились съ татарами, но до битвы не дошло, и татары, пришедшіе было наказать русскихъ за то, что перестали платить дань, ушли обратно. 1480 годъ считается концомъ монгольскаго ига; Русь, «собранная» московскими великими князьями, стала независимою и сильною настолько, что начала подчинять себѣ и разныя татарскія царства, на которыя распалось большое татарское царство («Золотая Орда»).

Теперь въ «полѣ» хозяевами стали уже выходцы изъ Руси, тѣ люди, которымъ было тѣсно дома, которыхъ манилъ просторъ степей, которымъ хотѣлось испытать свободную жизнь, полную всякихъ лишений, полную борьбы съ «басурманами», словомъ, тѣ люди, у которыхъ, по народной пѣснѣ, «сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалась, которымъ грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Вотъ эти свободные-то люди стали называться также казаками, т. е. людьми вольными, стали селиться станицами и стали образовывать военныя общины и тѣмъ положили начало казачьимъ войскамъ.

Въ 1552 году царь Іоаннъ IV Василье-

вичъ, прозванный Грознымъ, покорилъ Казань и разрушилъ казанское царство, а за нимъ скоро было покорено и астраханское царство. Все теченіе рѣки Волги до впаденія ея въ Каспійское море было очищено отъ татаръ; и русскіе купцы, а равно и азіатскіе повезли свои товары. Здѣсь и было раздолье казакамъ. Имъ было чѣмъ поживиться, было и гдѣ укрыться. Слава о добычѣ, о привольной жизни казаковъ росла быстро и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе шло къ нимъ народа съ разныхъ сторонъ. Всѣхъ они принимали, всѣ были равны, всѣ были товарищи. Спустились казаки внизъ по рѣкѣ Дону и засѣли близъ его устья и на другихъ рѣкахъ.

Скоро «донскіе» казаки стали страшны басурманамъ и царь Іоаннъ IV, въ 1570

году, шлетъ имъ милостивую грамоту и подарки. Съ этого года ведетъ свое старшинство славное донское казачье войско; самый старшій и почетный членъ въ семьѣ казачьихъ войскъ.

На Волгѣ тоже казаки приумножились и не давали спуска и русскимъ купцамъ. Царь Іоаннъ IV послалъ противу нихъ войско; казаковъ «погромили» и часть ихъ бросилась на р. Яикъ, нынѣ р. Уралъ. Отсюда яицкіе казаки стали ходить и на службу царскую. Въ первый разъ это было въ 1591 году и съ того времени ведетъ свое старшинство уральское войско, называвшееся прежде яицкимъ. Немного ранѣе казаки основались и на р. Терекъ (нынѣ терское казачье войско).

Вотъ откуда пошли казаки.

II.

Ермакъ Тимофеевичъ.

Еще задолго до покоренія Казани, русскіе люди пошли по разнымъ сѣвернымъ рѣкамъ и проникли въ предѣлы нынѣшней Вятской и Пермской губерній. Сюда манило многое: дремучіе лѣса, богатые пушниной, охота на звѣря и птицу, полный просторъ и независимость. Здѣсь же открыты были соляные источники и здѣсь же основали соляныя варницы. Все глубже и дальше уходили русскіе на Востокъ. Дошли они и до Уральскихъ горъ, или до «Каменя», какъ называли да и теперь называютъ эти горы. Отдѣльные смѣльчаки переходили и за «Камень» къ разнымъ племенамъ, собирали съ нихъ ясакъ

и дань соболями, разными цѣнными мѣхами.

Но здѣсь русскіе натолкнулись на болѣе предприимчивыхъ людей, татаръ, которые сами переходили чрезъ «Камень» и тревожили русскіе городки, производя нерѣдко и опустошенія.

Жили въ томъ краѣ «именитые» люди Строгановы, владѣли они большими богатствами, имѣли заводы, варницы. Для защиты отъ нападеній они держали даже и вооруженныхъ людей, конечно, на полномъ своемъ счету. Пригласили Строгановы къ себѣ на службу и волжскихъ казаковъ подъ начальствомъ Ермака.

Слухи о богатствахъ, находящихся по ту сторону Уральскихъ горъ, не давали, повидимому, покоя смѣлымъ и рѣшительнымъ людямъ, да и обиды отъ татаръ не хотѣлось сносить. И вотъ постепенно созрѣла мысль: послать дружину за «Камень» для покоренія тамъ живущихъ народовъ. Царь Иоаннъ Грозный далъ свое согласіе.

1-го сентября («о Семеновъ день») 1581 г. отрядъ, предводительствуемый Ермакомъ Тимофеевичемъ, отслуживъ молебень и выслушавъ добрыми пожеланіями Строгановыхъ и собравшагося на проводы множества народа, усѣвшись на струги (лодки), двинулся вверхъ по рѣкѣ Чусовой, потомъ до ея притоку Серебряной. Далѣе, перетянувшись «волокомъ» до рѣчки Жеравли, отрядъ принужденъ былъ остановиться здѣсь на зимовку, и только уже весной 1582 года дружина Ермака могла предпринять дальнѣйшій походъ по рр.: Жеравль, Барандѣ, Тагилу, Турѣ и Тоболу.

Вся дружина Ермака состояла не больше какъ изъ 840 человекъ, изъ которыхъ было 540 казаковъ, пришедшихъ съ Волги, Дона, Яика, изъ Казани и Астрахани, и 300 человекъ воинскихъ «служилыхъ» людей, состоящихъ на службѣ у Строгановыхъ: «литвы, и нѣмецъ, и татаръ, и русскихъ людей, буйственныхъ и храбрыхъ».

Казаки заставили Строгановыхъ дать, кромѣ боевыхъ припасовъ и продовольствія, знамена съ иконами, на каждую сотню по знамени. Весь отрядъ свой Ермакъ раздѣлилъ на сотни, пятидесятки (полусотни) и десятки, въ отрядѣ было 4 есаула и полковые писаря, 3 священника.

Сибирскимъ царствомъ въ это время владѣлъ, по изгнаніи князя Едигера, Шибанскій ханъ Кучумъ, человекъ очень воинственный и предприимчивый.

Къ счастью казаковъ, сибирскіе «народцы» еще не были въ то время знакомы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и поэтому «огненный бой» казаковъ производить на жителей большой страхъ. Слухъ о страшныхъ прищельцахъ, стрѣляющихъ «невидимыми стрѣлами», быстро распространился по Сибири, способствуя тѣмъ Ермаковой дружинѣ безъ особеннаго труда покорять «сибирскіе народцы» и забирать ихъ «землицы».

Первое значительное дѣло съ сибиряками у Ермака было уже на р. Турѣ, когда пришлось брать съ бою городокъ князя Епанчи, недалеко отъ нынѣшней Тюмени. Послѣ того казакамъ пришлось выдержать еще нѣсколько большихъ битвъ и малыхъ стычекъ съ неприятелемъ. Желая задержать движеніе казаковъ, Кучумъ приказалъ чрезъ Мурзу Карачу перегородить въ одномъ мѣстѣ р. Тоболь желѣзными цѣпями, но казаки порвали ихъ.

21-го іюня 1581 года, подлѣ урочища Бобасана, гдѣ скопилось множество татаръ, остяковъ, чувашей и вогуличей, у Ермака было кровопролитное дѣло, продолжавшееся, какъ гласитъ лѣтопись, цѣлыхъ пять дней. Пораженіе кучумовскихъ полчищъ, подлѣ предводительствомъ Карачи-мурзы, было полное. Но походъ замедлялся тѣмъ, что казакамъ приходилось постоянно дѣлать развѣдки незнакомой совершенно мѣстности, среди многочисленнаго неприятеля; приходилось заботиться и о продовольствіи себя.

Въ началѣ октября, овладѣвъ богатымъ городомъ Каратина-мурзы (Карачи-мурзы), казаки пошли вверхъ по Иртышу, къ городу Атики-мурзы. Дѣло подлѣ Атикскимъ городкомъ было такое горячее, такое трудное, что многіе изъ нашихъ от-

чаялись въ побѣдѣ и хотѣли уже дать тылъ; только обращеніе Ермака къ чувству чести и къ вѣрѣ православной такъ подняло упавшій было духъ дружины, что казаки одержали и тутъ блистательную и рѣшительную побѣду, не смотря на то, что Чувашья гора, послѣдній оплотъ Кучума, была сильно имъ укрѣплена. Это было 23-го октября 1581 года. Непрiятельской конницей и пѣхотой здѣсь предводительствовали племянникъ Кучума, Маметкуль, и вѣрный союзникъ Кучума, князь Урканъ, — оба воины храбрые. Маметкуль былъ раненъ, искалъ спасенія въ степяхъ нашимъ, захвативъ съ собою, сколько могъ и успѣлъ, изъ своихъ богатствъ... Сибирское царство пало и 26-го октября 1581 года дружина Ермака, потерявшая въ послѣдней битвѣ еще больше сотни человекъ, съ торжествомъ вступила въ брошенную Кучумомъ столицу его, Искеръ или Сибирь.

Здѣсь казаки нашли большую добычу, Много золота, серебра, мѣховъ, дорогихъ персидскихъ шалей и ковровъ, камней самоцвѣтныхъ, дорогой конской сбруи и 200 арабскихъ кровныхъ скакуновъ. Часть всего этого была подѣлена между побѣдителями, а лучшее изъ захваченной у непрiятеля добычи Ермакомъ было назначено въ даръ царю.

Ласковое обращеніе Ермака и его дружины съ побѣжденными народами расположило ихъ къ казакамъ; уже на четвертый день послѣ занятія Искера къ Ермаку пришелъ одинъ остяцкій князекъ со своею дружиною, принесъ много даровъ и съѣстныхъ припасовъ. Вслѣдъ за этимъ стали возвращаться на свои пещелища татары, вогуличи, остяки и другіе мелкіе народцы. Ермакъ приводилъ

ихъ къ присягѣ и облагалъ небольшою данью.

Наступившіе зимніе морозы не дали возможности Ермаку продолжать дальнѣйшее наступленіе по Сибири. Поэтому онъ ограничился только командированіемъ своихъ атамановъ въ окрестности Искера для приведенія инородцевъ къ присягѣ; такъ, атаманъ Брезга съ 50 казаками ходилъ внизъ по р. Иртышу и покорилъ Демьянскіе и Кадышскіе городки, а также укрѣпленный городокъ князя Самыры.

Но не дремали и бѣжавшіе изъ Искеры враги Ермака Кучумъ и Маметкуль; они рѣшили нападать на казаковъ врасплохъ, не давая имъ покою и истреблять по частямъ, что и удавалось; напримѣръ, въ декабрѣ 1581 года Маметкуль подстерегъ отрядъ казаковъ, бывшихъ на рыбалкѣ, на Абалацкомъ озерѣ, и почти всѣхъ ихъ перебилъ...

Весной 1582 года Ермакъ отправился съ небольшимъ отрядомъ къ устью Вагая и тамъ неожиданно напавъ на Маметкула, взять его въ плѣнъ; но все-таки положеніе его отряда среди покоренныхъ народовъ сибирскихъ было непрочное. Ермакъ ясно сознавалъ, что дружина его, въ борьбѣ съ туземцами и суровой природой, уменьшенная уже на половину, не можетъ держать въ покорности цѣлые десятки тысячъ враговъ, и рано ли, поздно ли, но ей неминуемо грозитъ истребленіе. Слѣдовательно, помощь извнѣ была крайне необходима.

Рѣшено было сначала къ Строгановымъ, а потомъ и въ Москву послать атамана Ивана Кольцо, правую руку Ермака.

Въ Москвѣ были чрезвычайно рады посланью Ермака. Извѣстіе о покореніи царства Сибирскаго горстью героевъ казаковъ, безъ всякихъ хлопотъ правительства, вызвало

исключая дворян. Царь не только про-
слав Франца Бальцо и прочих «воров-
ских» казаков (тогда тогда называли въ
Москвѣ ихъ «спаскою вольницею»), но даже
хотѣлъ награждать Бальцо и всю его свиту;
Францу же повѣстѣлъ отправить изъ своей
личной казны драгоценную саблю, же-
лезную палицу, съ мѣдной каймой во-
кругъ рукоятки и подола и съ двуглавыми
молотками орлами на спинѣ и на груди;
за франца тогда послать ему дорогую со-
бу «со своего царскаго плеча...»
Выражены были щедро и братья Максимъ
и Иванъ Строгановы съ дядей ихъ, Семе-
номъ, пребывавшіе въ Москву вмѣстѣ съ
Бальцо.

Иванъ Бальцо возвратился изъ Москвы
въ началѣ 1583 года и затѣмъ лѣтомъ была
отправлена помощь подъ начальствомъ
генерала Болховскаго и воеводы Глухова,
300 казаковъ «царскаго» войска, стрѣль-
цовъ, къ нимъ нужно прибавить еще чело-
вѣкъ 600 «охочихъ» людей (волжскихъ ка-
заковъ и другой вольницы), явившихся на
звать атамана Кольцо и пожелавшихъ по-
служить подъ знаменами знаменитаго Ер-
мака, вотъ и все подкрѣпленіе.

Во въ то же время казаковъ постигли и
несчастія. Осенью погибъ Иванъ Кольцо
съ 40 казаками; на него напали татары, и
всѣ отряды были истреблены. Зимой на
1584 г. русскіе терпѣли сильный голодъ,
многіе люди погибли отъ болѣзней.

Лѣтомъ 1584 года Искеръ осадилъ давно
не подвластный о себѣ вѣсти Мурза Карача.
Предводительствуемые снова Ермакомъ, ка-
зачи блистательно отбили нападеніе Ка-
рача.

Еще въ концѣ іюня бѣжавшій Кучумъ
распустилъ ложный слухъ, что будто бы
къ Ермаку въ Искеръ идетъ бухарскій ка-

раванъ съ товарами и что самъ Кучумъ
хочетъ перерѣзать ему путь и завладѣть
товарами. Ермакъ повѣрилъ этому слуху,
и зная, какой лишается онъ помощи, если
упуститъ караванъ, не захотѣлъ допустить
этого. Для этого онъ отправился на стру-
гахъ, съ дружиною въ 150 человекъ къ
устью р. Вагая, впадающей въ Иртышъ
верстахъ въ 50 выше Тобольска. Плыть
пришлось безъ отдыха цѣлый день, подъ
проливнымъ дождемъ, въ холодную, вѣ-
тряную погоду. Люди страшно истоми-
лись. Не дождавшись каравана и возвра-
щаясь уже назадъ, казаки расположились
на ночлегъ на одномъ изъ иртышскихъ
острововъ, на высокомъ обрывистомъ бе-
регу. Считая себя здѣсь въ полной без-
опасности, они не приняли надлежащихъ
мѣръ предосторожности противъ нечаян-
наго нападенія непріятеля, взявшаго за
правило, побивать ихъ враздробь, малень-
кими отрядами.

Это было въ роковую ночь на 6-е ав-
густа 1584 года. Отъ чрезмѣрнаго утомле-
нія казаки все крѣпко заснули; заснули,
къ несчастію, и часовые на сторожевыхъ
постахъ. Кучумъ, знакомый отлично съ
бродами на рѣкѣ, тихонько подкрался съ
сильнымъ отрядомъ къ спящей дружинѣ
Ермака и напалъ на спавшихъ казаковъ.
Началось избіеніе всеобщее, только одному
удалось спастись и дать вѣсть о гибели.

О смерти Ермака точныхъ свѣдѣній нѣтъ.
Кто говоритъ, что онъ былъ израненъ и,
спасаясь на лодку, оступился, попалъ въ
воду и утонулъ; кто рассказываетъ, что
онъ прямо бросился въ рѣку, надеясь до-
плыть до лодки, которая отошла отъ бе-
рега. Черезъ нѣсколько дней татары нашли
и трупъ его, выброшенный волнами.

Еще раньше погибли въ бояхъ сподвиж-

ники Ермака: Иванъ Кольцо, Никита Панъ, Яковъ Михайловъ и другіе.

Матвѣй же Мещерякъ, по смерти Ермака, съ 150 человекъ, оставшимися въ Сибири, совершенно упавъ духомъ, возвратился обратно на Русь, слѣдуя уже не прежней дорогой, но въ обходъ, по рр. Иртышу и Оби.

Но вскорѣ, уже въ правленіе царя Федора Ивановича, въ 1585 же году, въ Сибирь явился воевода Мансуровъ, встрѣтившій Мещеряка. Дѣло покоренія Сибири возобновилось съ новыми силами и скоро было окончено. Мансуровъ основалъ, при впаденіи Иртыша въ Обь, Обскій городокъ и окрестныхъ остяковъ привелъ въ подданство Россіи. Въ 1586 году воевода Сукинъ основалъ гор. Тюмень на р. Турѣ, а въ 1587 году воевода Чулковъ основалъ городъ Тобольскъ, около Искера, бывшей столицы Кучума.

Кучумъ, вскорѣ по смерти Ермака, былъ разбитъ и изгнанъ изъ предѣловъ своего царства коварнымъ его данникомъ Сейдекомъ. Окончательно Кучумъ былъ разбитъ воеводою Воейковымъ въ 1598 году, когда все семейство Кучума было взято въ плѣнъ: самъ же онъ бѣжалъ къ ногайцамъ, князя которыхъ и убили его, боясь потерять свое вліяніе на народъ.

Сейдекъ, также воевавшій съ русскими, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ воеводой Чулковымъ и препровожденъ, подобно Маметкулу, въ Москву.

Со смертью Кучума, самага не примиримаго, самага внергичнаго врага русскихъ, дѣло завоеванія Сибири быстрыми шагами пошло впередъ; города и острожки быстро основывались одинъ за другимъ, и не прошло и сто лѣтъ со смерти Ермака, какъ уже казаки и другіе вольные «охочіе» люди,

разсыпавшись по всей Сибири, прошли ее всю и дошли до Великаго океана, до Камчатки и покорили подъ власть Русскаго Царя.

О дѣйствіяхъ ихъ будетъ изложено ниже. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ Ермакѣ.

Откуда онъ былъ родомъ? Объ этомъ есть только однѣ догадки и говорить что либо утвердительно—трудно. Одно можно сказать болѣе вѣрно и правдиво, что онъ былъ съ казаками и на Волгѣ, и на Дону. Донскіе казаки считаютъ его своимъ.

Въ городѣ Новочеркасскѣ, главномъ городѣ войска донскаго, главная улица названа именемъ Ермака. Донцы собираютъ деньги, чтобы поставить ему памятникъ.

Откуда слово Ермакъ и что оно значитъ? И объ этомъ толкуютъ различно, но настоящаго все таки не могутъ сказать. Кто говоритъ, что его имя Ермолай, сокращенное Ермоха, и отсюда передѣлали въ Ермака. Кто говоритъ и такъ: Ермакъ значитъ дорожный котель и будто бы настоящее имя его Василий, а Ермакъ ему присвоили, потому что въ началѣ, въ артели, онъ былъ кашеваромъ.

О личности Ермака сохранилось очень мало свѣдѣній. Одинъ изъ сибирскихъ лѣтописцевъ, писавшій долго спустя послѣ смерти Ермака, говоритъ о немъ такъ: «Бѣ бо вельми мужественъ и разуменъ, и человекенъ, и зраченъ, и всякой мудрости доволенъ, плосколицъ, черенъ брадою и власы, прикудрявъ, возрастъ средній и плоскъ, плечистъ». Погибъ Ермакъ въ водахъ Иртыша, но погибъ только тѣломъ и не изгладился изъ памяти народа.

Какъ современники, такъ и потомство видѣли и видятъ въ немъ героя, человека, выдѣлявшагося изъ толпы, умѣвшаго

управлять людьми, способного одушевлять ихъ и совершившаго великое дѣло. Онъ отворилъ двери русскимъ въ Сибирь, ему, какъ первому, тяжело было съ дружиною разбить преграды, стать твердою ногою на новой землѣ... Послѣ него стало это легче.

1839 года 23 августа происходило въ Тобольскѣ особенное торжество, открытіе памятника Ермаку. На крутомъ обрывѣ высокаго, нагорнаго берега Иртыша, стоитъ высокая гранитная пирамида. На доскѣ, прибитой къ пирамидѣ, по повелѣнію императора Николая I сдѣлана надпись: «Покорителю Сибири Ермаку». На одной сторонѣ надпись: «1581» — годъ покоренія Сибири, на другой: «1584» — годъ смерти Ермака; наконецъ, на четвертой: «Воздвигнуть въ 1839 г.».

На торжествѣ присутствовали генералъ-губернаторъ, нарочно прибывшій изъ Омска, всѣ гражданскія власти, войска. Духовен-

ство, поднявъ иконы, пошло къ памятнику при звонѣ во всѣхъ церквахъ города. Церковная служба состояла въ благодарственномъ молебствіи, окропленіи памятника св. водою. Послѣ многолѣтія Царствующему Дому, діаконъ произнесъ: «Ермаку Тимофеевичу вѣчная память». Изъ пушекъ былъ произведенъ 101 выстрѣлъ.

Когда праздновали трехсолѣтіе со времени покоренія Сибири, то высочайше повелѣно одному изъ казачьихъ полковъ сибирскаго казачьяго войска именоваться сибирскимъ казачьимъ «Ермака Тимофеева» полкомъ.

Одно изъ знаменъ, бывшихъ у Ермака, хранится и теперь въ гор. Омскѣ въ войсковой церкви сибирскаго казачьяго войска.

Вѣчная же память тебѣ, доблестный казакъ, съ честью потрудившійся на славу Россіи и на славу казачества!

III.

Занятіе Сибири.

Слухи о богатствахъ вновь занятыхъ земель быстро пошли по всей Руси православною. Такихъ людей, которымъ было дома тѣсно, которыхъ манило куда-то вдаль, было много. И вотъ всякіе «охочіе» люди охотно шли сами, шли на приглашеніе, шли и по приказу правительства, которое было довольно, когда открывались новыя земли, облагались ясакомъ новыя племена.

Казакамъ наказывалось идти сибирскою землею, отыскивать «новыя землицы», брать *ясы* со встрѣчныхъ людей, приводить ихъ подъ высокую государеву руку, ставить жи-

лыя мѣста. Казаки шли, оставляя за собой рядъ небольшихъ остроговъ. Изъ нихъ они расходились потомъ небольшими артелями въ разные концы Сибири. Большія рѣки со многими притоками помогали казакамъ подвигаться довольно скоро. По текущимъ съ юга на сѣверъ рѣкамъ они то спускались до промералыхъ сѣверныхъ болотъ, по которымъ ходили кочевники съ своими оленями, до самаго моря, то поднимались до густыхъ, неоглядныхъ лѣсовъ, на югъ, до каменныхъ хребтовъ. Весною и лѣтомъ плыли по рѣкамъ на кочахъ и дощаникахъ

(большое судно, съ одною мачтой и съ палубой; кочь быть сажень въ 12 длины; маленькій кочь звался кочеткомъ). Въ этихъ посудинахъ иной разъ не было ни одного желѣзнаго гвоздя, ни одной желѣзной скобы. Даже якори были деревянные и для тяжести къ нимъ привязывали камни. Канаты дѣлали изъ оленьей кожи; изъ нея нарѣзывались ремни и сплетались. Въмѣсто парусовъ, за недостаткомъ холста, развѣшивались сыромятныя оленьи шкуры. Когда подходила зима, суда оставлялись на какомъ нибудь волокѣ и строилось зимовье. Промышленники, забравшіеся на сѣверъ часто раньше казаковъ, ставили больше въ лѣсу, или около него, къ звѣрю ближе; казаки же— по рѣкамъ, а иной разъ гдѣ придется. Въ отличіе отъ сосѣдей-нехристей, около зимовья ставился большой деревянный крестъ. Выпадали глубокіе снѣга, въ полѣ вьюжило; трещали страшные морозы... Зимовье часто кругомъ заносило высокими сугробами, и только небольшая струйка дыма указывала повременамъ, что въ занесенной одинокой избѣ есть люди. Казаки и промышленники подвязывали къ ногамъ длинныя лыжи и пускались на нихъ по лѣсамъ и равнинамъ— одни за звѣремъ, другіе— за сборомъ царева ясака. Припасы везли на оленяхъ или собакахъ, запряженныхъ въ легкія нарты.

Изъ простаго огороженнаго зимовья вырастала *острожекъ*, а потомъ острогъ. Такъ называли всякое обнесенное тыномъ мѣсто. Тынь или частоколь дѣлался изъ свай, которыя, будучи врыты стоймя острыми, обтесанными концами, торчали кверху. За острожнымъ тыномъ, который поставить было дѣломъ скорымъ и не мудреннымъ, рубились избы, или копалось жилье въ землѣ. Такія укрѣпленныя мѣста были обык-

новенно расположены въ началѣ какого нибудь волока съ одной рѣки на другую, или около рѣчного устья. Такъ какъ строили ихъ на скорую руку и неумѣло, то иные острожки стояли недолго: подгнивали или вовсе разваливались; случалось, что ихъ истреблялъ пожаръ. Поджоговъ боялись сильно, да они страшны были въ мѣстахъ, гдѣ кругомъ стояли лѣса. Лѣса эти часто горѣли, а тушить ихъ никто и не думалъ. Если въ острогѣ скоплялось довольно много народу, то случалось, что ставили и маленькую церковь на мѣсто прежней часовни. Города рубились отдѣльно, но бывало и такъ, что острогъ съ городомъ стояли вмѣстѣ: снаружи— острожный палисадъ (тынь), а внутри, съ деревянными рублеными стѣнами и башнями, городокъ. Между тыномъ и городкомъ жили обыватели; тѣсно было, — такъ селились и за тыномъ въ полѣ. Въ городѣ стояли: церковь, воеводскій дворъ, *зелейные* (пороховые) погреба, казенные амбары. Служилымъ и рабочимъ людямъ, плотникамъ, кузнецамъ и пр., требовались топоры, тесла, ножи, всякій заводъ. Безъ топора нельзя было въ Сибири и шагу сдѣлать.

Для поселеній выбирали мѣсто повыше— на пригоркѣ или на рѣчномъ юру, чтобы весной сильная сибирская вода не затопляла. Коли мѣсто было удобно, то о немъ отписывалось, что оно *«ухоже и крышко, и рыбно, и пашенка не велика есть, и луговъ много, и здѣь стояти городу и то мѣсто высоко— большая вода не поймасть»*. Города строили казашкіе головы, сотники, боярскіе дѣти. Постройка ихъ обходилась, на нынѣшніи деньги, очень дешево: сажень палисада— 20 копѣекъ, башня— рубль¹⁾.

¹⁾ Рубль стоилъ вдвое противъ нынѣшняго. Рубли (монеты) не было; рублемъ звали сто копѣекъ, отъ

Число поселеній увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ ними—и число переселенцевъ изъ-за Уральскихъ горъ. Между ними, къ концу пятисотыхъ годовъ, были въ Сибири не одни служилые люди—казаки, да промышленники; изъ сѣверныхъ русскихъ городовъ (Устюга, Тотмы, Сольвычегодска) шли охотой и высылались еще пашенные люди и торговцы. Промышленники и торговцы, забираясь на сѣверъ Сибири, украдомъ вели выгодный для себя и убыточный для казны торгъ. Сначала это имъ сходило съ рукъ, а послѣ провѣдали о продѣлкахъ въ Москвѣ и приказали стеречь государево добро и людей безъ вѣдомо не пускать. До вступленія на престолъ Михаила Феодоровича Романова у русскихъ въ Сибири было уже нѣсколько городовъ (Тобольскъ, Тюмень, Пелымъ, Березовъ, Тара, Томскъ и другіе).

Жители сибирскихъ поселеній кормились охотой и рыбною ловлей; гдѣ было можно, тамъ заводили пашни. Спустя лѣтъ 80 послѣ смерти Ермака, русскіе далеко отошли отъ сѣверныхъ тундръ и Уральского хребта. Въ 1604-мъ году построены были Томскъ; для него приказано было набрать 50 человекъ охочаго люда и дать имъ по два рубля съ полтиной, хлѣба—по четверти муки, по полъ-осьминѣ крупъ, да столько же толокна. Наказывалось прибрать молодцовъ добрыхъ, которые бы стрѣлять умѣли. Работы этимъ молодцамъ было не мало: они должны были расчищать дороги, ровнять пеньки послѣ вырубленныхъ лѣсовъ... При Михаилѣ Феодоровичѣ, а послѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ

въ Сибири, особливо въ южной ея половинѣ, было не покойно: кромѣ туземцевъ, вставали противъ русскихъ татары и киргизы; а позже не было покоя отъ калмыковъ. Кочевники жили на югъ Сибири казакамъ-поселенцамъ приходилось отъ нихъ такъ же терпѣть, какъ въ прежніе годы русскимъ крестьянамъ отъ татаръ. Кочевники приходили и жгли остроги, угоняли скотъ, били людей. На краю степей, которая лежали на юго-западѣ въ перемежку съ горами, надо было ставить крѣпости посильнѣе, заводитъ пушки, сажать ратныхъ людей побольше; но народу въ Сибири было еще очень мало: киргизскія и калмыцкія толпы приходилось разбивать по частямъ. Города Тара и Кузнецкъ служили русскимъ защитой отъ этихъ разбойниковъ, а между тѣмъ въ Тарѣ, для охраны плодородной Барабинской степи, было всего 60 казаковъ.

Казаки шли и сѣверомъ и югомъ, вездѣ ихъ можно было встрѣтить. Случалось такъ, что на сѣверѣ поставятъ острогъ или зимовье (ясачное) и ходятъ изъ него за ясакомъ къ югу; южнѣе, другая казачья артель поставитъ свой острожекъ и идетъ собирать ясакъ на сѣверъ. Сборщики столкнутся и выйдеть ссора. Кончались эти ссоры обыкновенно тѣмъ, что выростать большой воеводскій городъ и прикажутъ служилымъ людямъ ходить за ясакомъ только изъ него, свозить ясакъ государевъ въ его амбары. Старательно собирались казаками дорогія шкурки сибирскихъ звѣрей: соболей, чернобурыхъ лисицъ и песцовъ. Съ каждымъ годомъ увеличивались доходы казны. Такъ, въ 1586 году, съ остяковъ взяли былъ двухъ-годичный ясакъ, всего по 14 соболей, а лѣтъ черезъ 30 сборъ сталъ получаться громад-

слова *рубить*: прежде за товаръ платили серебромъ, на яскъ; отсюда: рубль — отрубокъ серебра, известной цѣны. Гривна рубилась на-четверо (на 4 рубля). Рубль звали еще *миня*; отсюда слово—*полтина*.

ный: бывало такъ, что лыжи вмѣсто оленьей или выдровой шкуры подбивали соболями; на плечахъ простыхъ казаковъ надыты были иной разъ собольи шубы. Въ 1640-мъ году доходу было больше 170 сороковъ соболей, а это выходитъ около семи тысячъ шкурокъ.

Укрѣпившись на Оби и ея притокахъ, казаки дошли до другой великой рѣки — Енисей, и въ 1621-мъ году поставили Енисейскій острогъ. Онъ скоро развалился, потому что строили его не мастера; срублены были новыя стѣны и небольшая церковь. Въ нѣсколько лѣтъ городъ выросъ и въ немъ стала скопляться государева казна, назначаемая въ отправку до Москвы. Изъ описанія города видно, что за тыномъ выстроены были, кромѣ казенныхъ, два хлѣбныхъ амбара, сѣзжая изба да таможенная. Въ Енисейскѣ бывалъ большой торгъ, на который сѣзжались окружныя народцы и русскіе торговые люди, мѣнять разныя подѣлки на мѣха; потому, кромѣ воеводскаго двора, былъ и гостинный. Въ тыну стояла и тюремная изба.

«Землицамъ» все еще конца не видѣлось. Посланные ихъ отыскивать писали воеводѣ о своихъ походахъ; а воевода доносилъ въ Москву объ осмотрѣ такихъ-то мѣстъ, о сборѣ ясака съ такихъ-то людей и ждалъ указовъ. Народъ изъ Руси продолжалъ высылаться на обширныя сибирскія пустыни. Въ 1630-мъ году изъ-за Уральскихъ горъ отправлены были до Тобольска 500 мужиковъ и 150 бабъ съ дѣвками. Выселены были они изъ ближнихъ къ Сибири мѣстъ.

За Енисеемъ все сильно измѣнилось: стало больше лѣсовъ и болотъ; погода становилась все непостояннѣе и суровѣе; часто показывались горы (камень). Ясакъ приходилось брать съ тунгузовъ и *Брацкихъ му-*

жижковъ; съ мѣстами мѣнялись и люди. Прошло съ основанія Енисейскаго острога еще лѣтъ десять... Доносили казаки, что найдена ими третья великая рѣка — Лена, и течетъ эта рѣка тоже на сѣверъ, какъ первая двѣ рѣки (Обь и Енисей), Алексѣй Михайловичъ приказалъ поискать на Ленѣ пашенныхъ мѣстъ. Кто хотѣлъ селиться, тѣмъ выдавали изъ казны денегъ на одну лошадь, безъ отдачи, а на другую лошадь вѣрили въ долгъ, на два года; изъ казны же давали пашеннымъ людямъ серпы, косы, сошники. Нагосударяшла седьмаядесятина. Дѣло воеводы было оповѣстить, сколько на какомъ мѣстѣ можно поселить людей. Кликнули на рынкахъ кличъ и на другія рѣки, въ томъ числѣ на Илимъ. Рѣка эта пала въ верхнюю Тунгузку, что пала въ Енисей, отъ нея до Лены было вполоть. Крутомъ видѣлись покрытые лѣсомъ хребты... Илимскимъ поселенцамъ были тоже льготы на цѣлыя пять лѣтъ, а послѣ этого государю шель пятый сногъ.

На самой Ленѣ русскіе нашли якутовъ. Прошелъ между казаками слухъ о народѣ *Еко* еще давно, и казацкому головѣ, Василью Мартынову удалось его объяснить. На Ленѣ добыли много соболей; въ 1630 году одинъ Васильевъ привезъ ихъ оттуда до двухъ тысячъ.

Якутскъ былъ выстроенъ лѣтъ черезъ десять съ небольшимъ послѣ прихода на Лену. Мѣсто было ровное и песчаное; съ двухъ сторонъ видѣлись невысокія горы; кое-гдѣ были разбросаны озера и темнѣли лѣса. Скоро городъ этотъ сталъ главнымъ мѣстомъ въ восточной, Заенисейской Сибири. Изъ него, поднимаясь по рѣкамъ Алдану, Маѣ, и Юдомѣ, казаки дошли въ 1640-мъ году до высокихъ горъ съ голыми вершинами и увидали передъ собой много

воды, безъ конца много... Это было *Тунгусское* (Охотское) море; прозывалось оно такъ по народу, который около него жилъ, а у сибирскихъ племенъ извѣстно было подъ именемъ *Ламы* (что значило: вода).

Не часто, а приходилось до этого казакамъ плавать по морю, прилегающему къ сѣверной сторонѣ Сибири. Знакома была имъ Обская губа и та часть *соленой воды*, что около нея; въ другомъ концѣ, въ то время, какъ якутскіе казаки переходили черезъ горы и уперлись въ *Ламу*, немудрящія русскія суда плавали мимо Ленскаго устья.

Приходилось много и терпѣть служилымъ людямъ. Вотъ образчикъ одной челобитной, поданной въ 1640 году служилыми людьми изъ енисейскаго острога:

«Посланы мы были, холопы твои, на государеву службу, на Лену рѣку съ атаманомъ съ Осипомъ Алексѣевымъ Галкинымъ и въ нынѣшнемъ году, сентября въ 6-й день, пришли мы, холопы твои, подъ Ленскій волокъ и съ судовъ твою государеву казну выносили и свои запасенка выносили-жъ, и по твоему государеву указу тотъ атаманъ Осипъ Галкинъ насъ, холопей твоихъ, изъ-подъ Ленскаго волока на твои государевы дальнія службы разослалъ тотчасъ, не мѣшкая, для твоего государева ясачнаго сбора, и мы, холопы твои, государь, подымаючись на твою, государеву, дальнюю службу и своихъ запасенковъ продавали дешевою цѣной, пудовъ по десяти и больше, а за волокъ наймовали подъ свои запасенка дорогою цѣною, съ пуда по полтинѣ, и по 20 алтынѣ, а лыжи, государь, покупали рубля по три и больше, а топоры, государь, покупали по рублю и по полтора, а сукна покупали съ собою для всякой своей нужи бѣлаго аршинѣ—съ гривной по 20 алтынѣ

и по 15 алтынѣ, и котлы—фунтъ съ гривной по десяти... А будучи на твоей, государевой, службѣ недѣль по тридцати и больше, ободралися, государь, мы, холопы твои, на тѣхъ твоихъ государевыхъ дальнихъ службахъ, наги и босы. И будучи, государь, на твоей государевой службѣ, тѣ топоренка приломали, а новыхъ намъ, государь, холопамъ твоимъ, купить нечѣмъ... А прежь сего посланы были мы, холопы твои, на твою государеву службу, въ Брашкую землю, рядомъ года по два и по три», и т. д.

Дальше говорилось, что такимъ-то вотъ служилымъ людямъ было дозволено торговать послѣ ясачнаго сбора, а имъ—нѣтъ. На иновѣрцевъ жаловались, что тѣ пограбили у нихъ *топоренка* и ножи, шубы, и котлы, и зипуны. «Мы, холопы твои, нужны бѣдны».

Дано было, говорилось въ челобитной, намъ хлѣбное и денежное жалованье на два года, а соляное не дано; отпущенныхъ на всякій дошаникъ ста двадцати аршинъ холста не хватило: довелось прикупать его—на каждого человѣка аршинѣ по тринадцать и больше. Покупали холстъ на государево жалованье; холсты подрались и погнили. «Будучи посланы за государевы недруги, измолоть жалованный хлѣбъ (рожь и овесъ) не изоспѣли; запасенка, идучи по *шиверамъ*¹⁾ и по порогамъ, подмочили, и тотъ нашъ запасенко у насъ, холопей твоихъ, погнилъ. Пороху и свинцу тоже не было дано и порохъ со свинцомъ покупали подъ волокомъ дорогою цѣной: фунтъ—по полтинѣ и по 20 алтынѣ, а свинцу фунтъ—по полуполтинѣ и по 10 алтынѣ».

¹⁾ Шиверы—камни, торчашіе изъ рѣки, перекаты.

«Пришелъ твой указъ, писали служилые люди,—и въ твоёмъ государевомъ указѣ писано, что велѣно ему, атаману, отдать изъ своего войска, изъ служилыхъ людей, изъ тридцати и изъ дву человекъ шестнадцать человекъ, и онъ отдать насъ, холопей твоихъ, нужныхъ и бѣдныхъ и не заводныхъ и *топоромъ немужющихъ*; а мы, холопы твои, въ конецъ разорены и пограблены; намъ, холопамъ твоимъ, государь, будучи у твоей государевой работы у судовъ, свои достальные запасенка придержать и достальные лапотышка придрать и впредь твоей государевой службы служить не зачѣмъ (т. е. не съ чѣмъ). Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»

Стоя за свою волю, тунгузы и брацкіе люди нерѣдко отказывались платить ясакъ—поднимались. Въ ихъ земляхъ еще задолго до основанія Якутска поставлены были остроги: Илимскій и Брацкій. Въ случаѣ сильнаго непослушанія, служилыхъ людей посылали на инородцевъ *громить ихъ немалымъ разореніемъ*.

Въ 1641-мъ году посланъ былъ служилый человекъ Василій Власевъ на Брацкую землю, чтобы тунгузовъ и брацкихъ людей привести подъ государеву руку. Люди эти не давали ясака. Не зная, какъ пройти, Власевъ ловилъ тунгузовъ въ вожи; поймалъ какого-то шамана и повелъ съ собою. Брацкіе люди, видя бѣду, рѣшили драться сколько силъ хватить. Съ ними за-одно были и тунгузы. Много было *куячннхъ*¹⁾ и конныхъ людей. Долго дрались брацкіе люди съ русскими; въ лѣсу они упорно отстрѣливались изъ-за деревьевъ. Съли отъ нихъ русскіе въ аасѣку, и насилью отбились.

¹⁾ Кужки—все одно что латы. Они были или чепчу-чатые, или наборные изъ кованыхъ пластинокъ по сукну.

Послѣ Власевъ доносить, что онъ ходилъ на брацкихъ *мужиковъ* и что Чепчугевъ улусъ *попромили*, убили человекъ съ тридцать, а живкомъ взять ни одного не удалось, потому что тунгузы съли въ юрты, въ осаду. Уговаривали русскіе Чепчугуя, чтобы сдался, а онъ кричалъ имъ въ отвѣтъ: «Живъ вамъ, казаки, въ руки не дамся!» Силенъ былъ и ловокъ Чепчугуй; на комъ были кюаки, онъ и кюаки пребивалъ. Какъ ни стрѣляли русскіе, сколько пороху ни тратили, но сдѣлать съ нимъ ничего не могли. Взяли казаки да и зажгли Чепчугуеву юрту. Силачъ Чепчугуй сгорѣлъ въ ней съ своимъ сыномъ, а жену съ другими дѣтьми верхомъ выкинулъ.

Въ донесеніи Василія Власева попадаютъ подробности о самомъ дѣлѣ: «*трехъ человекъ*», «*доносить казакъ*», *схватили, и коня подъ мужикомъ схватили, и кюакъ съ мужика сняли*.

Посыланъ былъ еще на государевыхъ измѣнниковъ и непослушниковъ брацкихъ мужиковъ (т. е. людей) казачій десятникъ Василій Бугоръ со 130-ю человекъми. Доносилось послѣ, что «*Божією милостію и государевымъ счастьемъ отъ тѣхъ большнхъ брацкихъ мужиковъ (ихъ было больше 500) государевы служилые люди устояли и государю служили и бились съ тѣми брацкими людьми, на томъ бою не шадя головъ своихъ*». Въ концѣ донесенія прилагался послужной списокъ тѣхъ казаковъ, которые бились *явственно*. Василій Бугоръ сълъ съ 80-ю человекъми въ обозъ и бился оттуда; затѣмъ перечисляется по именамъ, кто и какъ бился: «*Постылко Осиповъ бился и мужика убилъ... Яхунка Кудринъ бился и мужика убилъ, а у него съ то время коня ранили... Гришка Ивановъ Тануринъ бился, мужика убилъ, а его Гришку на томъ бою другой брацкій мужикъ*

изу лука ранилъ въ рожеу, пониже лѣваго глаза.» Про другого писалось, что тотъ «на темной дракѣ мужика срубилъ» и пр.

Отъ Брацкихъ людей было на казаковъ три напуска. Высчитывалось по порядку, кто въ какомъ напускѣ бился и что сдѣлать. Люди, какъ видно, дрались, разбирая съ кѣмъ, и больше все въ рукопашную,

«схватившись за руки», какъ во времена Ермака. У брацкихъ людей бой былъ лучшей, копейный и сабельный. Порохъ казакамъ былъ дорогъ и тратился въ крайности. Случалось, что брацкіе люди приходили подъ острогъ *всей землицей*, на коняхъ, *збруйми*, въ куюкахъ и шишакахъ¹⁾.

IV.

Казакъ Семень Дежневъ.

Въ 1636 году якутскіе городовые казаки и охочіе люди по рѣкѣ Ленѣ спустились до самаго Сѣвернаго Ледовитаго океана, или, какъ тогда говорили, Студенаго моря, дѣлая попытки берегомъ моря добраться на западъ до устьевъ Енисея; пытались пробраться моремъ же и на востокъ, но безуспѣшно.

Послѣ этого пошли туда сухимъ путемъ. Дошли съ Лены до рѣкъ: Яны, Индигирки, Алази и до Колымы. Оттуда вольные открыватели «земелекъ» привозили весьма цѣнный товаръ, находимый даже и въ настоящее время, это мамонтовы клыки и моржовые зубы. Здѣсь же получены были свѣдѣнія, что дальше на востокъ есть какая-то большая рѣка Анадырь. Охотниковъ попытать счастье на Анадыри нашлось много. Одному изъ нихъ, холмогорскому уроженцу Ѳедоту Алексѣеву, было разрѣшено «государевымъ приказчикомъ» на Колымѣ набрать партію для отысканія Анадыри морскимъ путемъ. Въ числѣ явившихся на кличъ оказался и казакъ *Семень Дежневъ*, принявшій на себя обязанность начальствовать всею партіею.

Первая попытка Дежнева, вышедшаго въ

море въ іюнь 1647 года на четырехъ судахъ (кочи), оказалась неудачной: встрѣчные морскіе льды заставили партію вернуться назадъ. Но казаки не унывали и въ слѣдующемъ 1648 году, вмѣсто четырехъ, въ море вышло уже семь судовъ: три казачьихъ и четыре вольныхъ. Казачьими «кочами» командовали Семень *Дежневъ* и Герасимъ *Анхудиновъ*, а вольными Ѳедотъ *Алексѣевъ*.

Счастье благоприятствовало храбрецамъ: безъ картъ, при помощи самодѣльных компасовъ, на небольшихъ и плохихъ судахъ, смѣльчаки обогнули даже Чукотскій носъ и вышли въ Великій океанъ.

Этимъ они совершили такой подвигъ, который впоследствии, въ теченіе 200 слишкомъ лѣтъ, никому не удавался по причинѣ встрѣчающихся въ открытомъ морѣ громадными массами полярныхъ льдовъ. Только въ 1879 году финляндцу *Норденшильду*, первому послѣ Дежнева, удалось пройти этимъ же путемъ и подтвердить всѣ показанія Дежнева объ открытой имъ землѣ, населенной чукчами. Въ Великомъ

¹⁾ Желѣзные наголовники, шлемы.

океанъ счастье измѣнило плователямъ: во время сильной осенней бури кочь Анкудинова разбило; людямъ и самому ему удалось перебраться на суда Дежнева и Алексѣева; буря разбросала всѣ суда; судно Дежнева понесло невѣдомо куда и потомъ прибило къ неизвѣстному пустынному берегу.

Кое-какъ справившись съ бурей, Дежневъ и его спутники, держась морского берега, направились къ сѣверу. Въ продолженіе десяти недѣль несчастнымъ пришлось испытывать страшныя бѣдствія, терпя холодъ и голодъ; брели они, сами не зная куда. Наконецъ, дошли до какой-то большой рѣки, впадающей въ море. Это и оказалась желанная Анадырь.

Но положеніе ихъ среди безлюдной пустыни нисколько не улучшилось. Въ партіи Дежнева осталось только 25 человекъ; остальные померли.

Посланные Дежневымъ на поиски вверхъ по Анадыри 12 казаковъ вернулись чрезъ 20 дней, не найдя ни людей, ни лѣса и потерявъ еще нѣсколько товарищей, отъ холода и голода. Зима приближалась; идти дальше было не возможно; рѣшили перезимовать здѣсь, построивъ нѣсколько землянокъ. Питаться пришлось только рыбой и мясомъ дикихъ сѣверныхъ оленей.

Весною, построивъ плотикъ изъ дерева, выброшеннаго моремъ на берегъ, Дежневъ съ товарищами поплылъ вверхъ по Анадыри. Пройдя уже нѣсколько сотъ верстъ, казаки повстрѣчали въ первый разъ малочисленное бродячее племя «Анауловъ». Здѣсь Дежневъ построилъ первое русское зимовье, послужившее потомъ основаніемъ Анадырску, самому отдаленнѣйшему изъ всѣхъ русскихъ поселеній на сѣверѣ. Но положеніе партіи было пло-

хое: возможности сносятся съ нашими поселеніями на Колымѣ не было. Къ счастью, въ 1650 году, съ Колыми на Анадырку пришла другая партія казаковъ, подъ предводительствомъ якутскаго казака *Мотира*, и совершенно случайно столкнувшаяся съ партіей Дежнева. Это спасло удалцовъ отъ неминуемой гибели въ безлюдной сѣверной пустынѣ. Соединившись съ Мотирой, Дежневъ спустился внизъ по Анадыркѣ до ея устья. Здѣсь на одной изъ обширныхъ морскихъ отмелей удалось безъ особеннаго труда добыть громадное количество «звѣринаго зуба», т. е. зубовъ моржей.

Убѣдясь въ невозможности возвратиться на родину прежнимъ путемъ, т. е. моремъ, Дежневъ и Мотиро рѣшили слѣдовать по тому пути, по которому пришелъ послѣдній. Но ранѣе сего пошли поискать новой добычи и новыхъ «землицъ», двинувшись на югъ и держась все время близъ морского берега. Попадавшіеся имъ на пути «народцы» не всегда встрѣчали ихъ мирно и съ благодушіемъ: иногда приходилось вступать и въ боевыя схватки. Въ одной изъ такихъ схватокъ, къ огорченію всего отряда, былъ убитъ казакъ Мотиро.

Дежневъ, послѣ смерти Мотира, продолжалъ свое плаваніе на утлой ладѣѣ, съ парусами, изъ оленьихъ шкуръ, вмѣсто холста, и съ канатами изъ моржовыхъ шкуръ, за неимѣніемъ пеньки и мочала. Такимъ образомъ Дежневъ добрался моремъ до восточнаго берега полуострова *Камчатки*, заселеннаго въ этомъ мѣстѣ племенемъ коряковъ.

Отъ Коряковъ Дежневъ узналъ, что бывшіе его товарищи Анкудиновъ и Алексѣевъ, выброшенные на берегъ Камчатки, умерли отъ цынги. Спутники же ихъ или умерли

отъ болѣзней, или были убиты инородцами, или же пропали безъ вѣсти...

Наконецъ, въ 1656 году казакъ Семенъ Дежневъ съ уцѣлѣвшими своими товарищами явился въ Якутскъ, съ огромною добычею мамонтовыхъ и моржевыхъ клыковъ и моржевыхъ зубовъ, пробывъ, такимъ образомъ, въ своемъ отважномъ странствованіи больше восьми лѣтъ.

Подвигъ Дежнева въ Якутскѣ тогда казался на столько дѣломъ обычнымъ, что

о немъ не было даже донесено по начальству въ Москву, и открытіе Дежневымъ пролива между Азіей и Америкой, впоследствии было приписано чужестранцу, хотя и состоявшему на русской службѣ, датчанину *Берингу*, проплывшему проливъ въ 1748 году; въ честь Беринга и проливъ именуется «Беринговымъ»; тогда какъ *первое открытіе его принадлежитъ казаку Семену Дежневу*, и проливъ этотъ, по всей справедливости, долженъ былъ бы именоваться проливомъ казака „*Дежнева*“.

V.

Ерофей Павловичъ Хабаровъ.

Ерофей Павловичъ *Хабаровъ* происходилъ изъ мѣщанъ (посадскихъ) города Великаго Устюга, Вологодской губерніи. О времени рожденія, молодости и первоначальной его дѣятельности не сохранилось никакихъ свѣдѣній; извѣстно, что онъ занимался вываркою соли въ городѣ Сольвычегодскѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Устюга.

Когда и почему Хабаровъ оставилъ родину и отправился въ Сибирь—неизвѣстно; нужно думать, что, подобно многимъ другимъ, пошелъ попытать счастья въ новой странѣ.

Здѣсь, на берегахъ р. Лены, при устьѣ р. Куты, онъ, найдя солѣные ключи, какъ опытный уже солеваръ, положилъ основаніе Усть-Кутскому солеварному заводу, существующему и теперь. Но не здѣсь прославился Хабаровъ. Его имя навсегда связано съ воспоминаніями о первыхъ подвигахъ русскихъ при занятіи земель по р. Амуру.

Еще задолго до основанія завода на Усть-Кутѣ казаки и разные «охочіе люди» добрались и до самаго Сѣвернаго Ледовитаго океана (Студенаго моря), а на востокъ Великаго океана, именно до Охотскаго моря. Здѣсь они основали нынѣшній городъ Охотскъ.

Въ Охотскѣ русскіе узнали, что гдѣ-то далеко на полдень находится большая рѣка или, по—гиляцки, Ямуръ.

Про рѣку эту шло много разсказовъ; говорили, что тамъ много и золота, и серебра, и каменьевъ самоцвѣтныхъ; что соболей да лисицъ чернобурыхъ можно бить тамъ коромыслами; что хлѣба, рыбы и мяса множество. Словомъ, Ямуръ былъ очень заманчивъ и казался лакомымъ кускомъ. Какъ же не попытаться добраться до него и вкусить его благъ?

Первые слухи о великой рѣкѣ доставилъ Томскій городской казакъ Иванъ *Москвитинъ*, отправленный въ 1639 оду, съ 12

красноярскими казаками, съ р. Лены къ востоку для развѣдокъ. Москвитинъ сначала по р. Алдану, впадающему въ Лену съ правой стороны, а потомъ гдѣ рѣками, гдѣ сухопутьемъ — добрался до самаго Охотскаго моря. По возвращеніи Москвитина, искать великую рѣку пошелъ письменный голова Василий Поярковъ съ разрѣшенія тогдашняго Якутскаго головы стольника Петра Петровича *Головина* съ 132 «охочими людьми».

Поярковъ безпрепятственно достигъ Большой рѣки; мелкіе кочующіе народцы тунгузскаго племени, жившіе по пути, а затѣмъ осѣдлые дауры, встрѣчали русскихъ радушно, снабжая безвозмездно съѣстными припасами... Все шло бы и дальше, можетъ быть, хорошо, если бы не вина самихъ же русскихъ; посланные Поярковымъ 50 человекъ впередъ, въ даурскій городокъ Моддишканъ, приняты также тамъ радушно и ласково, наши удалцы слишкомъ развернулись: наглостью и безчинствами до того вооружили противъ себя жителей, что тѣ подняли оружіе. Произошла схватка, кончившаяся избіеніемъ нашего отряда; уцѣлѣвшіе же казаки кое-какъ возвратились къ своему начальнику. Хотя потомъ Поярковъ и дошелъ до р. Усури (притокъ Амура съ правой стороны), но дѣла его пошли все уже хуже и хуже; потерявъ къ себѣ и своимъ людямъ довѣріе дауръ, Поярковъ принужденъ былъ лѣтомъ 1643 года возвратиться въ Якутскъ, потерявъ въ Дауріи половину своего отряда.

Поярковъ предположилъ новый походъ на Амуръ; но тутъ ему выступилъ соперникомъ Ерофей *Хабаровъ*, бравшіяся овладѣть всею Амурскою областью на свой рискъ и счетъ, безъ всякихъ расходовъ для казны.

Вновь назначенный тогда якутскимъ воеводою Дмитрій Францбековъ разрѣшилъ Хабарову этотъ смѣлый походъ.

Къ концу лѣта 1647 года Хабарову удалось набрать партію только въ 80 человекъ вмѣсто предполагавшихся 250 или 200; такъ подѣйствовали слухи о неудачѣ экспедиціи Пояркова.

Но это не удержало отважнаго Хабарова отъ задуманнаго имъ предпріятія. Перезимовавъ на р. Тугирѣ, Хабаровъ въ январѣ 1648 года двинулся дальше. Первое даурское укрѣпленіе, занятое Хабаровымъ, было извѣстный впоследствии знаменитый *Албазинъ*, жители котораго, слышавъ о прибытіи русскихъ, скрылись, побросавъ свои жилища, скотъ, запасы хлѣба и т. п., на произволь судьбы.

Пройдя еще пять пустыхъ даурскихъ селеній, хабаровцы встрѣтили даурскаго князя Лавкай, выѣхавшаго къ нимъ навстрѣчу со своей свитой.

— Что вы за люди и зачѣмъ пришли къ намъ? спросилъ Лавкай.

— Мы мирные промышленники, отвѣчали хабаровцы.

— Неправда. Вы пришли грабить и убивать насъ; только мы вамъ не дадимся!

Послѣ этого Лавкай и его свита, повернувъ коней, быстро умчались восвояси.

Хабаровъ возвратился мирно въ Албазинъ. Для него было ясно, что съ малочисленнымъ, хотя и отважнымъ, отрядомъ нельзя занимать рѣку и покорять жителей; поэтому онъ съ нѣсколькими спутниками поѣхалъ за подмогою въ Якутскъ.

Здѣсь Ерофея Павловича приняли хорошо. Увидѣвъ, что самъ онъ и его спутники живы и здоровы и что опасности особенной на Амурѣ нѣтъ, желающихъ попытать счастіе явилось 117 человекъ и

21 городской казакъ. Осенью 1650 года Хабаровъ съ новымъ отрядомъ былъ уже въ Албазинѣ, здѣсь у него было около 200 человекъ; отрядъ по тогдашнему времени очень сильный. Весною 1651 года Хабаровъ поплылъ внизъ по Амуру; вскорѣ пришлось взять штурмомъ даурское укрѣпленіе, состоявшее изъ трехъ, взаимно соединенныхъ отдѣльныхъ остроговъ. Привезенныя съ собой во вторую поѣздку изъ Якутска три пушки сильно помогали молодцамъ, громъ отъ выстрѣловъ навелъ страхъ; однако, дауры дрались отчаянно; больше 600 ихъ тѣлъ служили хорошимъ доказательствомъ ихъ стойкости. Съ нашей стороны убито 4 и ранено 45 человекъ.

Спустя шесть недѣль, Хабаровъ снова поплылъ внизъ по Амуру. Вблизи р. Зеи отряду встрѣтился большой и богатый даурскій городъ, занятый послѣ небольшого сопротивленія.

Дауры покорились, присягнули на вѣрность и подданство московскому государю и обязались платить дань, но скоро обманули; въ одну ночь они все вдругъ скрылись, вѣроятно, по приказанію китайскаго начальства.

По возвращеніи Хабарова къ Албазину на зимовку, покоренныя имъ раньше племена дучеровъ и ачанцевъ сдѣлали на отрядъ нечаянное измѣническое нападеніе, но были отбиты. Разсвирѣпѣвшіе спутники Хабарова жестоко отомстили за измѣну, истребивъ поголовно почти всехъ дучеровъ и ачанцевъ. Но этимъ бѣда не окончилась. Въ 1652 г. русское укрѣпленіе, въ которомъ находился отрядъ Хабарова, построенное кое-какъ и вооруженное тремя орудіями, окружено было внезапно многочисленнымъ и сильнымъ вооруженнымъ

пушками отрядомъ манчжуръ. На требованіе непріятели о немедленной, безусловной сдачѣ хабаровцы отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ орудій и пищалей. Манчжуры пошли на приступъ, но были отбиты. Тогда русскіе сдѣлали вылазку и побили противника на голову. Манчжуры принуждены были уйти, оставивъ въ нашихъ рукахъ болѣе 700 труповъ и всю свою артиллерию, русскіе же потеряли 10 человекъ убитыми и 78 ранеными. Взятъ въ плѣнъ множество манчжуровъ; Хабаровъ, вопреки существовавшему тогда обычаю, не убилъ и не обратилъ въ рабство, но отпустилъ на волю, не лишая ни имущества, ни оружія. Вскорѣ послѣ своей побѣды Хабаровъ возвратился въ Албазинъ, гдѣ его ждалъ новый отрядъ, пришедшій изъ Якутска на подмогу, именно 144 человекъ, подъ начальствомъ казака Третьяка Чичигина.

Изъ Албазина Хабаровъ снова спустился до устья р. Зеи, гдѣ нынѣ стоитъ гор. Благовѣщенскъ. Но здѣсь въ отрядѣ его вышело разладъ между его подчиненными; одни хотѣли плыть дальше къ морю; другіе же, въ томъ числѣ и самъ Хабаровъ, остались на мѣстѣ. Хабаровъ предоставилъ охотникамъ идти далѣе. Нашлось 136 человекъ, которые и поплыли дальше внизъ по Амуру; но потомъ все безъ исключенія погибли безъ вѣсти.

Считая положеніе свое на Амурѣ достаточно упроченнымъ, Хабаровъ отправилъ въ Якутскъ небольшой отрядъ съ подарками и ясакомъ, собраннымъ «на государя». Нѣсколько человекъ изъ этого отряда якутскій воевода отправилъ въ Москву съ радостнымъ извѣстіемъ о приобритеніи новой обширной и богатой страны. Въ Москвѣ это извѣстіе было принято хо-

рошо. Хабарову и его сподвижникамъ были пожалованы награды. Во вновь завоеванную область былъ назначенъ намѣстникомъ князь Лобановъ - Ростовскій. Тогда же рѣшено было выслать къ Хабарову 3,000 войска, но это намѣреніе почему-то такъ и не исполнилось.

Хабаровъ между тѣмъ не дремалъ; онъ заложилъ и построилъ большое укрѣпленіе подъ названіемъ Комарскаго острога, куда впослѣдствіи прибылъ изъ Якутска и вступилъ въ управленіе областью дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ.

Опасаясь вліянія Хабарова на казаковъ и охочихъ людей, Зиновьевъ послалъ на него въ Москву жалобу, по которой Ерофея Павловича вытребовали въ Москву, вмѣстѣ съ самимъ жалобщикомъ, но, по

выслушаніи Хабарова лично самимъ государемъ, жалоба оказалась не основательной и ложной. Царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ тогда Хабарову, за оказанныя имъ заслуги, званіе «боярскаго сына» и назначилъ его вскорѣ «государевымъ приказчикомъ» въ Сибирь.

Однако, Хабаровъ былъ отправленъ не на завоеванный имъ Амуръ и въ Даурію, а на Лену. О дальнѣйшей дѣятельности Ерофея Павловича Хабарова, послѣ назначенія его на постъ «государева приказчика», съ 1660 года не сохранилось уже никакихъ свѣдѣній. Но память о немъ не исчезла безслѣдно въ потомствѣ. Впослѣдствіи одно изъ поселеній на Амурѣ, нынѣ мѣстопробываніе генераль-губернатора, названо Хабаровкою.

VI.

Борьба за обладаніе Амуромъ.

Выше было сказано, что Хабаровъ поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Зиновьевымъ, который начальство надъ казаками на Амурѣ ввѣрилъ Степанову, назначенному впослѣдствіи приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура, новой Даурской земли.

По отъѣздѣ Зиновьева, Степановъ принужденъ былъ отправиться для пріобрѣтенія провіанта на рѣку Сунгари, такъ какъ берега Амура вслѣдствіе непрерывныхъ казачьихъ набѣговъ были въ конецъ разорены, а мѣстные жители большею частію переселены уже были въ Манчжурію по распоряженію китайскаго правительства, къ защитѣ и помощи котораго они обратились. Отправившись въ походъ 18 сен-

тября 1653 года, Степановъ въ низовьяхъ Сунгари нашелъ обиліе хлѣбныхъ припасовъ и, нагрузивши ими лодки, спустился внизъ и зимовалъ на Амурѣ въ землѣ дучеровъ. Съ наступленіемъ весны 1654 года Степановъ со своей командой потянулся бичевой вверхъ по Амуру, надѣясь въ низовьяхъ Сунгари снова заpastись продовольствіемъ. У устья Сунгари къ нему присоединились приплывшіе сверху 50 казаковъ и 20 мая онъ началъ подниматься вверхъ по рѣкѣ и 6 іюня встрѣтилъ значительное (около 3,000 человѣкъ) манчжурское войско, вооруженное ружьями и имѣвшее при себѣ артиллерію. Послѣ упорнаго боя казаки должны были

уступить поле битвы неприятелю, какъ въ слѣдствіе численнаго превосходства его, такъ и по недостатку у нихъ боевыхъ припасовъ. Итакъ, Степановъ вынужденъ былъ отступить и спуститься къ Амуру, не запасшись провіантомъ. Поднимаясь затѣмъ вверхъ по Амуру, онъ встрѣтилъ у устья Зеи розыскивавшаго его сотника Бекетова, пришедшаго изъ Енисейска черезъ Забайкалье съ командой въ 54 человекъ. Достигши р. Кумары, Степановъ у самого ея устья на открытомъ, низменномъ мѣстѣ, на правомъ берегу Амура, возобновилъ прежде бывший здѣсь острогъ.

Острогъ этотъ былъ выстроенъ какъ и всѣ остроги, а именно изъ земляной насыпи, образующей четырехугольникъ съ четырьмя раскатами, т. е. мѣстами для пушекъ, затѣмъ двойной деревянный палисадъ, промежутокъ между коимъ выполнялся земля, вокругъ ровъ около сажени глубины и двухъ ширины. Вокругъ острога были вбиты въ землю чеснокы, который состоялъ изъ спицъ, большею частію деревянныхъ, и засыпанъ былъ сверху земля. 13 марта 1655 года у стѣнъ Кумарскаго острога явилось 10,000 манчжурскаго войска, при 15 орудіяхъ и съ различнаго рода вспомогательными средствами, употреблявшимися манчжурами при взятіи крѣпостей, какъ-то: двухъ-колесными телѣгами, снабженными щитами, лѣстницами, мѣшками, набитыми порохомъ, и прочее. Число казаковъ, находившихся въ острогѣ, не превышало 500 человекъ. Вначалѣ счастье благоприятствовало манчжурамъ; они захватили въ плѣнъ 20 человекъ, отправленныхъ изъ острога на рубку лѣса, и счастливо отбили первую вылазку казаковъ. Воспользовавшись находившеюся на противоположномъ остро-

гу, лѣвомъ берегу Амура, отвѣсною скалою, имѣвшею до 40 сажень высоты и отстоявшею отъ острога всего въ 200 сажняхъ, манчжуры поставили на ней батарею; сверхъ того устроили еще двѣ батареи—одну въ 70, а другую въ 100 сажняхъ отъ острога и, въ теченіе всего 20 марта громили острогъ со всѣхъ трехъ батарей, но, къ счастью осажденныхъ, безуспѣшно. Послѣ неудачнаго своего ночного приступа съ 24 на 25 марта и удачно произведенной въ скоромъ времени затѣмъ вылазки казаковъ, манчжуры отступили изъ-подъ стѣнъ острога, а 4 апрѣля сняли совершенно осаду, продолжавшуюся всего три недѣли. По окончаніи осады, Степановъ послалъ собранный имъ ясакъ прямо отъ себя въ Москву, а не въ Якутскъ, какъ это ранѣе дѣлалось, что и послужило поводомъ къ неудовольствію на него якутскихъ воеводъ, которые съ этого времени всѣ его просьбы о присылкѣ ему на Амуръ подкрѣпленія, а также огнестрѣльнаго оружія и боевыхъ припасовъ оставляли безъ исполненія.

Послѣ осады Кумарскаго острога недостатокъ жизненныхъ припасовъ былъ до того великъ, что казаки питались корой деревьевъ, кореньями травъ и, если какуюнибудь малость изъ продовольствія могли достать еще у оставшихся кое-гдѣ инородцевъ, то все должны были брать силой или съ боя. Недостатокъ продовольствія заставилъ Степанова оставить кумарскій острогъ и отправиться съ казаками внизъ по разоренному ими же Амуру, гдѣ нечего было и надѣяться получить достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ жители были уже почти всѣ выселены съ береговъ верхняго и средняго теченія Амура. А потому

цѣлю похода была богатая хлѣбомъ р. Сунгари, гдѣ казаки дѣйствительно нашли въ изобиліи продовольствіе для себя, такъ какъ явились въ эту мѣстность какъ разъ ко времени жатвы; но, запасшись хлѣбомъ, не осмѣлились оставаться на Сунгари въ землѣ сильнаго непріятеля, а спустились въ низовья Амура, въ землю гиляковъ, гдѣ основали Косогирскій острогъ въ 1655 году и собрали съ гиляковъ и дучеровъ ясакъ въ 120 сороковъ соболей (т. е. почти 5,000 шкурокъ). Передъ приходомъ Степанова въ низовья Амура гиляки убили казака Логинова, пришедшаго изъ Охотска съ 30 товарищами. Виновные въ убійствѣ были Степановымъ разысканы и наказаны. Весной 1656 года Степановъ отправился вверхъ по Амуру и у Малаго Хингана напалъ въ разныхъ мѣстахъ на трупы людей, вѣроятно, изъ какой либо русской разбойничей ватаги, или убитыхъ дучерами, или погибшихъ отъ голодной смерти. Въ низовьяхъ Сунгари онъ въ этомъ году уже не нашелъ жителей, которые были переселены для избѣжанія разоренія отъ казачьихъ набѣговъ въ мѣстности, лежація выше по рѣкѣ, такъ что Степановъ началъ помышлять объ оставленіи береговъ Амура, не представлявшихъ возможности доставать продовольствіе для команды. Отправляя 22 іюля 1656 года ясакъ съ 50 казаками, онъ наказывалъ имъ болѣе на Амуръ не возвращаться. Дорогой эта партія терпѣла такой сильный недостатокъ въ продовольствіи, что 27 человекъ изъ ея среды сдѣлались жертвой голода.

1658 году 30 іюня (въ какомъ мѣстѣ неизвестно), Степановъ окруженъ былъ ниже устья Сунгари многочисленнымъ манчжурскимъ войскомъ, находившемся на 47 лодкахъ; войско вооружено было частію

ружьями и имѣло при себѣ нѣсколько пушекъ. Число команды Степанова не превышало 500 человекъ, изъ которыхъ часть бѣжала до начала битвы, а нѣкоторые предалися манчжурамъ; самъ же Степановъ съ 270 товарищами палъ въ неравномъ бою съ многочисленнымъ непріателемъ. Изъ бѣжавшихъ съ поля битвы до начала сраженія казаковъ одна часть удалась въ горы, а другая на лодкѣ спустилась внизъ по Амуру. Они нѣкоторое время хозяйничали на рѣкѣ, но мало-по-малу разбрелись и пропали.

До сихъ поръ русскіе на Амуръ приходили съ р. Лены. Около времени гибели Степанова русскіе появились на Амуръ со стороны Забайкалья. Произошло это такимъ образомъ: въ 1652 году енисейскій воевода, Аѳанасій Пашковъ, послалъ сотника Бекетова съ сотней казаковъ для основанія остроговъ въ Забайкальи и представить правительству свой проектъ о возможности болѣе легкаго сообщенія съ Амуромъ черезъ Забайкалье. Бекетовъ, дѣйствительно, заложилъ два острога: одинъ осенью 1653 года у озера Иргеня, а другой въ 1654 году на р. Шилкѣ, противъ устья Нерчи; но недостатокъ въ припасахъ продовольствія команды заставилъ его оставить послѣдній острогъ и съ бывшими при немъ 30 казаками спуститься на Амуръ. Вслѣдствіе поданнаго Пашковымъ проекта о занятіи Забайкалья ему повелѣно было именнымъ указомъ отъ 20 августа 1655 года вѣдать дѣлами Амура, а потому, сдѣлавъ нужныя для этой цѣли распоряженія, онъ отправился изъ Енисейска, 18 іюля 1656 года, съ 566 казаками черезъ Забайкалье, но достигъ береговъ Шилки только весной 1658 года и основалъ въ этомъ же году, при впаденіи Нерчи

въ Шилку, острогъ, названный первоначально Нелюдскимъ, а потомъ переименованный въ Нерчинскій. По прибытіи своемъ на Шилку, Пашковъ послалъ Потапова на Амуръ розыскать Степанова для передачи ему приказа о своемъ назначеніи правителемъ Амурса; но его не было въ живыхъ. Пашкову же въ первое время было не до Амурса, такъ какъ приходилось постоянно вести борьбу съ кочевавшими на югъ Забайкалья довольно сильными монгольскими родами (бурятами). Итакъ, съ гибелью Степанова дѣйствія наши на Амуръ на короткое время приостановились.

Въ 1665 году на Амуръ появилась шайка вольницъ подъ начальствомъ Черниговскаго. Онъ вышелъ къ Амурсу у Албазина, который найденъ былъ въ развалинахъ. Черниговскій его возстановилъ; около острога заведены были имъ пашни. Что онъ дѣлалъ на Амуръ три первые года—неизвѣстно. Правитель Нерчинска—Аршинскій въ 1670 году доносилъ, что Черниговскій посылалъ изъ Албазина 60 человекъ внизъ по Амурсу въ походъ на инородцевъ, помимо вѣдома его, Аршинскаго, и что вслѣдствіе этого похода казаковъ явились въ Нерчинскъ посланные Китая съ жалобой на казачьи разбои. Черниговскій, въ 1672 году, приговоренъ былъ къ смертной казни, но прощенъ. Его же командъ прислано было правительствомъ 2,000 серебряныхъ рублей въ награду. Правителемъ Албазина назначенъ былъ Фаддѣй Толбузинъ, но такъ какъ онъ не явился, то Черниговскій остался начальникомъ. Затѣмъ изъ Тобольска присланъ былъ начальникомъ въ Албазинъ Иванъ Осоловъ, при которомъ построена была первая въ Албазинѣ церковь во имя Николая Чудотворца и въ этомъ же 1671 году при урочищѣ,

Брусной камень, заложенъ былъ іеромонахомъ Гермогеномъ монастырь во имя Спаса Всемилостиваго. Въ скоромъ времени у Албазина, по распоряженію нерчинскаго воеводы, а именно, въ 1672 и 73 годахъ, поселено было нѣсколько семей крестьянъ для занятія хлѣбопашествомъ. Урожай хлѣба были очень хороши, такъ что вѣсть объ этомъ вызвала вскорѣ охотниковъ къ переселенію и они образовали слободы: Солдатовая, Игнашино, Монастыршина, Озерная, Покровская; но наиболѣе извѣстны были—слобода Андрушкина, находившаяся ниже Албазина по теченію Амурса, у устья р. Буринги (Буринды), въ 140 верстахъ, и селеніе Паново, верстахъ въ 70 выше Албазина.

Въ 1674 (или 73) году въ Нерчинскъ на мѣсто Аршинскаго назначенъ былъ воеводой Шульгинъ, которому и поручено было главное управленіе острогами: нерчинскимъ, телебинскимъ, иргенскимъ и албазинскимъ; въ послѣднемъ приказнымъ человекомъ (помощникомъ воеводы) былъ Никифоръ Черниговскій; но вообще, что дѣлали казаки въ теченіе почти десяти лѣтъ на Амурѣ, т. е. по 1681 годъ, намъ въ точности неизвѣстно. Въ то время въ Манчжуріи населеніемъ, расположеннымъ по р. Нонни (Маунъ), управлялъ китайскій воевода Монгутей. Въ теченіе этого времени построено казаками, въ разныхъ мѣстахъ Амурскаго края, нѣсколько острожковъ для сбора ясака съ инородцевъ.

Вслѣдствіе полученныхъ въ Москвѣ извѣстій о новомъ занятіи нами Албазина отъ московскаго двора, въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1675 г. для предупрежденія и избѣжанія могущихъ быть столкновеній съ Китаемъ, отправлено было посольство грека Николая Спафаря. Спа-

фари достигъ града Пекина только 15 мая 1676 г., а въ Москву возвратился въ 1678 г., пробывъ въ посольствѣ безъ двухъ мѣсяцевъ три года. Желая предупредить по возможности столкновение съ Китаемъ и могущія произойти отъ этого худыя послѣдствія для нашихъ слабыхъ поселеній въ новопріобрѣтенномъ краѣ, Спафари писаль въ Албазинъ, совѣтуя казакамъ жить смиренно на своемъ мѣстѣ, не плавать внизъ по Амуру и не требовать ясака съ подвластныхъ Китаю тунгусовъ, какъ на Амурѣ, такъ и на Зеѣ. Но какіе совѣты могли подействовать на казачью вольницу, отъ которой плохое житье было даже своему брату, русскому крестьянину, а не только инородцамъ?

Лѣтомъ 1683 года послана была изъ Албазина партія казаковъ на 6 лодкахъ, состоявшая изъ 67 человекъ подъ начальствомъ Мыльниковъ; эта партія у Айгуна была окружена манчжурами на 300 лодкахъ, въ числѣ 6,000 человекъ, что и заставило казаковъ пристать къ сѣверному (лѣвому) берегу рѣки. Начальникъ манчжурскаго войска пригласилъ Мыльниковъ къ себѣ въ Айгунъ для переговоровъ, куда онъ отправился съ 10 казаками; но это была только хитрость манчжуръ, которые оставили его и бывшихъ съ нимъ казаковъ плѣнными въ Айгунѣ. Узнавъ о постигшей ихъ начальника участи, партія Мыльникова разбѣжалась въ разныя стороны; нѣкоторые бѣжали въ Албазинъ, объявивъ о случившемся.

Еще въ 1682 г. воевода Албазина, Толбузинъ получилъ отъ китайскаго императора Канъ-Хи грозную грамоту, въ которой повелитель Китая требовалъ немедленнаго удаленія казаковъ съ Амура. 27 ноября 1684 года получена была въ Албазинѣ вновь

грамота отъ китайскаго Богдыхана, написанная на трехъ языкахъ, въ которой заключалось требованіе о сдачѣ Албазина. Эта грамота была отвергнута въ общемъ собраніи казаками, которые, извѣщая объ этомъ нерчинскаго воеводу, просили его о присылкѣ имъ подкрѣпленія. Но какую помощь могъ оказать имъ Нерчинскъ, когда во всемъ Забайкальѣ, въ шести острогахъ, не насчитывалось и 500 казаковъ?

Въ описываемое нами время Албазинъ объявленъ былъ правительствомъ отдѣльнымъ воеводствомъ и ему данъ былъ гербъ: орелъ съ распростертыми крыльями, державшій въ правой ногѣ лукъ, а въ лѣвой—стрѣлу. Воеводой назначенъ былъ находившійся въ Албазинѣ сотникъ Алексѣй Толбузинъ.

Инородцы, напуганные жестокостями казаковъ, разглашали по всей Манчжуріи о нашихъ казакахъ самыя нелѣпыя слухи; представляли русскихъ людьми необыкновенными; людьми, не боящимися смерти, идущими на вѣрную гибель, бросающимися на пушки и проч. Наружность этихъ прищельцевъ казалась имъ также необыкновенной и вотъ какъ описываетъ русскихъ одинъ китаецъ, сосланный на поселеніе въ Манчжурію: «Въ 1669 году люди изъ царства Лочэ или Лао-цзянгъ, забунтовались и перешли на У-лун-цзянгъ, и въ странѣ Хей-цзянгъ отнимали соболей мѣха. Оружіе ихъ было весьма страшно. Ихъ царство простирается къ Востоку на 10,000 ли (3,000 верстъ). Изъ произведеній ихъ весьма превосходны парча и лаковые приборы (вѣроятно, наши подносы). Люди всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами. Они храбры какъ тигры и искусны въ стрѣльбѣ изъ ружей; у нихъ были пуш-

ки, называемыя арбузами, потому что форма ихъ (ядеръ) походила на арбузы, они мѣтко попадали въ непріятельскій лагерь, хотя бы на разстояніи нѣсколькихъ ли, и только тамъ растрескивались. Кто ни попадался, непременно былъ убиваемъ. Манчжуры всѣ испугались. Цзянь-цзюнь, донося объ этомъ государю, просилъ о спасеніи...»

4 іюня 1685 года появился у стѣнъ Албазина авангардъ, а 10 числа этого же мѣсяца и остальное войско, простиравшееся, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до 15,000, при 40 или 50 осадныхъ орудіяхъ и 150 полевыхъ; войско это состояло изъ 10,000 пѣхоты и конницы, и, кромѣ того, 5,000 манчжуръ, пришедшихъ на 100 лодкахъ, въ каждой по 50 человѣкъ. По другимъ же свѣдѣніямъ, манчжурское войско состояло только изъ 4 или 5 тысячъ человѣкъ, при 15 пушкахъ, и пришло къ Албазину на лодкахъ по р. Амуру. Воевода Албазина, Толбузинъ, распорядился съечь всѣ дома, находившіеся внѣ острога, но вблизи его, а жителей перевелъ къ себѣ въ острогъ, въ стѣнахъ котораго оказалось всего 450 защитниковъ, при 3 пушкахъ и 300 мушкетахъ. Вѣроятно, большая часть жителей изъ окрестныхъ деревень бѣжала въ Нерчинскъ. Не получивъ отвѣта на посланное въ Албазинъ 11 іюня предложеніе о добровольной сдачѣ острога, манчжуры приступили къ осадѣ Албазина; 1 іюля непріятель произвелъ первый и очень неудачный приступъ, во время котораго потерялъ до 150 человѣкъ убитыми. Казаки же въ первые дни осады также потеряли до 100 человѣкъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, а также, уступая просьбѣ священника и всѣхъ жителей острога, Толбузинъ обратился къ на-

чальнику манчжурскаго войска съ переговорами о сдачѣ острога, если дозволятъ ему съ жителями, оставивъ Албазинъ, уйти въ Нерчинскъ. На это послѣдовало согласіе главнаго начальника манчжурскаго войска. Албазинъ былъ казаками оставленъ и разрушенъ непріателемъ. Осада Албазина кончилась 22 іюня и часть манчжурскаго войска издали провожала русскій отрядъ до устья Аргуни. Къ этимъ извѣстіямъ мы можемъ присоединить, что, по нѣкоторымъ источникамъ, 25 человѣкъ казаковъ съ священникомъ склонились будто бы на предложеніе манчжуръ переселиться въ Пекинъ. Другіе же передаютъ этотъ случай такъ, что 151 человѣкъ взяты были въ плѣнъ, и имъ предложено было манчжурскимъ военачальникомъ на выборъ: возвратиться въ Нерчинскъ или быть отправленными въ Пекинъ. Изъ нихъ 101 человѣкъ объявили желаніе возвратиться въ Забайкалье, а 50 согласились отправиться въ Пекинъ. Манчжурскій военачальникъ — первыхъ за обнаруженную ими любовь къ родинѣ послалъ съ священникомъ въ Пекинъ, гдѣ имъ и отведено было мѣсто для жительства, получившее названіе — русской сотни; а послѣднихъ 50 человѣкъ за измѣну, поселилъ въ Манчжуріи.

На второй день своего пути изъ Албазина въ Нерчинскъ казаки встрѣтили 100 человѣкъ при 3 пушкахъ и 300 мушкетахъ, шедшихъ къ нимъ на подкрѣпленіе изъ Забайкалья. У устья Урки часть албазинскихъ казаковъ отпросилась у Толбузина, на Лену. По прибытіи въ Нерчинскъ 10 іюля, Толбузину приказано было немедленно готовиться обратно въ Албазинъ и вмѣстѣ съ нимъ посланъ былъ Бейтонъ съ своими 200 казаками; а также и прежніе жители Албазина. Отправленная впередъ, 15 іюля,

изъ Нерчинска развѣдочная партія, въ 70 человекъ, возвратившись 7 августа, сообщила, что хотя Албазинъ разрушенъ и сожженъ, но все войско манчжурское ушло въ Айгунъ, оставивъ весь хлѣбъ на корню цѣлымъ и невредимымъ. Прибывъ 27 августа на пепелище острога, Толбузинъ приступилъ немедленно къ постройкѣ жилищъ и возведенію вновь острога и по возможности къ лучшему его укрѣпленію. Всего прибыло съ Толбузинымъ и Бейтономъ 677 человекъ съ 5 мѣдными и 3 чугунными пушками. Осенью этого же года успѣли снять съ корня до 1,000 десятинъ уцѣлѣвшаго на пашняхъ хлѣба; вспахали поля и засеяли вновь озимь.

7-го марта 1686 года Бейтонъ отправился съ 300 казаками къ бывшему Кумарскому острогу провѣдать, что дѣлается въ Манчжуріи. Около рѣки Кумары онъ встрѣтилъ 17-го марта отрядъ манчжуръ въ 40 человекъ, обратившихся при видѣ казаковъ въ бѣгство. Бейтонъ гнался за ними верстъ 30 по рѣкѣ Тагъ, впадающей въ Кумару, и, настигнувъ, разбилъ ихъ, причемъ 30 манчжуръ легло на полѣ битвы, потеря же казаковъ состояла изъ 7 убитыхъ и 31 раненаго. Отъ взятыхъ въ плѣнъ манчжуръ Бейтонъ узналъ, что въ Манчжуріи готовятся къ новому походу на Албазинъ. И дѣйствительно, 7 июля 1686 года явилось вновь подъ стѣнами албазинскаго острога манчжурское войско, въ 8,000 человекъ, на 150 лодкахъ (бусахъ, отъ 20 до 40 человекъ на каждой), помѣщалась пѣхота, а 3,000 конницы пришло сухимъ путемъ; при этомъ войскѣ находилось 40 пушекъ. Произведенный манчжурами 1-го сентября приступъ былъ блистательно отраженъ осажденными, которые, сдѣлавъ затѣмъ до пяти вылазокъ, истребили зна-

чительное число манчжуръ; потери же казаковъ были незначительны; но, къ несчастію, въ одной изъ вылазокъ, мужественный защитникъ Албазина, герой Толбузинъ былъ раненъ ядромъ въ ногу и вскорѣ отъ раны умеръ. Мѣсто его заступилъ Бейтонъ, состязавшій себя не меньшую славу при дальнѣйшей защитѣ Албазина и принадлежавшій, подобно своему предшественнику, къ самымъ свѣтлымъ личностямъ того времени.

Изъ Нерчинска въ этомъ же 1686 году послана была партія казаковъ въ 70 человекъ, подъ командой Лончшакова къ Албазину; но, найдя послѣдній въ осадѣ и считая невозможнымъ въ него проникнуть, Лончшаковъ возвратился назадъ въ Забайкалье, взявъ съ собой 10 человекъ албазинцевъ, найденныхъ имъ въ лѣсу, отъ которыхъ онъ узналъ, что, при неожиданномъ появленіи манчжуръ, казаки, въ числѣ 30 человекъ, стерегшіе табуны албазинскихъ лошадей, были отрѣзаны отъ сообщенія съ острогомъ, причемъ лошади отбиты у нихъ манчжурами и 20 человекъ изъ ихъ числа взято въ плѣнъ.

Въ теченіе почти года албазинцы мужественно выдерживали осаду. Полныя надежды на помощь изъ Нерчинска, казаки стойко держались въ стѣнахъ острога, не смотря даже и на то, что вслѣдствіе частыхъ вылазокъ, а въ особенности отъ развившейся среди ихъ цыги, число защитниковъ Албазина уменьшилось, въ ноябрѣ 1687 года, до 150 человекъ; въ апрѣлѣ до 82; а въ маѣ до 66. Въ концѣ ноября 1687 г. манчжуры сняли осаду и только стояли подъ Албазиномъ. 6-го мая отступили изъ-подъ стѣнъ острога, а 30 августа манчжурское войско пошло обратно въ Айгунъ, получивъ изъ

Пекина приказаніе о снятіи осады и отступленіи изъ-подъ Албазина вслѣдствіе вставшихся между московскимъ дворомъ и китайскимъ правительствомъ переговоровъ о разграниченіи земель.

Событія послѣднихъ лѣтъ привели московскій дворъ къ убѣжденію, что безъ означенія точныхъ границъ путемъ трактата, трудно удержать за собой Амурскій край. А потому наше правительство и обратилось къ пекинскому двору съ предложеніемъ о назначеніи уполномоченныхъ для мирнаго рѣшенія спора о границахъ. Для этой цѣли, въ концѣ 1686 г., по полученіи извѣстій о первомъ разореніи манчурами Албазина, послана была грамота китайскому Богдыхану отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ Венюковымъ и Фаверовымъ. Въ этой грамотѣ сообщалось о назначеніи для переговоровъ о границѣ со стороны московскаго двора окольного Феодора Головина, который, по сношеніи съ китайскими уполномоченными, мѣстомъ для переговоровъ назначилъ Селенгинскъ; но вслѣдствіе возникшихъ въ Монголіи беспорядковъ мѣсто для переговоровъ пришлось перемѣнить съ Селенгинска на Нерчинскій острогъ, куда и прибыли китайскіе уполномоченные съ 10,000 войскомъ, а по другимъ извѣстіямъ войско простиралось до 15,000 чел. при 50 пуш-

кахъ. Послѣ долгихъ споровъ, въ виду значительнаго манчжурскаго войска, объ отступленіи котораго русскій уполномоченный долгое время тщетно домогался, Головинъ уступилъ требованіямъ китайскихъ уполномоченныхъ, и по Нерчинскому договору 27 августа 1689 года, Амуръ остался за Китаемъ. Рѣка Горбица, впадающая въ Шилку съ лѣвой стороны, и рѣка Аргунь, правый притокъ Амура, назначены границей обоихъ государствъ; на сѣверѣ же границу долженъ былъ составлять Становой хребетъ.

Такъ кончилась борьба за обладаніе Амуромъ. Но онъ все-таки, почти 170 лѣтъ спустя, перешелъ во власть нашу и тѣ мѣста, которыя были залиты кровью предковъ нашихъ, стали русской землею. Теперь тамъ живетъ русскій народъ, раздается русская рѣчь, громко разносится звукъ церковнаго благовѣста.

Когда будете плыть по Амуру, вспомните доблестныхъ защитниковъ русской земли: Хабарова, Степанова, Толбузина, Бейтона и другихъ. Если же придется остановиться у Албазина, посмотрите развалины прежней крѣпости, около которой и въ самой крѣпости, не одна сотня русскихъ сложила свои головы, отстаивая нашу землю отъ непріятеля; сотворите молитву за упокой душъ ихъ...

VII.

Какъ заняли Забайкалье.

Только что успѣли русскіе утвердиться въ Якутскѣ, какъ начали свои развѣдки и далѣе. Стали подниматься по рѣкамъ, впадающимъ въ Лену съ правой стороны: Витиму, Олекмѣ, Алдану. Атаманъ Максимъ

Перфильевъ поднимался, въ 1638 году, по Витиму и дошелъ до впаденія въ него р. Ципы, т. е. дошелъ до нынѣшней границы Забайкальской области.

Раньше было упомянуто, что въ 1643

году Василий Поярковъ съ 130 казаками отправился изъ Якутска вверхъ по р. Алдану и въ слѣдующемъ году, перейдя Становой хребетъ, переваливъ въ р. Зею и попалъ въ Амуръ. Въ 1643 году, значить 250 лѣтъ тому назадъ, пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ дошелъ до Байкала и побывалъ на островѣ Ольхонѣ, который хорошо видно съ забайкальскаго берега, не доѣзжая гор. Баргузина. Недолго, однако, Забайкалье оставалось неизвѣстнымъ. Уже четыре года спустя, казачій атаманъ Василий Колесниковъ заложилъ Ангарскій острогъ. Немного поздиѣе, но въ томъ же году, боярскій сынъ Иванъ Похабовъ, собравъ неакъ съ бурятъ, кочевавшихъ по р. Иркуту, перешелъ по льду Байкала на южный берегъ его и, при помощи и дружбѣ монгольскаго князька, проникъ даже въ Ургу, столицу правителя Монголии. Это вызвало въ слѣдующемъ году посольство отъ этого правителя въ Москву. Утвердившись на крайнемъ сѣверѣ, русскіе, въ 1648 году, построили Баргузинскій острогъ, что нынѣ гор. Баргузинъ; строителемъ былъ боярскій сынъ Иванъ Галкинъ. Стѣдовательно, Баргузинъ самый древній городъ въ Забайкальѣ. Но уже въ 1649 году основанъ Верхнеудинскій острогъ (нынѣ гор. Верхнеудинскъ). Какъ видно изъ предыдущаго разсказа, енисейскій воевода, Аванасій Пашковъ, подаль мѣтніе снабжать наши отряды на Амуръ чрезъ Забайкалье. Чтобы войти съ ними въ связь, онъ отправилъ сотника Бекетова на Востокъ и Бекетовъ, въ 1654 году, основалъ Нерчинскій острогъ на лѣвомъ берегу р. Нерчи. Этимъ движеніемъ русскіе перерѣзали все Забайкалье. Но такое движеніе было возможно только благодаря слабому населенію и миролюбію его. Кто же тогда жилъ

въ Забайкальѣ? Въ сѣверной части его, какъ и теперь, жили бродячіе инородцы (орочены), ихъ было немного и они, впервые ознакомившись съ «огненнымъ боемъ» русскихъ, видя превосходство ружья надъ лукомъ или самопаломъ, должны были скоро смириться. Буряты жили южнѣе, тамъ же, гдѣ живутъ и теперь. Бурята были болѣе воинственны, болѣе многочисленны нежели орочены и бурята оказали сопротивленіе. Русскимъ пришлось «отсиживаться» отъ неприятеля, самимъ искать съ нимъ встрѣчи и затѣмъ безпощадно его избивать.

Въ Китай былъ отправленъ русскій посоль Заболоцкій. Только что онъ высадился изъ судна на Байкаль, какъ бурята на него напали и убили. Это было въ 1661 году. Двадцать лѣтъ спустя на этомъ мѣстѣ былъ основанъ монастырь, извѣстный нынѣ подъ именемъ «Посольскаго». Между тѣмъ владѣнія русскихъ расширялись и въ 1666 году основанъ былъ Селенгинскъ на правомъ берегу р. Селенги. Здѣсь впоследствии была основана крѣпость, которую осаждали монголы и въ которой русскіе отсиживались. Въ защитѣ крѣпости принималъ участіе сосланный сюда бывшій гетманъ (атаманъ) малороссійскаго казачьяго войска Демьянъ Многогрѣшный. Вѣроятно, онъ и былъ похороненъ здѣсь же. Говорятъ, что уже въ настоящемъ столѣтіи въ песокъ нашли крестъ, на которомъ можно, хотя неясно прочесть, что этотъ крестъ, вѣроятно, стоялъ на могилѣ Демьяна Многогрѣшнаго. Теперь онъ стоитъ въ небольшой деревянной часовнѣ. Отъ крѣпости осталось очень мало: рѣка Селенга постепенно смыла то мѣсто, гдѣ стояли и крѣпость, и городъ; осталось лишь нѣсколько бѣдныхъ деревянныхъ

домовъ. Городъ еще въ 1840 году перенесенъ на другой берегъ рѣки, нѣсколько выше на свое настоящее мѣсто.

Постепенно усиливалась русская власть въ Забайкальѣ. Тунгузскій князь Гантимуръ съ нѣсколькими родами перешелъ изъ Китая и поступилъ въ наше подданство. Тунгусы расселились довольно широко, что указывало на малую населенность страны. Такъ и теперь управы Монковская, Кужертаевская, Онгоцонская, Оловская отстоятъ отъ князе-урульчи на сотни верстъ. Прикочевали къ намъ и поступили въ подданство и селенгинскіе бурята. Все это, а въ особенности дѣяствія на Амурѣ, о чемъ сказано выше, возбуждало неудовольствіе китайцевъ, да къ тому же и пограничныя сношенія торговыя происходили не гладко. Въ Китай были посылаемы посольства въ разное время. Такъ, начальникъ нерчинскаго острога Данило Аршинскій, въ 1670 году, отправилъ Милованова съ казаками предложить китайскому Богдыхану принять русское подданство. Миловановъ былъ принятъ, прожилъ 5 недѣль, получилъ подарки и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Четыре года спустя, въ Пекинѣ ѣздилъ изъ Москвы посломъ Спафарій; онъ проѣхалъ чрезъ Нерчинскъ и Цицикаръ. Ему не удалось договориться съ китайцами.

Въ 1686 г. образовано было посольство подъ начальствомъ полномочнаго посла Федора Алексѣевича Головина. Товарищемъ этого окольного было нерчинскій воевода Власовъ; при нихъ состояли: дьякъ Карпицкій, два подъячихъ и стольникъ Снявинъ. Съ посольствомъ отправленъ пятисотенный стрѣлецкій полкъ. По вскрытіи водъ въ 1686 г. посольство спустилось по Иртышу въ Кеть и потянулось вверхъ по

этой рѣкѣ на 23 судахъ; изъ Енисейска оно выступило уже на 50 досчанкахъ; изъ Иркутска оно сплавлялось по частямъ, вслѣдствіе недостатка перевозочныхъ средствъ въ теченіе 1687 и 1688 годовъ. Перезимовавъ двѣ зимы въ Верхнеудинскѣ и Селенгинскѣ и положивъ основаніе прочной власти русскихъ въ Селенгинскомъ краѣ, Головинъ 24 іюня выступилъ къ Нерчинску, получивъ увѣдомленіе о прибытіи туда китайскихъ полномочныхъ въ іюль.

Переговоры между представителями государствъ затянулись вслѣдствіе неуступчивости съ обѣихъ сторонъ и грозили принять неблагоприятный оборотъ, такъ какъ на сторонѣ китайцевъ былъ значительный перевѣсъ въ войскахъ, да, кромѣ того, они успѣли возбудить противъ русской власти инородцевъ, угрожающія толпы которыхъ окружили городъ, занявъ близлежащія высоты. Сами послы китайскіе уѣхали изъ города. Сознывая несоразмѣрность своихъ силъ съ тѣми, которыя могли развернуть китайцы, боясь отложенія тунгусовъ и монголовъ и убѣдясь къ тому же изъ разспросовъ знающихъ людей, что мѣстности по р. Амуру вверхъ отъ Албазина до Горбицы ни къ чему непригодны, ни для хлѣбопашества, ни для торговли, Головинъ договорился о государственныхъ границахъ слѣдующимъ образомъ: на лѣвомъ берегу Амура границею назначена р. Горбица, а на правомъ р. Аргунь; граница вдоль Амура должна пройти по хребту въ направленіи отъ верховьевъ р. Горбицы къ верховьямъ рѣки Удъ, впадающей въ Охотское море. Ближайшими результатами этого договора было умиротвореніе границы, назначеніемъ границею между обоими государствами рѣки

Аргуни, установленіе правильнаго торго, возвращеніе въ Нерчинскъ обывателей изъ города Албазина, усиленіе войскъ въ Забайкальѣ, подчиненіе бурятъ нынѣшняго агинскаго вѣдомства и распространеніе нерчинскаго воеводства на все нижнее теченіе рѣки Онона. Кромѣ того, договорились о выдачѣ перебѣжчиковъ, о проѣздныхъ грамотахъ и о казни воровъ и разбойниковъ.

Приводимъ извлеченіе изъ сочиненія Миллера относительно предварительныхъ дѣйствій и переговоровъ и заключенія трактата:

«Китайскіе послы послали іюля 6 дня напередъ въ Нерчинскъ нѣсколькихъ служителей. Посланные пріѣхали въ Нерчинскъ 15 іюля, въ кое время появилось передъ Нерчинскомъ много китайскихъ судовъ или бусъ отъ Аргуня пришедшихъ, якобы для привезенія посламъ съѣстныхъ припасовъ. На каждой изъ 76 бусъ было по пункъ, а войско, съ пришедшими сухимъ путемъ черезъ Аргунскій острогъ, и съ начальствомъ (чрезъ Монголію) простиралось до 10,000 чел.; пригнано было 800 лошадей, дабы учинить конницу. Командующій надъ судами почти весь Нерчинскъ окружилъ и оказывалъ всякія грубости. Послы поставили свой лагерь пониже города на дугу, гдѣ Шилка и Нерча протекаютъ. Августа 10 прибылъ и окольный (Головинъ) со свитою; 12 числа начались мирные договоры на полѣ въ 200 сажняхъ отъ Нерчинска, въ шатрѣ изъ одной російской, а другой китайской палатки сложенномъ. Російская палатка убрана была пренарядными турецкими коврами, въ коей Головинъ и Власовъ сидѣли за столомъ на креслахъ. Столъ покрытъ былъ персидскимъ ковромъ изъ

шелку золотомъ тканымъ. На ономъ находились чернильница съ прочимъ до письма надлежащимъ приборомъ. По окончаніи первыхъ поздравительныхъ разговоровъ, окольный думалъ, что надлежащія съ каждой стороны объявятъ свои кредитивы или уполномоченныя грамоты. Но сіе обыкновеніе китайцамъ было неавѣстно; они не имѣли грамоты, не желали видѣть и русскую. Одинъ изъ російскихъ дворянъ посольства, говорившій по-латыни весьма свободно, изъяснилъ мнѣнія, по которымъ положено вступить въ договоры. Согласились не говорить о происшедшихъ ссорахъ, ниже о другихъ дѣлахъ. Окольный предложилъ рѣку Амуръ принять границею. Построеніе Аргунскаго острога безпрекословно съ китайской стороны есть доказательство, что Россія нѣкоторыми отъ Аргуни къ востоку и отъ Амура къ полудню лежащими странами владѣеть.

Но китайцы предлагали такія излишнія требованія, что сами, какъ іезуитъ Гробильонъ объявляетъ, на оныхъ стоять не намѣревались, а именно, что не токмо Албазинъ, но и Нерчинскъ, Селенгинскъ и всѣ до озера Байкала простирающіяся страны уступить имъ должно. Но сіи доводы російскимъ посламъ опровергнуть не трудно было. Насталъ вечеръ и послы разошлись до будущаго дня. 13 августа китайцы уже нѣсколько уступили, ибо Нерчинскъ за пограничный городъ почитать согласились. 16 августа окольный еще къ нимъ послать, дабы увѣдомиться, какое они приняли намѣреніе. Китайцы показали посланному на ландкартѣ рѣку Горбицу границею и вдоль рѣки Аргуни. 17 августа, по приказу китайскихъ пословъ, іезуиты предлагали, чтобы Аргунскій острогъ съ

восточнаго берега перенести на западный, однако въ томъ не согласились. Главнѣйшее затрудненіе состояло въ городѣ Албазинѣ, который удержать за российскимъ государствомъ окольничій наипаче старался. Вскорѣ въ китайскомъ лагерѣ происходила военный совѣтъ, въ которомъ определено перебраться черезъ рѣку, а войско разставить такъ, чтобы онымъ городъ Нерчинскъ со всѣхъ сторонъ окружить и склонять подвластныхъ российскому государству тунгусовъ и мунгаловъ къ намѣнѣ. Къ вечеру видѣли изъ Нерчинска весь лагерь въ движеніи и того же опасались оттого худыхъ слѣдствій, то послали окольничій къ китайскимъ посламъ толмача съ протестаціею, что въ российской сторонѣ искреннюю склонность имѣли къ договорамъ. 18 августа китайцы послали и дѣйствительно приказали поднять весь свой лагерь и сами слѣдовали за своимъ войскомъ, которое уже напередъ за рѣку переправилось; а на горахъ, страну около Нерчинска окружающихъ, китайцы дѣлали сильное движеніе. Въ Нерчинскѣ хотя учинены были учрежденія къ оборонѣ, однако нельзя было надѣяться, чтобы можно было устоять противъ превосходной непріятельской силы. Мунгалы, называемые по роду своему онкотами, 2700 человекъ за годъ передъ тѣмъ подавшіеся российской державѣ, а жительствовавшіе вверхъ по рѣкѣ Ингодѣ, избѣживъ Россіи, того-жъ дня присовокупились къ китайцамъ. Того-жъ надлежало опасаться и отъ прочихъ ясашныхъ народовъ. И такъ, не осталась иного способа, какъ принять требованія съ китайской стороны до Албазина касающіяся, отъ всѣхъ правъ до рѣки Амура принадлежащихъ отказаться и сею благосклонностію купить миръ. Три дня прошли,

чтобы согласиться о пунктахъ трактата; иезуиты перевели на латынскій языкъ, принесли оный 21 августа посламъ российскимъ. Въ проектѣ трактата китайцы предложили совѣтъ другія горы, а именно тѣ, которыя около Зеи рѣки и раздѣляютъ рѣки, впадающія въ океанъ отъ впадающихъ въ Ледовитое море. Но какъ окольничій 23 августа ничего на то не приказалъ отвѣтствовать, то китайцы, одумавшись, имѣли совѣтъ, чтобы излишними своими требованіями не прервать мирныхъ договоровъ. Наконецъ китайцы согласились сочинить трактатъ. Въ российскомъ экземплярѣ оба царя (Петръ и Іоаннъ) напередъ китайскаго хана и российскіе послы напередъ китайскихъ поставлены были, а въ китайскомъ экземплярѣ учинено было сему противное.

Размѣна трактата учинена на лугу при городѣ Нерчинскѣ въ поставленной съ российской стороны палаткѣ. Чего ради собрались послы съ обѣихъ сторонъ съ великою свитою въ богатомъ убранствѣ. Русскіе приняли китайцевъ какъ гостей. Съ обѣихъ сторонъ былъ подписанъ трактатъ, запечатанъ и клятвою утверждёнъ въ общемъ присутствіи. Китайцы хотѣли было учинить клятвенное обѣщаніе похристіански передъ образомъ Спасителявымъ. Но окольничій на то не позволилъ, дабы христіанство не давать язычникамъ въ поруганіе. Онъ доволенъ былъ употребительнымъ языческимъ ихъ въ такихъ случаяхъ обыкновеніемъ. Послѣ клятвы вручили одна сторона другой подписанный ими и запечатанный экземпляръ трактата, русскіе на русскомъ, китайцы на манчжурскомъ языкѣ; латынскій переводъ былъ подписанъ съ обѣихъ сторонъ обще съ приложеніемъ печатей и размѣненъ въ

двухъ равногласныхъ экземплярахъ. При томъ обнялись послы съ обѣихъ сторонъ при играи на трубахъ и литаврахъ. Окольный трактовалъ китайцевъ разными винами и закусками, послѣ чего уже ночью поздно разъѣхались. Съ обѣихъ сторонъ договорились немедленно послать вѣстниковъ въ Албазинъ и Аргунскій острогъ для публикованія мира и для исполненія тамъ по заключенному трактату.

28 августа российскіе послы съ китайскими дарились, а на другой день китайскіе поѣхали изъ Нерчинска, въ кое время и все китайское войско, водою пришедшее, назадъ же возвратилось».

Прежде нежели окольный Федоръ Алексѣвичъ (Головинъ) поѣхалъ назадъ въ Москву, учинить онъ еще распределение, что въ Нерчинскъ для большей безопасности вмѣсто прежняго острога сдѣланъ былъ рубленный деревянный городъ. Онъ самъ передъ отъѣздомъ своимъ осенью тотъ городъ заложилъ, послѣ чего, въ 1690 году, строеніе совершилось; съ того времени Нерчинскъ сталъ называться городомъ. Тутъ же онъ оставилъ всю артиллерию, привезенную туда во время войны и умножилъ гарнизонъ весьма значительнымъ числомъ своего войска; ибо онъ взялъ съ собою назадъ въ Россію токмо одинъ полкъ московскихъ стрѣльцовъ и офицеровъ двухъ въ Сибири набранныхъ полковъ; напротивъ того, всѣхъ рядовыхъ

обоихъ сихъ полковъ сибирскихъ записать въ Нерчинскъ, Селенгинскъ и Удинскъ въ казацкую службу. Головинъ отбылъ въ Москву весною 1690 года, приказавъ заложить на Селенгѣ остроги: Итанцинскій и Кабанскій.

Но, не смотря на заключеніе нерчинскаго договора, недоразумѣнія съ Китаемъ не прекращались и торговля все ненамуживалась. Поэтому, въ 1725 году, снаряжено было посольство въ Китай подъ начальствомъ графа иллирійскаго Саввы Владиславовича Рагузинскаго. Посольство было въ Пекинъ и уже на возвратномъ пути на рѣкѣ Бурѣ заключенъ былъ, 20 августа 1727 года, съ китайскими уполномоченными договоръ, называемый буринскимъ. По нему опредѣлена была граница отъ рѣки Аргуни, отъ урочища Абагайту, на западѣ до границъ нынѣшней Иркутской губерніи. Рагузинскій основалъ слободу Кяхту, а выше ея заложилъ поселеніе въ день св. Троицы; здѣсь построить и церковь св. Троицы съ предѣломъ въ честь св. Саввы Сербскаго (Рагузинскій самъ родомъ изъ сербовъ). Поселеніе это и есть нынѣшній городъ Троицкосавскъ.

Заключеніемъ буринскаго договора опредѣлились и границы нынѣшняго Забайкалья. Дальше пошла уже работа о заселеніи края, о развитіи добычи рудъ; въ нерчинскомъ заводѣ началась впервые выплавка серобросвинцовыхъ рудъ въ 1704 году.

VIII.

Начало Забайкальскаго казачьяго войска.

Устраивая пограничныя дѣла, Рагузинскій позаботился и объ охраненіи границы со стороны Китая. Здѣсь были поставлены столбы, насыпаны курганы (маяки). Къ охраненію границы привлекли селенгинскихъ бурятъ и тунгусовъ Гактимура, а равно и русскихъ казаковъ. Съ этою цѣлію на границѣ начали устраивать поселенія, а тунгусы въ предѣлахъ нынѣшняго 2-го военнаго отдѣла были расселены «партіями». Обыкновенно, какъ буряты, такъ и тунгусы, охраняли границу поочередно, смѣняясь. Однако, это было имъ хлопотливо и стали просить опредѣлить однихъ и тѣхъ же людей. Взяли изъ болѣе многочисленныхъ семей видѣливыхъ и составили, въ 1761 году, тунгусскій пятисотенный полкъ, а три года спустя, въ 1764 году, образовали 4 бурятскихъ, или, какъ ихъ называли, «братскихъ» шестисотенныхъ полка. Люди этихъ полковъ были размѣщены по возможности ближе къ границѣ, и поочередно посылались на границу занимать караулы. Полки назывались: понголовъ, ашебагатскій, атагановъ и сортоловъ. Полки состояли подъ начальствомъ пограничнаго командира; ему же подчинялись и русскіе казаки, жившіе по границѣ. Но кромѣ этихъ казаковъ, были еще казаки, жившіе въ разныхъ городахъ и острожкахъ.

Тогда же по границѣ были устроены и крѣпости: Горбиченская, Цурухайтуйская, Чиндантская (нынѣ старый Чиндантъ), Кударинская, Акшинская, Троицкосавская, Харацайская и Тункинская. Во всѣхъ крѣпостяхъ было 900 русскихъ казаковъ, взятыхъ изъ казачьихъ командъ селенгинской,

верхнеудинской, баргузинской и иркутской и, кромѣ того, были размѣщены селенгинскій гарнизонный полкъ. Въ крѣпостяхъ были пушки. Такъ было до 1810 года, когда солдаты были выведены, а казенныя крѣпостныя зданія были проданы съ торговъ. Въ Акшѣ и теперь еще есть слѣды крѣпостнаго вала. Кромѣ крѣпостей, по границѣ было построено 63 редута или караула, и сверхъ того установлено 17 отводныхъ пикетовъ. Редуты устроены были такъ же, какъ и сибирскіе остроги, т. е. деревянные палисады или рогатки съ деревянными же башнями. Въ такомъ видѣ оставались казаки до 1822 года, т. е. до изданія сибирскихъ учрежденій знаменитаго Сперанскаго. Графъ Сперанскій въ короткое время объѣхалъ Сибирь, былъ и въ Забайкальѣ и составилъ предположеніе о преобразованіи казаковъ.

Во всѣ пограничныя казаки составили пограничное войско; оно для управленія раздѣлено было на три отдѣленія: цурухайтуевское (къ востоку отъ Становаго хребта), и харацайскаго (къ западу отъ сего хребта), и тункинское (въ Иркутской губ.). Общія обязанности какъ бурятскихъ и тунгусскаго полковъ, а также и русскихъ заключались въ наблюденіи за «чистотой» границы (т. е. сохраненіе на ней благоустройства; преслѣдованіе и поимка бѣглыхъ, сдача слѣдовъ и т. п. На казакахъ же лежало исправленіе дорогъ и пр. въ районѣ своего расположенія. Русскіе казаки имѣли: сабли, пики, пистолеты и карабинъ (укороченное ружье). Оружіе это было неоднобразно, а какое вообще случилось

подъ рукою; казаки буряты и тунгусы имѣли лукъ съ колчаномъ и стрѣлами. Казаки, разсѣянные по области, составили забайкальскій городской казачій полкъ, а также именовались станичными казаками (Верхнеудинской станицы).

Такъ существовали казаки въ теченіе почти 30 лѣтъ, неся службу на границѣ, а также и внутри губерніи, на этапахъ, въ конвоѣ, на прискахъ и т.п. Забайкалье входило тогда въ составъ Иркутской губерніи и во всей области было два округа: Верхнеудинскій и Нерчинскій. Въ 1848 году генераль-губернаторомъ былъ назначенъ генераль-лейтенантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, еще молодой 38 лѣтній генераль, полный силъ, а главное, стремленія поднять и развить ввѣренный ему край.

Муравьевъ обратилъ особое вниманіе на занятіе р. Амура. Долго и настойчиво онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему сдѣлать это и постепенно подготавливалъ средства для этого. Отъ его взгляда не ускользнула возможность воспользоваться весьма подходящимъ для того населеніемъ Забайкалья. Послѣ разныхъ представленій, въ 1851 году, утверждены слѣдующія положенія, имѣющія для забайкальцевъ весьма важное значеніе, а именно: 17 марта—о забайкальскомъ казачьемъ войскѣ; 21 июня—о пѣшихъ баталіонахъ забайкальскаго же войска; 11 іюля—объ образованіи Забайкальской области, а 20 мая—о кяхтинскомъ градоначальствѣ. Такимъ образомъ 1851 годъ былъ особенно выдающимся годомъ для Забайкалья и для нашего войска.

Какъ же составилось забайкальское войско?

Пограничные казаки въ Иркутской губерніи (по прежнему ея устройству) приняли названіе забайкальскаго казачьяго войска,

которое должно было содержать 4 русскихкихъ и 2 бурятскихкихъ конныхъ полковъ, каждый въ 6 сотенъ. Въ составъ русскихкихъ полковъ были обращены всѣ пограничные казаки, забайкальскій городской казачій полкъ, станичные казаки, живущіе въ Верхнеудинскомъ округѣ, инородцы изъ состава бурятскихкихъ казачьихъ полковъ, получившіе осядлость на пограничной линіи и живущіе на этой линіи крестьяне разныхъ вѣдомствъ, тунгусы тунгусскаго полка; въ составъ бурятскихкихъ полковъ—бурята четырехъ бурятскихкихъ полковъ. Русскіе полки составили 1 и 2 бригады, а бурятскіе— третью; были учреждены бригадныя управленія, состоящія изъ канцелярій и правленій, которое составляли бригадный командиръ и два засѣдателя.

Казачье населеніе подчинялось только однимъ своимъ бригаднымъ командирамъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Были учреждены сотенныя правленія изъ сотеннаго командира и двухъ сотенныхъ судей.

Службу казаки несли иначе, чѣмъ теперь. Съ достиженіемъ 17-ти лѣтъ каждый записывался на два года въ малолѣтки и употреблялся на станичныя повинности; съ достиженіемъ 19-ти лѣтъ каждый записывался въ казаки и приводился къ присягѣ; на годъ онъ освобождался отъ службы; а затѣмъ наряжался по очереди на службу. Служба была двойная: полевая или по войсковому управленію и внутренняя. Въ теченіи первыхъ 25 лѣтъ казакъ могъ быть наряжаемъ на первую и затѣмъ еще 15 лѣтъ—на вторую; такимъ образомъ въ отставку казакъ выходилъ 58 лѣтъ, могъ и раньше по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, на примѣръ, по болѣзни, а также если имѣлъ трехъ служащихъ сы-

новой, въ одномъ домѣ съ нимъ нераздѣльно живущихъ. Всѣ казаки и ихъ жены поджидали суду въ военно-судныхъ комиссіяхъ. Полевая служба состояла въ охраненіи границы съ Китаемъ, содержаніи по оной карауловъ и разъѣздовъ, служба на заставахъ, караулы въ городахъ, на пристаяхъ, на заводахъ и, наконецъ, служба въ войска. Предписано было назначать на службу съ такимъ расчетомъ, чтобъ быть на оной одинъ годъ, а затѣмъ не мѣнѣ двухъ лѣтъ находиться на льготѣ. Внутренняя служба считалась наравнѣ съ полевой и заключалась въ исправленіи разныхъ обязанностей по внутреннему управленію войска.

По положенію 21 іюня 1851 года, крестьяне, приписанные къ нерчинскимъ горнымъ заводамъ, зачислены съ потомствомъ въ забайкальское войско навсегда. Они составили 12 пѣшихъ батальоновъ, въ нихъ же зачислили и станичныхъ казаковъ Нерчинскаго округа. Батальоны составили три пѣшихъ бригады; управление было бригадное и батальонное, такъ же какъ и въ конныхъ бригадахъ.

Служба въ пѣшихъ батальонахъ была одинакова съ конными казаками. Для обученія и усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ всѣ казаки полевой службы собирались лѣтомъ на одинъ мѣсяць, пѣшіе — по-батальонно, а конные — посотенно. Между прочимъ, населеніе батальоновъ обязано было содержать управленія, а также и чиновъ, служащихъ при сихъ управленіяхъ, нести расходы на исправленіе казеннаго войскового оружія, устройство цейхгаузовъ, бригадныхъ и батальонныхъ помѣщеній и на другія внутреннія надобности. На это деньги собирались съ каза-

ковъ по расчету не свыше 3 р. съ души. Обмундированіе состояло изъ шапки (папахы): у конныхъ верхъ краснаго сукна, у пѣшихъ темнозеленаго, околышъ изъ чернаго барана; фуражка съ краснымъ околышемъ у конныхъ и съ красною выпушкою у всѣхъ; чекмень темнозеленаго сукна, у конныхъ воротникъ краснаго сукна, на чекменѣ два напатронника, каждый на 8 патроновъ, у офицеровъ черный, бархатный, обложенный широкою серебряною тесьмою, у казаковъ черные, кожаные, обшитые чернымъ басономъ и чернымъ шнуромъ, втулки березовыя съ бѣлыми костяными головками. У пѣхотинцевъ также чекмень, но только съ красною выпушкою и безъ напатронниковъ. Погоны у конныхъ синяго сукна, а у пѣшихъ темнозеленаго съ номеромъ, пробитымъ на желтомъ сукнѣ. Шаровары сѣраго сукна, у конныхъ съ красною выпушкою, а у пѣшихъ безъ нея. Коннымъ казакамъ полагалось ружье со штыкомъ, который носился придѣланнымъ къ ножнамъ шашки.

Такъ было устроено войско и начало свою службу. Конныя батареи были сформированы уже послѣ, въ 1858 году. Какія послѣдовали перемѣны, говорить особенно нечего. Форму новую съ желтымъ сукномъ дали уже въ 1876 году, затѣмъ постепенно сократили срокъ службы и стали казаки служить такъ же, какъ и всѣ казачьи войска — вѣрою и правдою Царю и Отечеству. И теперь найдутся казаки, которыя помнятъ, какъ образовалось войско, какъ приходилось служить, какіе были начальники. Все это еще очень живо и разсказывать здѣсь пока незначѣмъ. Вотъ лучше скажу немного, какъ занимали Амуръ второй разъ.

IX.

Вторичное занятіе р. Амура.

Раньше было сказано, что генераль-губернаторъ Муравьевъ усиленно хлопоталъ о занятіи рѣки Амура.

Было такое предположеніе, что Сахалинъ не островъ; наши моряки своими изслѣдованіями, а особенно Невельскій опровергнулъ это. Русскія поселенія были на Охотскомъ морѣ (гор. Охотскъ), были въ Камчаткѣ (гор. Петропавловскъ). Сообщаться съ ними приходилось или чрезъ всю Сибирь сухопутно, или же моремъ, вокругъ почти всего свѣта. Когда открыли, что Сахалинъ островъ, тогда около устья въ Амура основали зимовье — нынѣшній Николаевскъ.

Наконецъ, въ январѣ 1854 года, разрѣшено было произвести сплавъ по р. Амуру къ Николаевску и отсюда доставить припасы и проч. къ Охотску и въ Камчатку.

При этомъ государь императоръ изволилъ лично сказать Муравьеву: «чтобы при этомъ не пахло порохомъ дымомъ». Еще ранѣе на частныя пожертвованія былъ выстроенъ пароходъ «Аргунь» въ шилкинскомъ заводѣ (нынѣ завода нѣтъ) на р. Шилкѣ.

Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру; котораго она ожидала болѣе 160 лѣтъ. По пути генераль-губернатора Муравьева вездѣ встрѣчали съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни.

Трудно передать, какое это было всеобъемлющее состояніе радости; всякій силлся и спѣшилъ принести свою лепту. Со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія на сплавъ по Амуру.

Тѣмъ временемъ на шилкинскомъ заводѣ происходило оживленное движеніе. Берегъ рѣки былъ усыпанъ линейными солдатами и забайкальскими казаками, торпливо изготовлявшими большія неуклюжія лодки и огромные, еще болѣе неуклюжіе, плоты. Тутъ же стоялъ на якорѣ пароходъ «Аргунь» подъ русскимъ военнымъ флагомъ. Сюда же собирались и войска, предназначенныя для сплава; они состояли изъ одного своднаго линейнаго баталіона, численностью въ 800 человекъ, сводной конной сотни 2-й бригады забайкальскаго казачьяго войска и дивизіона горной артиллеріи.

Когда все было готово—въ шилкинскій заводъ пріѣхалъ генераль-губернаторъ. Вскорѣ послѣ прибытія Муравьева, Шилка очистилась отъ льда и рано утромъ, 8-го мая 1854 года, отрядъ, помолясь Богу передъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной въ 1690 году изъ Албазина,—сѣвъ на лодки и плоты, при салютѣ изъ албазинской же пушки, тронулся въ далекій и невѣдомый путь.

Во главѣ шла дежурная лодка, на которой постоянно находился одинъ изъ офицеровъ и проводникъ отряда — сотникъ Скобельцинъ¹⁾; за ней слѣдовали лодки баталіона, числомъ около двадцати, потомъ плоты съ артиллеріей и кавалеріей и наконецъ баркасъ Муравьева. Сзади каравана шель порожнякомъ пароходъ «Ар-

¹⁾ Заурядъ-сотникъ Скобельцинъ немного зналъ этотъ край, такъ какъ, будучи еще простымъ казакомъ, хаживалъ внизъ по Амуру на промасель.

гунь». Машина его была настолько слаба, что онъ не выгребалъ противъ теченія и вообще приносилъ отряду мало пользы, во много заботъ и труда уничтоженіемъ громаднаго количества дровъ, заготавливаемыхъ, во избѣжаніе задержки въ движеніи экспедиціи, по ночамъ. Кромѣ людей батальона на каждой лодкѣ находилось до 1,500 пуд. провіанта, одна часть котораго предназначалась для отряда, а другую часть должны были сдать въ устьѣ Амура на военный транспортъ, для доставки его въ Камчатку.

18-го мая въ 2 часа 30 мин. пополудни, флотилія, пройдя Усть-Стрѣлку, вступила въ воды р. Амура. Отрядъ остановился. Трубачи заиграли «Боже Царя Храни»; всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнили крестнымъ знаменіемъ. Генералъ-губернаторъ, зачерпнувъ въ стаканъ Амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытіемъ плаванія по рѣкѣ; раздалось восторженное «ура».

Черезъ два дня плаванія флотилія достигла мѣста, гдѣ 165 лѣтъ тому назадъ стояла наша казачья крѣпость Албаинъ, сожженная манчурами до основанія, послѣ заключенія Головинымъ Нерчинскаго трактата, но слѣды которой все-таки еще сохранились довольно хорошо. Причаливъ къ этому пустынному холму, священному по преданіямъ, трубачи заиграли «Богъ славенъ Нашъ Господь въ Сионѣ», на всѣхъ судахъ скомандовали на молитву, всѣ встали и сняли шапки. За молитвой послѣдовалъ народный гимнъ, при звукахъ котораго всѣ вступили на албаинскую почву. Первымъ движеніемъ cadaго было подняться на остатки албаинскаго вала и осмотрѣть его въ подробности; первымъ вошелъ Н. Н. Муравьевъ, за нимъ всѣ

преклонили колѣна праху почившихъ храбрыхъ и доблестныхъ защитниковъ Албаина. Помолясь, отрядъ тронулся дальше. Пустынные берега, начиная отъ Албаина, стали оживляться; то и дѣло встрѣчались бродячіе дауры, а не доходя до китайскаго города Айгуна, показались и первыя фанзы манджуръ.

28 мая, послѣ длиннаго перехода, отрядъ получилъ приказаніе остановиться на ночлегъ не далеко отъ впаденія въ Амуръ р. Зеи, гдѣ нынѣ стоитъ гор. Благовѣщенскъ, верстахъ въ двадцати отъ Айгуна; какъ только флотилія пристала къ берегу, Муравьевъ послалъ двухъ чиновниковъ изъ своей свиты къ губернатору города, чтобы узнать, получилъ ли онъ изъ Пекина разрѣшеніе на пропускъ русскихъ по Амуру. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенія, но неутѣшительный отвѣтъ привезли они: губернаторъ никакого разрѣшенія изъ Пекина на пропускъ русскихъ не получалъ, а своею властью разрѣшить этого пропуска не могъ, да и не хотѣлъ. Положеніе было незавидное, всѣ приуныли. На другой день, 29-го мая, Муравьевъ приказалъ отряду слѣдовать дальше и, не доходя версты пять до города, присталъ къ берегу, пересѣлъ со свитою на пароходъ и отправился въ Айгунъ, чтобы лично переговорить съ китайскими властями. Передъ отъѣздомъ онъ отдалъ приказаніе начальнику отряда быть готовымъ, по первому сигналу, идти и атаковать городъ. Переговоры съ китайцами тянулись до вечера и увѣчались успѣхомъ; разрѣшеніе на беспрепятственное слѣдованіе флотиліи дальше по Амуру было получено, такъ какъ появленіе никогда невиданнаго манчурами парохода и огромнаго числа плывущихъ по рѣкѣ

баржъ и лодокъ, до того перепугало манчжурскихъ чиновниковъ, что они только одного желали—скорѣйшаго удаленія русскаго военного отряда изъ-подъ стѣнъ ихъ города.

3-го іюня, по ошибкѣ проводника, запутавшагося въ безчисленныхъ островахъ, флотилія, принявъ одинъ изъ притоковъ Амура за фарватеръ, вышла въ рѣку Уссури, верстахъ въ 40 отъ впаденія ея въ Амуръ, къ мѣсту, гдѣ теперь стоитъ станица уссурійскаго казачьяго войска Казакевича. 5-го іюня, при выходѣ изъ Уссури въ Амуръ, Муравьеву прежде всего бросился въ глаза высокій правый берегъ рѣки, густо поросшій вѣковымъ лѣсомъ. «Вотъ гдѣ будетъ городъ», сказала онъ, указывая рукою на отдѣльную, выступавшую изъ общаго очертанія берега скалу. Слова его сбылись и теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ городъ Хабаровка, а на скалѣ, указанной Муравьевымъ, поставленъ ему, герою Амура, памятникъ, освѣщенный въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича въ 1891 году.

Къ вечеру, 10-го іюня, замѣчена была на рѣкѣ лодка, шедшая подъ парусомъ, и въ ней морской офицеръ. Всѣ столпились на берегу около Н. Н. Муравьева и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія. Еще лодка не успѣла подойти къ берегу, какъ генераль-губернаторъ спросилъ офицера: «далеко ли до Маринскаго поста»?—Офицеръ отвѣчалъ: «около 500 верстъ», что, разумѣется, неприятно разочаровало всѣхъ ожидавшихъ близкаго конца плаванія. Слѣдуя отсюда далѣе, они, по выраженію Муравьева, вступили въ страну, какъ бы уже давно принадлежавшую Россіи. На встрѣчу имъ всюду выходили гольды въ сопровожденіи стариковъ, въ родѣ старость,

которые съ любопытствомъ осматривали вновь пришедшихъ, приносили въ изобиліи рыбу и выставляли вездѣ проводниковъ (лоцмановъ), которыхъ до этого времени нигдѣ нельзя было достать. Мало того, на этомъ пути явился торгующій манчжуръ со своими приказчиками и, бросившись на колѣни передъ генераломъ, извинялся, что онъ производитъ здѣсь торговлю безъ дозволенія русскихъ, почему и просилъ выдать ему на это разрѣшеніе. Словомъ, этотъ трудный походъ по невѣдомой рѣкѣ можно было считать оконченнымъ, не смотря на то, что оставалось еще много верстъ до устья Амура.

Наконецъ, 14-го іюня, утромъ, въ 7 верстахъ отъ Маринскаго поста, флотилія была встрѣчена капитаномъ Невельскимъ, а къ полудню она уже собралась у Маринскаго поста. При громкихъ крикахъ «ура» всего отряда, лодки и плоты экспедиціи пристали къ берегу, гдѣ бѣлѣлось нѣсколько домиковъ на черномъ фонѣ лѣса, окружавшаго этотъ постъ; это были русскія избы 8-ми человекъ матросовъ, занимавшихъ этотъ пунктъ. Здѣсь, за обѣдомъ у Н. Н. Муравьева, всѣ его спутники радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ перваго сплава по Амуру.

И такъ, отряды Муравьева и Невельскаго соединились; сбылось то, о чемъ они за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, будучи еще въ Петербургѣ, только мечтали. Тысячи верстъ были пройдены. Ни огромная, незнакомая рѣка, ни бури, ни отсутствіе хорошихъ проводниковъ, ни страшный физическій трудъ,—ничто не остановило этихъ героевъ. На дрянныхъ лодкахъ, на неуклюжихъ плотахъ, подъ опасеніемъ, если не утонуть, то по крайней мѣрѣ уто-

ить весь провиантъ и умереть голодною смертью среди дикой тайги, они все-таки настойчиво шли и достигли желаннаго.

Обсудившись, Муравьевъ, послѣ двухдневнаго отдыха, который онъ далъ своему отряду, сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1) Конной сотнѣ и горному дивизиону (4 орудія) остаться въ Маринскѣ.

2) 400-мъ человекамъ изъ баталіона слѣдовать въ заливъ де-Кастри, а оттуда на транспортѣ «Двина» въ Петропавловскъ.

3) 200-мъ человекамъ отправиться къ Николаевску для охраны этого поста.

4) Остальнымъ 200-мъ человекамъ, подъ командою подпоручика Глена, — отправиться на лодкахъ въ озеро Кизи съ цѣлью провести отъ него просѣку и дорогу къ заливу де-Кастри.

Второй сплавъ былъ весной 1855 года подъ начальствомъ самого Муравьева; въ сплавъ принималъ участіе сводный казачій полубаталіонъ, а также и поселенцы, предвѣщенные для поселенія въ устьяхъ Амура. Между прочимъ, лѣтомъ въ заливъ де-Кастри было расположено 500 пѣшихъ казаковъ; здѣсь было столкновение съ неприятелемъ, суда котораго подходили къ нашему посту.

Третій сплавъ былъ въ 1856 году. Войска скопилось въ устьяхъ Амура не только достаточно, но даже и много, такъ какъ заключенъ былъ миръ съ англичанами и французами. Часть войскъ рѣшено было возвратити домой, въ Забайкалье. Первые два отряда прошли сравнительно скоро и удовлетворительно, но третьему, въ которомъ было 9 офицеровъ и 370 солдатъ, достался очень трудный путь. Отъ Маринскаго поста до Усть-Стрѣлки отрядъ шелъ 143 дня (съ 27 іюля по 16 декабря) 2,340

верстъ, при чемъ долженъ былъ буквально голодать, потерявъ третью часть своего состава. Четвертый сплавъ былъ въ 1857 г.; болѣе 500 семей казачьихъ было отправлено для занятія лѣваго берега р. Амура, а затѣмъ и праваго р. Уссури. Наконецъ, въ 1858 году, въ пятый сплавъ были направлены также казачьи семьи, образовавшій вмѣстѣ съ прежними 30 станицъ и поселеній нынѣшняго амурскаго и уссурійскаго казачьихъ войскъ. Генераль-губернаторъ также плылъ по р. Амуру; на мѣстѣ Усть-Зейской станицы былъ заложенъ городъ Благовѣщенскъ, въ китайскомъ городѣ Айгунь, 16 мая, заключенъ былъ договоръ, по которому китайцы признали за наши занятія нами земли.

Возведеніе въ графское достоинство съ присоединеніемъ Амурскаго было царскою наградою Муравьеву, за выдающіяся его заслуги Царю и Отечеству.

Переселенія забайкальскихъ казаковъ на Амуръ и Уссури продолжались и въ послѣдующее время. Нужно сказать, что по незнанію мѣстныхъ условій, мѣста для поселеній избирались не всегда удачно; большими разливами ихъ затопляло, уничтожало строенія, всѣ посѣвы и заставляло переходить на новыя мѣста, притомъ же не всегда удачно. Переселенцы и войска, бывшіе на Амурѣ, нуждались въ продовольствіи и не одинъ разъ сплавлялся изъ Забайкалья хлѣбъ, скоть для раздачи нуждающимся. Часто требовалось отправить хлѣбъ скоро, закупать его было не время, и тогда выгребали его изъ сельскихъ магазиновъ.

Занятіе Амура стоило забайкальскому войску, только что образованному, не малыхъ жертвъ. Сколько было переселено на Амуръ и Уссури въ точности неизвѣстно, къ

1 января 1877 года изъ 20,330 душъ обоего пола казачьяго населенія амурскаго войска, забайкальскихъ считалось 18,020 душъ. Цѣлыя поселенія на Шилкѣ, на Аргуни были передвинуты на Амуръ, потомъ брали уже по жребію. Словомъ, войско сослужило одну изъ важныхъ службъ, падающихъ на казаковъ,—оно выслало своихъ сыновъ туда, куда требовала польза государства. А сколько жъ жертвъ это стоило какъ тѣмъ, кто уходилъ, такъ и тѣмъ, кто оставался, объ этомъ лучше всего спросите людей пожилыхъ, при которыхъ переселеніе происходило.

X.

Путешествіе пѣшкомъ казака Назимова.

(Жизнь и описаніе путешествія казака Назимова. Беккера. Спб., 1841 г.)

Казакъ Андрей Лаврентьевъ Назимовъ родился въ 1786 году, въ слободѣ Кяхтѣ. Предки его были казаки пограничнаго войска.

Обучившись въ дѣтствѣ русской грамотѣ, а впоследствии познакомившись и съ монгольскимъ языкомъ, Назимовъ, въ 1806 году, былъ записанъ на службу въ пограничный полкъ, а по сформированіи Забайкальскаго казачьяго городского полка, поступилъ въ первую его сотню. Назимовъ долгое время занимался письменными дѣлами въ полковой канцеляріи и, по прослуженіи около 30 лѣтъ, выйдя въ отставку уже урядникомъ, поселился на жительство въ пригородной слободѣ (нынѣ станица Верхнеудинской, гдѣ и обзавелся собственнымъ домикомъ и небольшимъ хозяйствомъ.

Еще молодымъ, Назимовъ, какъ человѣкъ грамотный и отъ природы любопытный, нерѣдко читалъ и слышалъ отъ другихъ о разныхъ событіяхъ и торжествахъ въ Москвѣ и Петербургѣ и Царскихъ милостяхъ нашихъ Августѣйшихъ Монарховъ. И вотъ у него зарождается желаніе

когда нибудь увидать собственными глазами первопрестольную Москву и новый столичный городъ Петербургъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сподобиться лицезрѣть и Помазанника Божія, своего обожаемаго Монарха.

Задуманное Назимовымъ предпріятіе добраться до столицы и царя—было очень смѣлымъ: надо было пройти болѣе 6,000 верстъ; желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній не было; нужно идти пѣшкомъ, по дорогѣ, по которой много всякаго сброда, бѣглыхъ; притомъ же и Назимову было уже за 50 лѣтъ.

2-го марта 1840 года, на первой недѣлѣ великаго поста, отслуживъ Господу Богу напутственный молебень, предоставивъ семейство свое на волю Провидѣнія и получивъ благословеніе духовнаго отца своего, священника о. Симеона Трапезникова, Андрей Назимовъ, съ вѣрою и молитвою, изъ гор. Верхнеудинска пѣшкомъ тронулся въ дальній путь,—на берега рѣки Невы.

Отправляясь, Назимовъ далъ себѣ обѣтъ—посѣщать всѣ монастыри, какіе будутъ

встрѣчаться ему на пути; а тамъ, — если приведетъ Господь, — посѣтить и угодниковъ кievскихъ.

Въ котомкѣ Назимова помѣщалось скудное бѣлье, казачья шинель, часть съѣстныхъ припасовъ, огниво, кремь и т. п.; на поясѣ у него висѣлъ складной ножъ, который, въ случаѣ надобности, могъ замѣнить и топоръ для колки дровъ, если бы пришлось заночевать подъ открытымъ небомъ. Не желая обременять себя лишней тяжестью въ дорогѣ, не смотря на то, что морозы стояли еще изрядные, онъ не могъ ваять съ собой даже настоящей теплой одежды... Главная же забота его была дорогой о сохраненіи денегъ и паспорта: потерявъ деньги, онъ рисковалъ остаться безъ пищи, а безъ паспорта даже рисковалъ личной своей безопасностью и свободой.

Маршрутъ свой Назимовъ рассчитывалъ выполнить, идя шесть дней сряду, дѣлая ежедневно 25—30 верстъ, а въ воскресенье гдѣ придется, отдыхать.

Первые монастыри, встрѣченные Назимовымъ на пути къ Иркутску, были Троицкій, подлѣ с. Ильинскаго, и Посольскій — на берегу Байкала.

Троицкій монастырь основанъ около 1661 года, на лѣвомъ берегу Селенги, на мѣстѣ, около котораго происходило когда-то сраженіе русскихъ казаковъ съ монголами.

Посольскій монастырь основанъ въ 1681 году, уже при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ на мѣстѣ, ознаменованномъ измѣнническимъ убіеніемъ монголами посла нашего, Заболоцкаго, со всей его свитой, по приказанію вѣроломнаго монгольскаго хана Цецена, владѣнія котораго въ тѣ времена доходили до самаго Байкала.

На пятой недѣлѣ Великаго поста Назимовъ пришелъ въ Иркутскъ. Отдыхъ быть ему необходимъ: ноги его отъ непрерывнаго пути по твердой, мералой землѣ подвергались опухоли. Черезъ недѣлю онъ оставилъ Иркутскъ; посѣтивъ знаменитый въ Сибири иркутскій Вознесенскій монастырь, основанный въ 1672 году, онъ поклонился мощамъ св. Иннокентія, перваго сибирскаго чудотворца и перваго епископа иркутскаго, скончавшагося 26-го ноября 1731 года.

Между тѣмъ наступила распутица: вскрытіе рѣкъ, грязи, топи, а иногда и сильныя холодныя вѣтра и т. п. сильно затрудняли дорогу казаку.

Благодаря распутицѣ, Назимовъ до гор. Нижнеудинска (500 верстъ отъ Иркутска) шелъ около мѣсяца. По входѣ же въ Енисейскую губернію, распутица миновалась и Назимовъ могъ въ день дѣлать уже верстъ 30—40. Желая по возможности сократить свои путевые расходы, онъ — когда случалось ночевать у какого нибудь озера или рѣчки — ловилъ мелкую рыбенку имвующейся при немъ удочкой, раскладывалъ огонь и приготавливалъ себѣ скромный ужинъ.

Въ одну изъ такихъ рыбалокъ-ночевокъ на пути, между городами Канскомъ и Красноярскомъ, къ Назимову неожиданно подошли изъ лѣсу семь человекъ, весьма подозрительной наружности. Назимовъ сразу смекнулъ, что это «варнаки», бѣглецы. На обычные вопросы: кто онъ таковъ, куда идетъ и зачѣмъ? Назимовъ, не желая возбуждать ихъ подозрѣнія, съ крайнею осторожностью отвѣчалъ, что онъ житель Забайкалья. Бѣглецы хотѣли его обыскать, но одинъ изъ нихъ отговорилъ. Бѣглецы пригласили его, ради компаніи, идти вмѣстѣ съ ними. Приходилось поневолѣ согласиться. И

вотъ Назимовъ стать невольнымъ спутникомъ бѣглыхъ каторжниковъ, не находя средствъ отдѣлаться отъ нихъ.

На четвертыя сутки, ночью, воспользовавшись крѣпкимъ сномъ сторожей своихъ, онъ, призывая на помощь Бога и всѣхъ Его угодниковъ, тихо встаетъ и незамѣтно ушелъ.

Но не такъ-то легко отдѣлался онъ отъ дикихъ людей уже въ степи Барабинской, на границѣ Томской губерніи.

Поднимаясь однажды рано утромъ съ ночлега въ лѣсу, къ нему вдругъ изъ лѣсу подъѣзжаютъ верхами два человѣка. Лица ихъ и висѣвшіе съ боку у каждаго ножи ничего не обѣщали добраго. Назимовъ струхнулъ. Послѣ разспросовъ: кто, куда да зачѣмъ, разбойники, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, начинаютъ искать у Назимова денегъ. Къ счастью, онъ, предвидя подобную возможность въ дорогѣ, догадался деньги зашивать подъ заплаты своего платья.

Но вотъ новая бѣда: не найдя денегъ, разбойники ухватились за его паспортъ. Назимовъ не отдаетъ; завязывается борьба... Они требуютъ, просятъ, опять требуютъ, угрожая убійствомъ, но, видя стоящаго предъ собою на колѣняхъ въ слезахъ, отчаяніемъ удрученнаго старца, сердце ихъ смягчилось. Они и говорятъ ему: «Не бойся, старикъ, мы волоса твоего не тронемъ; будь спокоенъ, иди съ Богомъ!» Мало того, они даютъ казаку цѣлковый и расстаются съ нимъ, какъ старинные знакомые и друзья.

Слѣдуя далѣе, Назимовъ рѣшилъ свернуть съ главнаго тракта, идущаго на Екатеринбургъ, и идти Омско-Оренбургской линіей на гг. Уфу и Казань. Выгода была прямая: онъ пошелъ по мѣстамъ, заселен-

нымъ его же собратьями, сибирскими казаками, и путевое содержаніе ему почти ничего не стоило.

Миновавъ Омскъ, Петропавловскъ, Троицкъ, Назимовъ, 4-го сентября, достигаетъ Уфы, гдѣ радушно принимается казакомъ Портняшинымъ...

По пути уже на Казань съ Назимовымъ опять случилось неприятное происшествіе. Переходя однажды по огромной лѣсной горную рѣчку, мостъ на которой снесло бывшей передъ тѣмъ бурей, Назимовъ, почти уже на срединѣ рѣчки, неожиданно упалъ съ бревна въ горный потокъ. Къ счастью, онъ умѣлъ плавать и скоро вскарабкался на другой берегъ.

Въ Казанской губерніи приключилось и болѣе серьезное: не доходя версты двухъ до какой-то деревни, уже темной осенней ночью, Назимову пришлось проходить по мосту. Вдругъ изъ сосѣдняго лѣса выбѣгаютъ три человѣка, вооруженные дубинками, хватаютъ Назимова, уводятъ его подъ мостъ и тамъ его обшариваютъ. Найдя зашитые въ жилетномъ карманѣ 35 рублей, они берутъ эти деньги, привязываютъ полураздѣтаго Назимова къ одной изъ мостовыхъ свай и уходятъ съ угрозой, чтобъ онъ отнюдь не кричалъ, пока они не скроются въ лѣсъ. Шинель, фуражка, котомка, сапоги, внутри которыхъ были зашиты оставшіяся деньги, все это было брошено подъ ноги привязанному Назимову.

Пробывъ въ этомъ положеніи часа два, онъ началъ кричать. Случайно явившаяся на рѣчку крестьянка, услышавъ крикъ, подходитъ къ мосту и развязываетъ казака...

26-го сентября Назимовъ достигаетъ Казани, гдѣ сподобился приложиться къ негнѣннымъ мощамъ св. Гурія и Варсонофія

и къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери.

Пройдя затѣмъ еще нѣсколько городовъ и посѣтивъ знаменитую обитель Саровскую Тамбовской губерніи, Назимовъ достигъ Троицко-Сергіевской Лавры, знаменитой какъ своими святынями, такъ и историческими событіями, происшедшими въ стѣнахъ этой святой обители.

Троицкая Лавра, въ 64 верстахъ отъ Москвы, основана преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ въ 1337 году. По совѣту и съ благословенія преподобнаго Сергія, князь Дмитрій Донской, въ 1380 году, пошелъ противъ Мамаю и разбилъ его на Куликовомъ полѣ. Лавра стала знаменита въ смутныя времена междуцарствія; она выдержала долговременную осаду поляковъ. Но кто изъ русскихъ не слышалъ о Троицко-Сергіевской Лаврѣ, и ея основатель, преподобномъ Сергіи Радонежскомъ?!

Наконецъ, 12-го декабря Назимовъ вступаетъ въ первопрестольную столицу, сердце Россіи, въ Москву.

Мечта Назимова понемногу начинаетъ сбываться.

Въ теченіе восьми дней нашъ путникъ осмотрѣлъ: Кремль, Архангельскій соборъ, Оружейную палату, былъ на колокольнѣ Ивана Великаго, видѣлъ Царь-колоколъ и Царь-пушку, и многое, многое другое.

Пройдя Клинъ, Тверь, Торжокъ, Осташковъ, Валдай, Новгородъ, Назимовъ достигъ Царскаго Села и 1-го марта благополучно прибылъ въ Петербургъ, передъ благовѣстомъ къ обѣднѣ.

Давши еще въ Верхнеудинскѣ обѣтъ— по прибытіи въ Петербургъ, тотчасъ же идти въ древній Валаамскій монастырь и помолиться сначала за Августѣйшій домъ и тогда уже искать счастья удостоиться

видѣть Государя,— Назимовъ такъ и поступилъ. Валаамскій монастырь находится въ 300 верстахъ отъ Петербурга, на одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера; основанъ онъ еще около 1000 лѣтъ назадъ святыми отшельниками Сергіемъ и Германомъ.

Въ Петербургъ Назимовъ возвратился въ первый день Пасхи, въ самую заутреню. На квартирѣ онъ остановился сначала у одного своего знакомаго унтеръ-офицера гвардейскаго егерскаго полка, уроженца Забайкалья. Потомъ, уже черезъ недѣлю, случайно повстрѣчавшись съ другимъ знакомымъ сибирякомъ, служившимъ въ Кяхтѣ, Назимовъ изъ казармъ переехалъ на квартиру къ нему.

Вспомнилъ Назимовъ, что въ Петербургѣ, въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, служить бывший его начальникъ, Назимову скоро посчастливилось разыскать его, и рассказать ему свое путешествіе и цѣль его.

Офицеръ въ свою очередь сказалъ, что у него есть знакомая особа, находящаяся при государѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, и что чрезъ эту особу онъ попробуетъ довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о пламенномъ и похвальномъ желаніи забайкальца...

И вотъ, 26 апрѣля, Назимову приказано было явиться въ канцелярію Наслѣдника Цесаревича. Здѣсь онъ удостоился счастья быть представленнымъ его высочеству и августѣйшей его супругѣ, которые обладали его и изволили осчастливить продолжительной бесѣдой и разпросами. Назимову велѣно было явиться снова во дворецъ Государя Наслѣдника, для представленія Государю Императору. Насталъ и этотъ счастливѣйшій въ жизни день. Въ

назначенное время въ дворцовую залу, гдѣ уже дожидался Назимовъ, входитъ обожаемый Монархъ, сопровождаемый Наслѣдникомъ и двумя иностранными принцами. Обратясь ласково къ казаку, Государь спросилъ его: «Зачѣмъ пришелъ ты сюда?»

Назимовъ, отъ переполнявшаго его чувства радости, отъ неизъяснимаго душевнаго умиленія, при видѣ царя такъ отъ себя близко, долго не могъ выговорить ни слова. Наконецъ онъ, обливаясь слезами радости, сказалъ: «Я пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ за 7,000 верстъ, съ китайской границы, только для того, чтобъ удостоиться видѣть Ваше Императорское Величество и всю августѣйшую фамилю». — «Спасибо, братъ», изволилъ милостиво одобрить Государь: «я доволенъ тобою и благодарю тебя»... Затѣмъ Государь изволилъ милостиво разспрашивать: сколько времени шель, много ли взялъ съ собою на дорогу денегъ; разспрашивалъ, какъ живутъ сибиряки-казаки, чѣмъ занимаются. Назимовъ отвѣчалъ, какъ умѣлъ.

Затѣмъ, съ соизволенія Его Величества, Назимовъ былъ проведенъ въ покои къ Государынѣ, а потомъ ко всѣмъ великимъ князьямъ и княжнамъ. Государыня Назимова приняла съ материнскою ласкою; онъ удостоился счастья поцѣловать милостиво протянутую руку...

Счастіе не оставляло Назимова и дальше. Онъ былъ възысканъ неожиданными царскими милостями, получивъ подарки: отъ Государя Императора — золотые часы; отъ Государыни Императрицы — золотую табакерку съ эмалью; отъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича — драгоценное евангеліе въ голубомъ бархатѣ, въ серебряномъ, вызоло-

ченномъ окладѣ, съ финифтяными изображеніями евангелистовъ; отъ нихъ же Назимовъ получилъ: тревникъ и псалтирь; отъ великаго князя Константина Николаевича — мѣсяцесловъ въ богатомъ переплетѣ; отъ Михаила Павловича — образъ Богоматери въ серебряной, вызолоченной ризѣ. Сверхъ того, отъ всѣхъ вообще царственныхъ особъ, Назимовъ награжденъ былъ деньгами.

Пожалованіе ему подарковъ было удостоительно особыми свидѣтельствами.

Передъ уходомъ Назимова изъ Петербурга, на родину, онъ снова былъ представленъ своему обожаемому Монарху и Императрицѣ, которые снова милостиво разговаривали съ нимъ, пожелавъ ему добраго пути. Проживъ всего въ Петербургѣ полтора мѣсяца, Назимовъ имѣлъ возможность видѣть всѣ достопримѣчательности столицы и ея окрестностей.

Такъ былъ, по волѣ Божіей, вознагражденъ простой забайкальскій казакъ за свою искренно-глубокую любовь къ Царю-Батюшкѣ.

20-го іюля 1841 года, помолясь Богу, Назимовъ покинулъ Петербургъ и направился къ себѣ на родину — не прямымъ трактомъ, а пожелавъ побывать у св. угодниковъ Кіево-Печерской Лавры, помолиться тамъ за столь великія и богатая милости, какими наградила его Русскій Царь и его Августѣйшій Домъ.

Изъ Кіева онъ заходилъ въ Воронежъ — поклониться гробу св. Митрофанія и оттуда уже отправился прямою дорогою на Казань, Пермь, Екатеринбургъ и дальше.

Андрей Назимовъ остатокъ дней своихъ прожилъ въ своемъ собственномъ скромномъ домикѣ въ Заудинской станицѣ, и въ 1853 году отошелъ въ вѣчность...

XI.

Путешествіе верхомъ въ городъ Уральскъ.

(По разсказу одного изъ участниковъ канашира Владиміра Роголева).

Наказный атаманъ генераль-маіоръ Хоррошхинъ вызвалъ охотниковъ съѣздить верхомъ на своихъ строевыхъ лошадяхъ въ гор. Уральскъ для присутствованія на готовящемся 300-лѣтнемъ юбилеѣ существованія Уральскаго казачьяго войска. Вызвались: отъ 1-го Коннаго полка урядникъ Романъ Шестаковъ и отъ № 1-й батареи—бомбардиръ Козьма Назимовъ, отъ 2-й батареи, я.*

21-го марта 1891 года я совсѣмъ уже былъ готовъ, чтобы двинуться въ путь. Въ девять часовъ утра всѣ нижніе чины, мои собратія, были одѣты въ походную форму и построены въ казармѣ. Всѣ вмѣстѣ помолились Казанской Божіей Матери.

Въ сопровожденіи казаковъ вышелъ я изъ казармы, сѣлъ на своего добраго товарищаконя, поклонился всѣмъ моимъ собратіямъ и поѣхалъ съ вахмистромъ въ квартиру командира батареи. По прибытіи туда, его высокоблагородіе осмотрѣлъ мою лошадь, сѣдло и взятое со мною во вьюкъ, а именно: двѣ пары рубашекъ и подштанниковъ, пара шароваръ и еще мелкія вещи. На себя я надѣлъ папаху, шинель, башлыкъ, теплыя перчатки; подъ шинель теплый полушубокъ (тепушку) и шарфъ; на ногахъ теплыя унты; шашка, револьверъ съ кобурою, подъ сумкомъ и патронами были при мнѣ же. Для лошади взято: форменное сѣдло со всею принадлежностію; на слу-

чай ослабленія подковъ, взялъ молотокъ, храпки (плоскогубцы) и запасныя подковныя гвозди; въ фуражныхъ саквахъ находился овесъ для лошади въ количествѣ 13 фун. Потомъ нашъ командиръ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, наставлялъ меня подробно, какъ вообще я долженъ вести себя въ пути слѣдованія и каковъ долженъ имѣть уходъ и попеченіе за лошадью; вручилъ мнѣ, письменное наставленіе. Командиръ батареи поѣхалъ со мною вмѣстѣ и самъ на Атамановскую площадь въ сопровожденіи взвода казаковъ (артиллеристовъ) и гг. офицеровъ. По прибытіи на площадь, я явился командиру полка и старшему уряднику Шестакову.

Вскорѣ прибыли на площадь наказный атаманъ, начальникъ штаба и много другихъ офицеровъ. Въ войсковой часовнѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Послѣ молебна простились съ нами его превосходительство и офицеры, пожелавъ намъ сердечно всего хорошаго въ пути и полного успѣха, дабы выполнить долгъ службы, который возложенъ на насъ.

Загрѣмѣла войсковая музыка. Я и Шестаковъ сѣли на лошадей и, въ сопровожденіи своихъ командировъ, гг. офицеровъ, взвода артиллеристовъ и сотни полковыхъ казаковъ, двинулись въ путь невѣдомый. Версты три, до часовни, провожали насъ. Простились съ нами наши командиры, облобызавъ насъ, какъ малыхъ своихъ дѣтей; простились и остальные всѣ, пожелавъ намъ счастливаго пути. Перекрестясь, двинулись мы двое съ Шестако-

*) Шестаковъ Дуроевской станицы поселка Староурхайтуевского, Назимовъ—Цакирской ст. поселка Цеженскаго и Роголевъ—Цаганъ-Олуевской ст. поселка агайтуевского.

вымъ. Ыхали, ни слова не говоря другъ другу, увлекаясь мыслями о нашемъ будущемъ. Погода стояла благопріятная; снѣгъ таялъ, но очень еще плохо: черновинъ (проталинъ) не было. Проѣхавъ молча верстъ десять, начали говорить о предстоящемъ путешествіи. Незамѣтно почти доѣхали до поселка Черновскаго, въ который не заѣзжали, проѣхавъ прямо до слѣдующей станціи Домно-Ключевской, куда прибыли уже очень поздно, часовъ въ 11 ночи. Отыскали сельскаго старосту, который приказалъ десятнику отвести намъ квартиру.

Мы ночевали здѣсь благополучно, хотя спать пришлось очень мало: излишнее время употребили на попеченіе о лошадяхъ. Примѣрно, часа два держали лошадей на выстойкѣ, часа полтора кормили сѣномъ, а затѣмъ поили, но не досыта; послѣ водопоя давали овса. Здѣсь овса не покупали: у меня овесъ былъ взять съ собою (13 ф.) въ саквахъ. Сѣна купили одинъ пудъ за 40 коп. Провизіи съ собою никакой не везли, а покупали на пунктахъ остановокъ.

Въ первый день сдѣлали переходъ $39\frac{3}{4}$ версты; себя чувствовали уставшими, съ непривычки-то къ большимъ переходамъ. 22-го марта, въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра, отправились дальше. Поднялись на Яблоновый хребетъ. До станціи Беклемишевской, $26\frac{1}{4}$ версты, проѣхали благополучно. Погода была переменная: шелъ снѣгъ, дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, поднималась сильная мятель (вьюга). Здѣсь пришлось купить для лошадей овса, въ размѣрѣ 20 ф., по 10 ф. на лошадь; овесъ продается по 90 к. пудъ, сѣно 50 к. Накормивъ лошадей сѣномъ и овсомъ, ставили ихъ на всю ночь на «стойку»; въ три часа утра кормили и по-

или въ 6 часовъ; затѣмъ ѣхали дальше.

23-го марта благополучно прибыли на слѣдующую станцію Кондинскую, гдѣ ночевали, проѣхавъ 32 версты. Дача овса и сѣна была обыкновенная: по 10 ф. овса и по 20 ф. сѣна. Погода была неблагопріятная: весь день былъ сильный буранъ; отъ бурана и снѣга лошадей укрывали какъ могли.

24-го марта прибыли на станцію Верхне-Удинскую, гдѣ ночевали, проѣхавъ $30\frac{1}{2}$ версты.

25-го марта благополучно пріѣхали въ полдень на станцію Домнинскую (21 вер.), гдѣ покормили лошадей только сѣномъ и поѣхали дальше до станціи Укыръ ($27\frac{1}{2}$ версты). Всего проѣхали $48\frac{1}{2}$ версты. День былъ теплый, снѣгъ таялъ порядочно: поэтому была распутица, грязь. Ночью лошадей держали на «стойкѣ»; утомительности лошадей не было замѣтно. Слѣдуя далѣе, мы 28-го марта благополучно прибыли на станцію Онинскую. По всему пути мѣстные власти вездѣ оказывали намъ радушный пріемъ, оказывали во всемъ содѣйствіе. Благодаря Бога, погода стояла благопріятная, ясная, теплая; снѣгъ таялъ сильно, такъ что во всю дорогу была грязь и потоки; для лошадей, особенно для ногъ ихъ, очень было нехорошо.

1-го апрѣля, благополучно достигнувъ города Верхнеудинска, явились командиру № 1-го Забайкальской казачьей конно-артиллерійской батареи. Его высокоблагородіе приказалъ намъ остановиться въ казармахъ батареи, зачислили насъ и лошадей нашихъ на довольствіе при батареѣ на три дня, такъ какъ мы, противъ маршрута, прибыли ранѣе назначеннаго времени: назначено отъ гор. Читы до гор. Верхнеудинска слѣдовать пятнадцать дней, а мы

ѣхали только тринадцать дней. По этому дни эти предположили отдохнуть, ибо мы и лошади наши чувствовали усталость. Отъ Читы до Верхнеудинска 445³/₄ версты.

5-го апрѣля, поблагодаривъ казаковъ батареи за радушный пріемъ, отправились дальше.

7-го апрѣля проѣхали около полдня село Кабанское. Село это прекрасное: слѣдя по пути, въ первый разъ еще встрѣтили такое большое, красивое, оживленное село. Ночевали на станціи Большерѣчинской. День былъ ясный. Утомительность наша бадюю мало-по-малу исчезала; я и лошади чувствовали себя хорошо, втягиваясь въ поѣздку. Дачу овса замѣтно увеличили: покупали 34 ф. овса и пудъ сѣна на обѣихъ лошадей, и дѣлили поровну; дачу давали вечеромъ и утромъ. Цѣна здѣсь на пудъ сѣна 30 коп., пудъ овса 60—70 коп. Подковы не ослаблялись и лошадей, еще ни разу не перековывали.

8-го апрѣля прибыли на станцію Боярскую (23 в.), расположенную на берегу озера Байкала. Здѣсь остановились ночевать и узнать дорогу чрезъ Байкаль. По свѣдѣнію, прямо чрезъ Байкаль дороги нѣтъ, а нужно еще ѣхать берегомъ ниже 40 верстъ, на Мишихину, и тогда пуститься чрезъ Байкаль.

9-го апрѣля въ очень сильную бурю (буранъ) пустились ѣхать (по льду) Байкаломъ, придерживаясь берега, такъ какъ верхомъ ѣхать было нельзя: завалено сугробами снѣга. Трудно, очень трудно пришлось намъ и лошадамъ нашимъ на Байкаль.

10-го апрѣля съ Мишихи поѣхали чрезъ Байкаль на станцію Листвяничную. Переѣздъ былъ дальній, 51 верста, и очень трудный, погода встрѣчная; непостоянная:

тепло, снѣгъ и буранъ перемѣнялись постоянно; то вдругъ поднимается сильная буря, ни зги не видно,—того и гляди, попадешь въ щель на Байкаль. Очень часто на Байкаль ледъ разрывается, образуя широкія щели, но, къ счастію, только мѣстами, а не вездѣ. Благодаря Бога, благополучно переѣхали Байкаль. Ночлегъ въ Листвяничной, въ первый разъ увидели пароходы, стоящіе тамъ на зимовкѣ.

12-го апрѣля пріѣхали въ городъ Иркутскъ. Городъ хорошій, каменная постройка, разный торгъ всякими товарами; народу на улицахъ много. Здѣсь встрѣтить насъ нашъ товарищъ, бомбардиръ Назимовъ, онъ ждалъ насъ 8 дней. Здѣсь къ начальнику мы не обращались относительно квартиры, а заѣхали прямо въ квартиру, Назимова, потому что хозяинъ квартиры, Шадринъ, былъ ему знакомый и даже пріятель, и насъ безъ стѣсненія принять. Старшій явился воинскому начальнику, получить открытое предписаніе. Его высокоблагородіе спросилъ о пути слѣдованія и гдѣ остановились на квартирѣ? Старшій объяснилъ ему, но онъ, не увѣрившись, послалъ челоуѣка узнать, гдѣ мы квартируемъ.

Въ Иркутскѣ продневали одинъ день. Такимъ образомъ благополучно проѣхали отъ гор. Верхнеудинска 298¹/₂ версты. Лошади замѣтно втягивались въ работу, а мы ужъ совсѣмъ чувствовали себя хорошо. Отъ Читы до Иркутска мѣстность гористая, вездѣ лѣсъ и горы; дорога «неспособная», трудная.

14-го апрѣля простились съ нашимъ радушнымъ хозяиномъ и пустились дальше, но уже втроемъ.

21-го апрѣля въ Куйтунской встрѣтили Пасху Христову. Невесело дневали; скучно

намъ было провести день вдали отъ родной батареи!...

26 числа прибыли въ гор. Нижнеудинскъ, явились воинскому начальнику. Его высокоблагородіе разспросилъ все подробно и написалъ записку начальнику мѣстной команды относительно квартиры. Начальникъ команды отвелъ хорошее помѣщеніе для насъ и для лошадей. При слѣдованіи втроемъ отъ гор. Иркутска мѣстныя власти вездѣ оказывали намъ содѣйствіе. Сѣно купили 1 п. 20 ф. на трехъ лошадей, овса тоже 1 п. 20 ф.; дѣлили поровну (20 ф.) одною торбою, а не вѣсили. Сѣно 50 к. пудъ, овесъ 1 р. Ыхали благополучно, особенныхъ приключеній не встрѣчали по тракту, хотя жители и говорятъ, что здѣсь частенько случаются убійства пѣшихъ и конныхъ; и, дѣйствительно, это можно полагать, что доказываютъ кресты, которыхъ не мало встрѣчали на пути, болѣе около мостовъ и глухихъ мѣсть. Полюбопытствовали узнать, что за частые кресты? Подѣхали къ одному, на немъ было написано: кто именно убить, кѣмъ и изъ-за чего? Но мы всего этого не боялись, потому что были вооружены. По случаю ледохода на рѣкѣ Удѣ (перевозъ) намъ пришлось просидѣть полтора дня: ледъ начало ломать, шугу не пронесло, мостъ разрушился. Отъ Иркутска проѣхали 483³/₄ версты.

5-го мая прибыли въ гор. Канскъ; ночевали. Явились воинскому начальнику, получили открытое предписаніе на безпрепятственное слѣдованіе. Отъ Нижнеудинска до Канска 308 верстъ; случалось проѣзжать въ сутки по 54 версты.

9-го мая прибыли въ Красноярскъ. Перевозъ рѣку Енисей; всего проѣхали въ этотъ день 69¹/₂ верстъ.

Явились командиру красноярской каза-

чьей сотни, который зачислилъ лошадей нашихъ на фуражное довольствіе. Казаки приняли насъ очень радушно. Явились воинскому начальнику. Въ Красноярскѣ дневка. Командиръ сотни и гг. офицеры осматривали нашихъ лошадей съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Городъ очень красивъ; отъ Канска 216 верстъ.

11-го мая выѣхали далѣе.

19-го мая прибыли въ гор. Маринскъ. Явились воинскому начальнику и поѣхали далѣе до Подъельничной. Лошадки наши не чувствовали еще утомленія, шли хорошо.

24-го мая прибыли въ гор. Томскъ, сдѣлавъ въ этотъ день 68¹/₄ верстъ.

Явились воинскому начальнику, по приказанію котораго отвели намъ квартиру въ пѣшемъ батальонѣ, удовлетворили довольствіемъ. Лошадей и насъ начальство осмотрѣло; ветеринарный докторъ предлагалъ Назимову оставить лошадь въ Томскѣ, потому что она у него сильно хромала переднею лѣвой ногой, пройдя въ такомъ видѣ уже болѣе тысячи верстъ. Назимовъ не согласился; отъ хромоты лечилъ самъ дорогой. Въ Томскѣ получили телеграмму отъ его превосходительства, начальника штаба, чтобы спѣшили ѣхать и измѣнили маршрутъ: назначили ѣхать чрезъ гор. Златоустъ. Ночевали въ гор. Томскѣ благополучно. Городъ хорошъ и очень красивъ; народу на улицѣ очень много. Всего проѣхали отъ гор. Красноярска до гор. Томска 505 верстъ въ 14 дней. На пути препятствій не встрѣчали. Села и деревни устроены порядочно; народъ болѣе занимается хлѣбопашествомъ и «дворнею», держатъ постоянные дворы, потому что отъ Томска до Иркутска ходятъ ямщики съ товарами, а отъ Иркутска до Томска ходятъ съ чая-

ми. Поэтому народъ живетъ очень исправно, зажиточно.

25-го мая благополучно переправились черезъ рѣку Томь и поѣхали дальше.

29-го мая были въ Дубровиной. Кормили и поили лошадей обыкновенно около полудня, лошадямъ давали отъ 20 ф. и до 30 ф. сѣна и это же количество овса, смотря по переходу.

30-го мая г. Колывань. Здѣсь кормили лошадей и отдыхали, а ночевали въ Тырышкиной, проѣхавъ $67\frac{3}{4}$ версты. Ѣхать приходится болѣе по ровному мѣсту. Дорогой встрѣчали проѣзжающій и проходящій народъ, переселенцевъ изъ Россіи и другихъ мѣстъ, слѣдующихъ на новое мѣсто жительства въ Сибири, изъ Тамбовской и проч. Ѣхали они больше въ Барнаульскій округъ. Причины переселенія, какъ передаютъ сами переселенцы или «самоходы» (такъ здѣсь ихъ называютъ), неурожаи хлѣбовъ и травъ уже нѣсколько лѣтъ, а потомъ надѣлъ земли малъ для хлѣбопашества.

6-го іюня проѣхали городъ Каинскъ, а 14-го іюня прибыли въ г. Омскъ, въ 11 часовъ дня. Явились полковнику Катанаеву, предсѣдателю войскового хозяйственнаго правленія сибирскаго казачьяго войска. Его высокоблагородіе разспросилъ насъ подробно о путешествіи, самъ пошелъ съ нами, отвелъ квартиру въ военно-фельдшерской школѣ сибирскаго казачьяго войска.

Въ этомъ городѣ живутъ Сибирскіе казаки отдѣльнымъ форштадтомъ, но болѣе простонародіе, мѣщане.

15-го іюня изволили прибыть и посмотреть насъ, а въ особенности лошадей нашихъ, начальствующія лица: его превосходительство начальникъ штаба, съ адъютантомъ и другіе гг. офицеры; насъ спра-

шивали, какъ ѣхали, какъ довольствовались лошадями фуражемъ, въ какомъ количествѣ давали овса и сѣна? Гдѣ покупали для себя провизію? не было ли препятствій отъ властей въ путешествіи? Лошади, на взглядъ начальства, нисколько не ослабѣли тѣломъ; лошадь же Назимова все еще хромала.

Дача овса увеличилась до 8-ми гарцевъ (28 ф.). Овесъ покупали на пунктахъ остановокъ. Овесъ отъ 1 р. 20 к. за пудъ и за сѣно 90 к. Здѣсь взвѣсили наши сѣдла: у меня и Шестакова сѣдла обыкновенныя, форменныя, казачьяго образца, а у Назимова—простое, бурятское. Всѣ нашихъ сѣделъ безъ багажа 32 ф., Назимова—1 п. 2 ф., т. е. на 10 ф. тяжелѣе. Насъ и лошадей сняли въ фотографіи.

Отъ гор. Омска до гор. Томска считаютъ $891\frac{1}{4}$ версты. Ѣхали благополучно; особенныхъ приключеній не встрѣчали. Жители гостепріимные, почтительны и хороши; болѣе занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ исправно; по московскому тракту отъ Иркутска до Омска жители всѣ крестьяне. Въ Омскѣ сибирскіе казаки неотступно насъ спрашивали о нашемъ жителствѣ и службѣ, о состояніи средствъ, занятіяхъ и т. п. Въ Омскѣ прожили два дня: по случаю сильнаго вѣтра нельзя было переѣхать рѣку Иртышъ.

17-го іюня остановилась погода; переѣхавъ Иртышъ, пошли дальше предѣлами сибирскихъ казаковъ.

Всего сибирскими казаками проѣхали болѣе 500 верстъ. Далѣе пошли оренбургскіе казаки.

Слѣдуя изъ Омска поселками и станциями сибирскихъ казаковъ, очень натерпѣлись нужды мы и лошади наши: сильная засуха и неурожаи хлѣбовъ и травъ за-

ставили нуждаться самихъ сибирскихъ казаковъ; поэтому и мы дѣлили нужду съ ними, въ особенности трудно было найти овса и сѣна для лошадей, въ иныхъ мѣстахъ вовсе не находили продовольствія лошадямъ; взаменъ сѣна и овса покупали камышъ и то дорогою цѣной. Казаки имѣли видъ печальный, унылый; говорили, что раньше, до этого неурожая, особенной нужды не имѣли, а теперь пришлось и потерпѣть. У нихъ, какъ и у насъ, казаки снаряжаются на службу на свой счетъ и идутъ служить въ отдаленные края: въ Туркестанъ и Семирѣчье. Служать на «дѣйствительной» 4 года. Льготные казаки и малолѣтки ежегодно собираются по станицамъ на ученье, мѣсяца на 1½ или на 2 (компанентъ); малолѣтки же еще учатся по станицамъ и зимой (обучаютъ ихъ особые инструкторы подъ руководствомъ офицеровъ).

Сѣдла обыкновенныя, какъ наши, но только лучшей работы и однообразныя; строевыя лошади почти не крупнѣ нашихъ, но рѣзвостью, пожалуй, уступятъ нашимъ, исключая киргизскихъ. Нѣкоторые казаки имѣютъ строевыхъ лошадей киргизской породы; лошади эти очень хороши, ходки, быстры и выносливы, и значительно крупнѣ нашихъ. Казаки занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, а нѣкоторые и торговлею; въ порядочномъ количествѣ насѣваютъ хлѣба; имѣютъ достаточно скота, лошадей и барановъ, которыхъ охраняютъ у нихъ киргизы за условленную плату (пастухи). Киргизы живутъ въ «кибиткахъ» (юрта); народъ это кочующій, какъ наши буряты; живутъ они «аулами», въ степяхъ, на хорошихъ мѣстахъ имѣютъ скотоводство. Нынче неурожай травъ, и нѣтъ надежды накопить сѣна.

Казаки и киргизы по этому случаю продавали скотину весьма по дешевой цѣнѣ, не имѣя надежды прокормить его зиму. Лошади наши чувствовали замѣтно утомленіе и ослабѣвали; сильный лѣтній зной помогать еще больше этому. Пашни и степи, взаменъ растительности, изобилуютъ насѣкомыми: кобылкой, саранчей, которыя вредны для растеній. Жаръ сильный, почти все лѣто не было ни одного дождя, все сгорѣло отъ засухи. Отъ солнечнаго зноя и насѣкомыхъ, пауковъ и комаровъ ни день, ни ночь не было покоя. Казаки, по бѣдности, квартирами для насъ очень стѣснялись; они говорили, что «кормить имъ не чѣмъ, хлѣба нѣтъ»; за кормовыя деньги въ рѣдкихъ пунктахъ кормили насъ; больше приходилось покупать. Мѣстами на отопленіе зданій и варку пищи, взаменъ дровъ, введенъ аргаль, такъ какъ лѣсъ отъ станицъ далеко, да его мало. Мѣста у нихъ болѣе ровныя степи, но все-таки есть и роши.

Казаки на видъ не крупнѣ нашихъ, но очень «бойки». Въ лѣтнее время ходятъ въ гимнастическихъ рубашкахъ съ красными погонами, фуражкахъ и шароварахъ съ лампасами; зимою въ шубѣ, пимахъ, шапкѣ, построенной на образецъ папахи, съ присвоенной формѣ верхушкой.

Слѣдуя по сему печальному пути, я однажды встрѣтилъ радушный пріемъ въ станицѣ Николаевской, отъ Омска въ 112 верстахъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ моего командира батареи, у любезнаго его родителя, отставнаго казацкаго полковника Семена Егоровича Путилова. Товарищи отъ меня отстали, а я поспѣвшиль впередъ и ночевалъ у полковника Путилова, какъ подъ роднымъ кровомъ моихъ родителей. Дѣдушка принялъ меня, какъ

сына родного, любезнаго и преданнаго ему, и почтить, какъ дитя родное, вмѣсто своего сына, моего командира.

Въ городѣ Петропавловскѣ не ночевали, а кормили только лошадей. Здѣсь послушали лихія пѣсни сибирскихъ казаковъ, слѣдующихъ на ученье въ гор. Омскъ (льготные и для встрѣчи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича).

28-го іюня ѣхали дальше оренбургскими казаками: отъ поселка Песчанаго сибирскаго войска, на разстояніи 17 вер., граница войска. Кончалась Сибирь, началась Россія. Здѣсь построены прекрасныя каменные ворота: въѣхали въ Россію. Отъ Песчанаго до поселка Алабужскаго оренбургскаго войска 17¹/₂ в., станица Звѣриноголовская 15 в; кормили и поили лошадей; квартиру не просили; взяли овса и кормили прямо на базарѣ. Оренбургскіе казаки просто обступили насъ кругомъ; спрашивали про все. Здѣсь видѣли, какъ обучаютъ молодыхъ казаковъ. Казачата одѣты въ гимнастическія рубашки, въ фуражкахъ, брюки съ лампасами, при шашкахъ. Шашки маленькія. Казаки все ходятъ и ѣздятъ въ присвоенной формѣ. Ночевали въ Одерномъ 16 в.; всего проѣхали 48¹/₂ верстѣ. Здѣсь былъ пожаръ, и много сгорѣло зданій и всякой постройки.

Оренбургскіе казаки благосостояніе имѣютъ порядочное; хлѣба насѣваютъ много; болѣе сѣютъ пшеницу; занимаются скотоводствомъ; имѣютъ большое количество лошадей, рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ, занимаются и торговлею. Пастухи у нихъ тоже киргизы. Мѣста привольныя для всего. Обмундировываются и снаряжаются на службу казаки тоже на свой счетъ, исключая оружія. На службу

ходятъ въ отдаленные края: въ Туркестанъ и въ Фергану. Строевыя лошади, какъ и у сибирскихъ казаковъ же. Постройку зданій и все для хозяйства имѣютъ хорошую; но есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, надиво намъ, дома, крытые соломой. Поэтому у нихъ бываютъ частые пожары. Отопленіе болѣе аргаломъ, потому что лѣсъ въ отдаленности; мѣстность похожая на мѣстность сибирскихъ казаковъ. Занятія также почти одни и тѣ же. Хлѣбовъ и травъ нынче сильный неурожай: оренбуржцы также имѣютъ сильную нужду въ хлѣбѣ. Казаки говорятъ: «хлѣба, травъ неурожай, вотъ и нужда; заработковъ никакихъ почти положительно нѣтъ; деньги скудны». Казаки также никогда не отступаютъ отъ своей формы: лѣтомъ въ фуражкахъ, въ рубашкахъ съ погонами. Оренбуржцы лихіе пѣсенники. Околышъ фуражекъ, погоны и лампасы синяго сукна.

Молоденькихъ казачатъ обучаютъ урядники по станицамъ. Казаки весьма словоохотливы, обходительны и хорошіе рассказчики; любители плодить птицъ: куръ, индюшекъ, гусей и утокъ. Поэтому все это у нихъ дешево; но хлѣбъ дорогой. Квартиры отводили и пускали насъ безъ стѣсненія, но даромъ, а за кормовыя деньги или купить что надо. Фуражное довольствіе для лошадей покупалось дорого и скудно, все равно, какъ у сибирскихъ казаковъ. Въ гор. Троицкѣ тоже есть жители казаки. Мы проѣзжали городъ во время ярмарки; народу съѣхалось отовсюду всякаго много; продавалось все сравнительно съ нашимъ очень дешево. Отъ Омска до Троицка 787 вер. Теперь намъ маршрутъ измѣнили: нужно было ѣхать чрезъ гор. Оренбургъ, намъ прика-

вали чрезъ гор. Златоустъ, съѣсть на желѣзную дорогу и лошадей взять съ собою. Ѣхали всю дорогу благополучно.

8-го Юня благополучно прибыли въ гор. Златоустъ, явились воинскому начальнику и получили приказаніе съѣсть на желѣзную дорогу. Гор. Златоустъ громадный; стеченіе народу большое.

Пришлось ждать до слѣдующаго дня. Попросились на квартиру у содержателя гостиницы вблизи вокзала; содержатель гостиницы пустилъ насъ ночевать бесплатно. Мы все время неотступно смотрѣли устройство желѣзной дороги, такъ какъ въ первый разъ въ жизни еще пришлось видѣть ее.

9-го іюля, въ 11 часовъ ночи, помѣстили лошадей въ вагонъ и сами сѣли съ ними. Провизіи съ собою никакой не взяли, а покупали на вокзалахъ въ буфетъ. Поѣздъ тронулся въ 12 часовъ ночи. Сначала лошади наши суетились, а затѣмъ успокоились. Съ нами особеннаго ничего тоже не произошло.

10-го іюля проѣхали гор. Уфу.

11-го іюля прибыли на станцію Кинель, гдѣ пробыли порядочное время, чуть не сутки, ожидая другой поѣзда. Окрестные жители, по прибытіи поѣзда, являются съ торгомъ къ вокзалу, продаютъ всякую всячину изъ сѣстнаго, частію и фрукты.

13-го іюля благополучно прибыли въ Бузулукъ; часовъ въ 8 утра слѣзали съ поѣзда (проѣхали 850 верстъ); выкормили коней сѣномъ и овсомъ уже въ городъ; посмотрѣли городъ и поѣхали дальше.

Отъ гор. Бузулука до Гаршиной всѣ жители, — крестьяне, мордвы, чуваша, башкиры и проч., — имѣютъ разнообразную постройку аданій и живутъ очень неопратно. Здѣсь жители болѣе занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводство же имѣютъ въ

маломъ размѣрѣ. Квартирой для насъ не стѣснялись; для лошадей овесъ и сѣно покупали по умѣренной цѣнѣ. Хлѣбовъ и травъ здѣсь полный неурожай. Поэтому овса и сѣна было скудно; но почему-то продавалось все не очень дорого. Вотъ, наконецъ, вошли въ предѣлы уральскихъ очень гостепримныхъ казаковъ. Проѣзжая первый поселокъ, насъ никто не замѣтилъ и не знали, что мы казаки и ѣдемъ къ нимъ въ гости. Только уже въ станицѣ Соболевской оказали намъ первое радушіе, гостепримство и привѣтъ. Отсюда власти о насъ дали телеграмму въ Уральскъ.

16-го іюля, благодаря Всевышняго Творца, благополучно завершили нашъ дальній, трудный походъ! Въ 10 часовъ утра проѣхали къ караулкѣ, въ 6-ти верстахъ отъ города, гдѣ встрѣтили насъ самъ наказный атаманъ Уральского войска генералъ-майоръ Шиповъ, начальникъ штаба, старшій членъ войсковаго хозяйственнаго правленія войсковоі старшина Хорошкинъ (братъ нашего наказнаго атамана) и другія начальствующія лица, учебная сотня, хоръ музыки и много другого народу.

Приготовленъ тутъ же былъ для насъ обѣдъ и чарка водки. Начальники выпивали за здравіе наше и намъ подавали, кто водки, кто кусочекъ сѣстнаго и спрашивали обо всемъ. Тутъ же съ насъ сняты два раза фотографіи. Затѣмъ, подъ звуки музыки, двинулись въ городъ. На разстояніи 6-ти верстъ площадь наполнилась толпою народа.

Отвели намъ хорошее помѣщеніе въ лагерь учебной сотни, въ верстахъ 6-ти отъ города. По желанію нашему, возили насъ изъ лагеря въ городъ на парѣ лошадей въ экипажъ и показывали все, что могло касаться любопытства нашего; при этомъ назначенъ былъ урядникъ уральской сотни

Горшковъ для того, чтобы все показать и рассказать намъ.

Прожили мы въ такомъ чествованіи 12-ть дней до прибытія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, которое и было 29-го іюля.

30-го іюля Его Высочество присутствовало на скаковомъ кругѣ (конская скачка) и производить смотръ войскамъ: 6-ти льготнымъ казачьимъ полкамъ, учебной сотнѣ и мѣстной командѣ.

31-го іюля въ присутствіи Его Высочества состоялось празднованіе трехъ-сотлѣтней службы Уральскаго войска Царю и Отечеству въ Георгіевской рошѣ, которая прежде называлась Ханской. Для каждаго казака было полъ-бутылки водки, двѣ бутылки пива, по платку, по стакану, кружкѣ и по тарелкѣ.

1-го августа Его Высочество благополучно отбылъ изъ Уральска въ Петербургъ.

По прибытіи въ Уральскъ Его Высочества, мы все время жили въ городѣ на квартирѣ; для насъ, трехъ забайкальцевъ, двухъ оренбуржцевъ и уральскаго урядника, назначены три тройки лошадей: куда поѣдетъ Его Высочество, туда и насъ везутъ. Уральскіе казаки видны, рослы, brave, весьма словоохотливы, вѣжливы въ отношеніи къ заѣзжему человѣку и дружны между собою, какъ братья. Живутъ очень богато. Занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и, главное, рыболовствомъ. Рыбу ловятъ въ рѣкѣ Уралѣ и въ Каспійскомъ морѣ; рыболовствомъ наживаются порядочное состояніе. Рыбу ловятъ крупную: бѣлугу, осетра. Уральская рыба и икра вездѣ славятся. Лошадей отдаютъ пасти за условленную плату киргизамъ, которыхъ здѣсь много. Казаки работы трудной сами не работаютъ, а нанимаютъ за себя крестъ-

янь. Казаки имѣютъ фруктовые сады; фрукты дешевы. Овощей съютъ также въ большемъ количествѣ. Сѣно косятъ больше наймомъ. Мѣста степныя, ровныя, привольныя для сѣна и хлѣбопашества, но хлѣба насаваютъ не въ большемъ количествѣ. Лѣсу очень мало. Отопленіе зданій болѣе аргаломъ или, какъ называютъ, кизякомъ. Обмундированіе и снаряженіе у нихъ тоже свое собственное. Нѣкоторые казаки служатъ одинъ годъ на свой счетъ, т. е. довольствуются своимъ всѣмъ. Строевыхъ лошадей имѣютъ весьма хорошихъ, киргизской породы: рослыхъ, стройныхъ и легкихъ. Уралецъ лихой ѣздокъ на конѣ и конь по праву ему. У нихъ имѣется мундиръ — татарка, которую отъ нихъ позаимствовало и наше забайкальское войско. Сукно мундирное темно-синее, погоны и лампасы малиновые. Папахи у нихъ высокія и длинно-шерстныя. Уральскія казачки наряжаются опрятно; одежда у нихъ не похожая на наши; вообще ходятъ онѣ прилично и одѣваются щеголевато. На видъ онѣ скромны. Постройка зданій и помѣщеній у казаковъ порядочная; въ станицахъ и поселкахъ есть и каменная постройка, но есть и земляные дома, внутри и снаружи обмазанные глиной, покрытые соломенной крышей. Но они представляютъ видъ приличный, потому что опрятно содержатся. Казаки любятъ говорить краснорѣчиво, прибавляютъ при каждомъ словѣ «чей и больно». Насъ выспрашивали все подробно: какова у насъ жизнь въ Сибири? Чѣмъ занимаются казаки? Какое имѣютъ благосостояніе? Какова служба и т. п. Казаки очень охотно рассказывали намъ про свои походы и военныя дѣйствія; показывали старинныя постройки, рассказывали про свое рыболовство въ

рѣкъ Уралѣ и Каспійскомъ морѣ; о томъ, какъ послѣ рыболовства пируютъ. Нынѣшній годъ у нихъ тоже неурожай хлѣбовъ и травы отъ сильной засухи. Исключая хлѣба, у нихъ все продается, сравнительно съ нашимъ, очень дешево; хорошая лошадь у насъ рублей 100 стоитъ, а у нихъ не болѣе 30 рублей. Словомъ, у нихъ все гораздо дешевле нашего, только хлѣбъ былъ дороже...

Въ Уральскѣ прожили еще порядочное время послѣ отбытія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича. Жили въ лагерѣ учебной сотни, гдѣ для насъ была отведена особая кибитка, хорошо убранная и назначенъ былъ казакъ для приготовленія намъ пищи. Передъ обѣдомъ и ужиномъ каждый разъ предлагали намъ выпивать водки, но мы отказывались. Въ гор. Уральскѣ имѣли честь быть въ гостяхъ у матери и брата нашего наказнаго атамана.

Затѣмъ получили отъ его превосходительства нашего наказнаго атамана телеграмму, чтобы продать лошадей и ѣхать обратно въ свое войско, если желаемъ, чрезъ гг. Москву и С.-Петербургъ, до Томска желѣзной дорогою и водою, а отъ гор. Томска на протяжныхъ.

Продали своихъ милыхъ лошадокъ въ Уральскѣ весьма по дешевой цѣнѣ: я продалъ за 20 р., Шестаковъ за 18 р., Назимовъ за 15 р. Но, по существующей цѣнѣ на лошадей въ Уральскѣ, мы еще продали дорого; это лишь потому, что онѣ прошли такое большое разстояніе и не ослабѣли тѣломъ и ногами. Назимова лошадь къ Уральску совершенно стала «дородна», поправилась отъ хромоты. Пока жили мы въ Уральскѣ, лошади наши ходили на волѣ, на привольномъ корму, съ лошадьми казаконъ учебной сотни.

9-го августа его превосходительство наказный атаманъ Уральского войска, генераль-маіоръ Шиповъ, потребовалъ насъ къ себѣ въ домъ, поблагодарилъ насъ, простился съ нами и пожелалъ намъ счастливаго пути.

10-го августа получили отъ начальника штаба Уральской области маршрутъ и билеты для слѣдованія чрезъ гг. Москву и С.-Петербургъ въ Сибирь. Отъ гор. Уральска до станціи Новосергіевки (желѣзной дороги) надо было ѣхать 200 верстъ на лошадяхъ.

10-го же августа, въ 9 часовъ вечера, простились съ гостепримными уральскими казаками съ большимъ сожалѣніемъ; поблагодарили казаковъ, какъ съумѣли за радушное отношеніе къ намъ и поѣхали въ Питеръ.

12-го августа благополучно прибыли на станцію желѣзной дороги Новосерневку. Стѣдую сюда, вездѣ намъ казаки оказывали полное радушіе и гостепримство. Но только намъ не приходилось гостить: торопились ѣхать мои товарищи. Я замѣтилъ, что и по этому тракту казаки живутъ такъ же. Занятія совершенно одни и тѣ же, «обычай» одинъ.

13-го августа, въ 8 часовъ утра, поѣхали по желѣзной дорогѣ. На пути встрѣчали много селъ, деревень и городовъ. Въ 10 часовъ утра прибыли на поѣздъ въ гор. Самару, гдѣ нужно было сѣсть на пароходъ и рѣкою Волгою ѣхать до Нижняго Новгорода.

Поѣхали по Волгѣ на пароходѣ. Провизіи съ собой никакой не везли, а покупали на пристаняхъ; для чая воду кипяченую купили на пароходѣ.

16-го августа, въ 8 часовъ утра, благополучно прибыли въ Нижній-Новгородъ.

Съ пристани намъ нужно было слѣдовать къ вокзалу. Наняли гѣшаго унести до вокзала нашъ багажъ, сами пошли посмотреть, что за ярмарка въ Нижнемъ-Новгородѣ? Увидали тутъ много кой-чего любопытнаго и новенькаго! Народа со всего міра сюда стекается во время ярмарки всякаго, своего и чужестраннаго, видимо не видимо; торговля всевозможная: что пожелаешь, то и купишь.

Въ 5 часовъ вечера выѣхали изъ Нижняго въ гор. Москву. Мнѣ пришлось сѣсть вмѣстѣ на одну лавочку съ французомъ, который ѣхалъ тоже въ Москву. Конечно, собесѣдникъ мой не умѣлъ говорить по-русски, а я по-французски. Онъ всю дорогу меня подчивалъ конфетами, пряниками и папиросами, я его благодарить; только кланялся, а иногда скажу слово «мерси». Слыхалъ, что слово «мерси» по-русски значить—спасибо. Вотъ была потѣха!..

17-го августа, въ 8 часовъ утра, благополучно прибыли на поѣздъ въ Москву, гдѣ остановились дневать.

День весь ходили, смотрѣли и дивились на великую Москву. Тутъ есть чего и посмотреть. Случайно, замѣтивъ наше любопытство, попался намъ ученикъ гимназій изъ казаковъ Донского казачьяго войска; онъ намъ, спасибо, кое-что показалъ. Посмотрѣли и Кремль, въ которомъ гостилъ французъ въ 1812 году, царь-пушку, царь-колоколь, соборъ Ивана Великаго, Московскую крѣпость и соборъ Христа Спасителя. Въ немъ были у обѣдни, посмотрѣли внутри на иконостасъ; посмотрѣли и Кремлевскій дворецъ. Блуждая по улицамъ и рынкамъ, видѣли много, много интереснаго.

20-го августа, въ 8 часовъ утра, благополучно Богъ донесъ туда, куда стремился

я давно: увидѣть Государя Императора и всѣхъ, кому служили мои дѣды и отцы и кому служу я; хотѣлось страстно мнѣ посмотреть, за всѣхъ нашихъ, нашего Батюшку-Царя, но Богъ не привелъ видѣть Монарха нашего.

Намъ приказано было прямо заѣхать въ казармы уральской гвардейской сотни и явиться ея командиру.

Первые дни показывалъ и водилъ насъ по Петербургу урядникъ Жеребятниковъ. На все смотрѣли съ большимъ любопытствомъ и удивленіемъ, посмотрѣли дворцы Государя Императора. О нихъ не знаю, какъ и написать: если удивляютъ простыя зданія, то что же сказать про дворцы. Мы считали себя совершенно счастливыми, что удостоились видѣть С.-Петербургъ, а тѣмъ болѣе дворцы царскіе. Послѣ этого смотрѣли памятники царей и воиновъ; удивлялись, какъ все мудро устроено.

24-го августа имѣли счастье быть во дворцахъ Государя Императора, въ Аничковомъ и Зимнемъ.

Назначенъ былъ съ нами офицеръ сотни, сотникъ Желѣзновъ. Его благородіе показывалъ и рассказывалъ все, что видѣли внутри дворцовъ. Входъ во дворцы намъ былъ разрѣшенъ высшимъ начальствомъ. Счастливы мы, забайкальцы, были въ этотъ день! Богъ привелъ видѣть почти всѣ помѣщенія Ихъ Величествъ, арсеналь, армитажъ, Исаакіевскій соборъ, Александро-Невскую лавру, Петропавловскій соборъ, Петропавловскую крѣпость. Были въ Зоологическомъ саду, гдѣ видѣли различныхъ звѣрей; видѣли всѣ главныя казенныя учрежденія.

Въ С.-Петербургѣ жителей, говорятъ, около милліона; въ какую улицу ни зайди, народъ всюду толпою; одни въ экипажахъ,

другіе пѣшкомъ; ни одного не замѣтили, чтобы онъ шелъ помаленьку, а каждый спѣшитъ, торопится, будто не зная куда! Должно быть, въ Петербургѣ бѣдныхъ людей нѣтъ; всѣ одѣты прилично, съ виду, щеголевато; или же только одѣты «такъ», тутъ весь и капиталъ у него? Должно быть, что есть и такихъ не мало.

29-го августа, на поѣздѣ желѣзной дороги, помолясь Господу Богу, выѣхали изъ С.-Петербурга на Рыбинскъ, Нижній-Новгородъ, Тюмень и Томскъ, въ свое родное Забайкалье, къ своимъ дорогимъ собратіямъ по службѣ въ батареѣ, къ своимъ станичникамъ и прибыли въ Читу уже въ концѣ декабря благополучно.

XII.

Поѣздка по войску войскового наказного атамана въ 1889 году.

Войскового наказный атаманъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ послѣ своего назначенія могъ только лишь отчасти проѣхать по Забайкальскому казачьему войску. Въ 1889 году онъ предположилъ посѣтить Забайкальскую область и вмѣстѣ съ тѣмъ и войско.

22 мая 1889 года войскового наказный атаманъ прибылъ на пароходѣ въ Стрѣтенскую станицу. На берегу стояли въ строю казаки и казачата; эти послѣдніе въ первый разъ представлялись въ строю. На другой день былъ смотръ, причемъ въ строю были казаки и также казачата, которые прошли церемоніальнымъ маршемъ предъ своимъ атаманомъ. 24 мая выѣхалъ онъ по направленію на Шелопугинскую станицу, куда прибылъ уже вечеромъ.

При поѣздѣ въ Копунской станицѣ, да и въ Шелопугинской были выстроены казаки льготные въ форменномъ обмундированіи, а на лѣвомъ флангѣ стояли казачата въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанные ремennemъ кушакомъ, въ форменныхъ фураж-

кахъ, высокихъ сапогахъ. Въ Копунской станицѣ всѣ бывшіе въ строю казаки прошли въ баталіонной колоннѣ предъ своимъ войсковымъ атаманомъ, имѣя на правомъ флангѣ наказнаго атамана. 25 мая баронъ Корфъ проѣхалъ станицы Жидкинскую, Ундинскую и Новотроицкую.

Какъ въ станицахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ поселкахъ, по пути были выстроены льготные казаки и казачата. Въ Ундинской станицѣ всѣ казаки баталіонною колонною прошли церемоніальнымъ маршемъ. Всюду населеніе встрѣчало своего гостя и атамана хлѣбомъ-солью, экипажъ сопровождали конные казаки. Ночевалъ баронъ Корфъ въ Ундинской слободѣ и далѣе направился чрезъ Караксаръ, Цугульскій дацанъ, Агинскую думу, с. Жембиринское въ г. Читу. Станицы Маковѣвская и Титовская встрѣтили своего войскового атамана какъ подобаеетъ. Въ Читѣ былъ смотръ строевыхъ частей и между прочимъ смотрѣли джигитовку конныхъ казаковъ и рубку чучель.

2-го іюня войскового атаманъ поѣхалъ

дальше, направляясь на Верхнеудинскъ, гдѣ былъ 6 іюня. Здѣсь ему представились льготные казаки и казачата, но въ пѣшемъ строю. Отсюда генераль-адъютантъ баронъ Корфъ проѣхалъ по разнымъ мѣстамъ Верхнеудинскаго округа и 9 числа прибылъ въ пос. Ургункуй. Не далеко отъ вѣзда въ это поселеніе, казаки и казачата перваго отдѣла встрѣтили своего войскового атамана въ конномъ строю. Тоже повторялось и на слѣдующій день въ Кударинской, Мурочинской и Киранской станицахъ, причемъ отъ послѣдней сопровождали до Кяхты полусотня конныхъ казаковъ и столько же малолѣтокъ. Никогда еще, вѣроятно, и ни одинъ начальникъ края не вѣзжалъ въ Кяхту такъ торжественно. Казакамъ и казачатамъ было потомъ угощеніе. Послѣ краткаго пребыванія въ Кяхтѣ, баронъ Корфъ направился въ Селенгинскъ, коммерческимъ трактомъ на Мысовую, отсюда снова на Верхнеудинскъ и Читу, куда и прибылъ 22 іюня. 25 числа конный полкъ лихо представился на ученѣ и заслужилъ похвалу, въ этотъ же день поѣздка продолжалась, доѣхали до Тургитувскаго селенія; по пути въ станицахъ были собраны казаки. 27 іюня близъ с. Устьилинскаго у переправы чрезъ р. Ононъ выстроилась сотня малолѣтокъ. Было по вводу отъ станицъ Нижнеульхунской, Мангутской, Акшинской и Могойтувской. Небольшое конное ученѣе и джигитовка были исполнены очень хорошо, особенно могойтувцами. Затѣмъ во всѣхъ станицахъ и поселкахъ встрѣчали въ конномъ строю казаки и казачата. Ночевали въ Кубухаевскомъ поселкѣ.

Путь дальше былъ до Чинданта; на пути въ Цасучеевскомъ поселкѣ показывалось искусство ловли лошадей прямо изъ та-

буна, причемъ казаки за свою лихость, смѣлость удостоивались неоднократно похвалы. 29 іюня проѣхали 2-й Чиндантъ и доѣхали до Цаганъ-Олуевской станицы. Во время этого переѣзда казаки 2 Чиндантской станицы выказали предъ своимъ войсковымъ атаманомъ особенную выносливость. 45 верстъ верхомъ, нисколько не отставая отъ экипажа, они скакали въ полномъ обмундированіи. День былъ жаркій и все-таки прискакали всѣ, а ихъ было 10 человекъ. Предъ второю Чиндантскою станицею выстроилось уже два взвода, одинъ взводъ былъ изъ казачатъ отъ семилѣтняго возраста. Казакъ Матвѣй Шестаковъ: показывалъ свои табуны лошадей, верблюдовъ; была ловля лошадей, была джигитовка казачатъ; былъ какъ бы небольшой праздникъ въ станицѣ.

30 іюня въ Цаганъ-Олуевской станицѣ былъ произведенъ смотръ казачатамъ трехъ станицъ: Цаганъ-Олуевской, Зоргольской и Дуроевской, а послѣ смотра была и джигитовка. Особенно понравились пѣсенники казачата. Въ этотъ день войскового атамана покинулъ предѣлы 2 военнаго отдѣла, направляясь къ Нерчинскому заводу, и вскорѣ выѣхалъ въ станицы 3 военнаго отдѣла, прослѣдовавъ чрезъ станицы Манкечерскую, Донинскую, Калгинскую и Большеаерентуевскую. 3 іюля прибыли въ Нерчинскій заводъ, а на слѣдующій день къ вечеру въ Аргунскую станицу, проѣхавъ чрезъ Олочинскую. Вездѣ казаки и казачата встрѣчали своего войскового атамана, не отставая отъ другихъ станицъ. 5 іюля изъ станицы Аргунской войскового атамана тронулся дальше, слѣдуя на лодкахъ по р. Аргуни. 7 числа утромъ проплыли Усть-Уровскую станицу, жители которой пожелали отслужить молебенъ,

на которомъ присутствовали и баронъ Корфъ. Впослѣдствіи жители рѣшили на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ молебень, соорудить часовню, совершать здѣсь ежегодно молебствіе. Въ эту часовню войсковой и наказный атаманы прислали образа св. Фомы и Акакія. 8 іюля къ вечеру флотилія подошла къ Усть-Стрѣлкѣ, а 9-го утромъ вступила въ р. Амуръ, чѣмъ и закончилось 50 дневное пребываніе войскового атамана въ предѣлахъ области и войска.

Въ какой степени генераль-адъютантъ баронъ Корфъ остался доволенъ всѣмъ замѣченнымъ имъ, можно судить по двумъ приказамъ по казачьимъ войскамъ Приамурскаго военного округа.

8 іюля 1889 года. Поселокъ Усть-Стрѣлочный. № 1.

Окончивъ сего числа объѣздъ станицъ Забайкальскаго казачьяго войска, считаю необходимымъ высказать все мною замѣченное во время 50-ти дневнаго пребыванія среди казаковъ.

Особенно радовало меня, какъ войскового атамана, то, что во всемъ населеніи я замѣтилъ казачій духъ и гордость тѣмъ, что, по милости ЦАРСКОЙ, они казаки. Почти на всѣхъ я видѣлъ форменныя фуражки, — какъ видимый знакъ принадлежности казачьему сословію; большая часть отставныхъ представилась мнѣ въ форменной одеждѣ, какая у кого сохранилась, или нашлась; казаки служилаго состава, находящіеся на льготѣ, были въ строю въ форменномъ обмундированіи, смотрѣли молодцами и на произведенныхъ въ нѣкоторыхъ станицахъ ученіяхъ доказали, что пріобрѣтенное ими на службѣ не утрачено многими годами состоянія на льготѣ; обмундированіе приготовительнаго раз-

ряда, совершенно новое, не оставляетъ желать лучшаго. Во всѣхъ станицахъ значительная часть, даже большинство малолѣтокъ, начиная съ юныхъ лѣтъ, явилась на смотръ въ форменныхъ фуражкахъ и бѣлыхъ рубашкахъ съ погонами, что еще болѣе придавало имъ молодцоватый видъ. Въ станицахъ 1-го и 2-го отдѣловъ изъ малолѣтковъ - подростковъ (въ возрастѣ отъ 13 до 17 лѣтъ) были составлены конные взводы, обученные конному строю, а во 2-мъ отдѣлѣ всѣ лихо джигитовали. Взводы станицъ Шарогольской, Верхне-Ульхунской, Мангутской и Акшинской, чтобы представиться мнѣ, должны были пройти десятки верстъ, а дуроевцы и зоргольцы отъ 120 до 180 верстъ, которыя и прошли въ двое сутокъ и на другой день были на смотру. Малолѣтніи-казачата, въ возрастѣ отъ 7 до 11 лѣтъ во многихъ станицахъ были на коняхъ, ловко взлѣзая и слѣзая по командѣ.

Станичные атаманы, почти безъ исключенія, толковые и исполнительные казаки, пользующіеся уваженіемъ, что иначе и не должно быть въ населеніи, которому предоставлено право самому выбирать свое ближайшее начальство. Поселковые атаманы во многихъ станицахъ выбраны слишкомъ молодые, а потому не могущіе пользоваться достаточнымъ вліяніемъ среди своихъ станичниковъ; этого быть не должно.

Въ большинствѣ станичныхъ приходскихъ училищъ, въ которыхъ ученики еще не были распущены, и я имѣлъ возможность повѣрить обученіе, нашель, что оно ведется очень хорошо. Къ сожалѣнію, не во всѣхъ станицахъ имѣются приходскія училища. Въ настоящее время умѣть читать и писать казаку такъ же нужно, какъ

умѣть владѣть пашкой и стрѣлять изъ винтовки. Надѣюсь, что замѣченное мною упущеніе живо исправится.

Во многихъ станицахъ заведены общественныя запашки. Совѣтую всѣмъ станицамъ завести ихъ и увеличить; онѣ лучшее обезпеченіе въ трудную годину отъ голода и нужды.

На очень многихъ казачьихъ земляхъ погорѣвшіе лѣса. Казакамъ слѣдуетъ заботиться о сохраненіи своей собственности; тѣмъ болѣе, что отъ уничтоженія лѣсовъ все чаще и чаще повторяются засухи, отъ которыхъ страдаетъ населеніе. Необходимо тушить пожары, какъ только что они начинаются, не ожидая пока пожаръ разовьется. Возлагаю отвѣтственность за своевременное тушеніе лѣсныхъ пожаровъ на станичныхъ и поселковыхъ атамановъ. Надѣюсь, что къ будущему моему объѣзду новыхъ слѣдовъ пожаровъ я не увижу.

Поданіе врачебной помощи населенію нуждается въ переустройствѣ, о чемъ предлагаю наказному атаману представить свои соображенія.

Вообще же противу видѣннаго мною рабѣ, при посѣщеніи нѣкоторыхъ станицъ войска, я замѣтилъ громадную переѣмку къ лучшему, особенно относительно развитія въ населеніи истинно казачьяго духа. Относя это къ личнымъ заботамъ наказнаго атамана, генераль-маіора Хорошхина, прошу его принять самую живую благодарность за его попеченіе о казакахъ.

Благодарю атамановъ отдѣловъ за ихъ усердное содѣйствіе наказному атаману, за ихъ труды и желаю, чтобы они стали къ казакамъ еще ближе и были бы ходатаями о всѣхъ ихъ нуждахъ, имѣя въ виду, что экономическое благосостояніе

казака тѣсно связано съ исправнымъ отбываніемъ военной службы.

Спасибо станичнымъ атаманамъ; многіе изъ нихъ оказались и отличными учителями своихъ подростковъ-станичниковъ; почти всѣ изъ видѣнныхъ мною заслуживаютъ похвалы и одобренія, почему и предлагаю наказному атаману наиболѣе достойныхъ представить къ наградамъ. Въ настоящее же время за отличное состояніе станицъ, за подготовку казаковъ и малолѣтковъ и за распорядительность назначаю отъ себя въ награду часы, съ надписью «Отъ Войскового Наказнаго Атамана», золотые — станичнымъ атаманамъ: Зоргольской 2 военного отдѣла старшему уряднику Евграфу Гладкову и Копунскому 3 военного отдѣла младшему уряднику Михаилу Дружинину; серебряные — Шарагольскому станичному атаману 1 военного отдѣла старшему уряднику Ильѣ Жаркову.

Спасибо также учителямъ малолѣтокъ Дуроевской станицы вахмистру Дмитрію Топоркову, 2-й Чиндантской — вахмистру Федору Бутарину, которымъ прошу наказнаго атамана передать отъ меня серебряные часы съ вышеприведенною надписью. Спасибо всѣмъ казакамъ отъ мала до велика, такъ порадовавшимъ своего войскового атамана; очень радъ, что мнѣ пришлось познакомиться съ ними, поговорить и послушать ихъ дѣльные рѣчи. Надѣюсь, что казаки не останутся на томъ, что достигнуто и скоро станутъ на одинаковую степень съ нашими старыми казачьими войсками. Если казаки не будутъ забывать Бога, не будутъ лѣниться дома и честно вести себя на службѣ, то и Богъ поможетъ имъ.

13 іюля 1889 г. Гор. Благовѣщенскъ, № 2.

На телеграмму, которою я доносилъ о

результатахъ объѣзда моего по станицамъ Забайкальскаго казачьяго войска, мною получена сего числа отъ исправляющаго должность военнаго министра депеша слѣдующаго содержания:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ особымъ удовольствіемъ изволилъ прочитатъ телеграмму вашу объ отличномъ состояніи, въ коемъ вы нашли Забайкальское войско, и поручилъ вашему превосходительству объявить казакамъ ЦАРСКОЕ спасибо».

Генераль-адъютантъ Обручевъ.

Я счастливъ объявить забайкальскимъ казакамъ эту МОНАРШЮЮ милость.

Предписываю настоящій приказъ прочесть во всѣхъ сотняхъ при собраніи нижнихъ чиновъ, а въ станицахъ и поселкахъ на первыхъ станичныхъ и поселковыхъ сходахъ.

Въ ознаменованіе ЦАРСКАГО спасибо заложена въ Читѣ часовня, о чемъ сказано подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Приказъ по войску іюля 1889 года, № 63, наказнаго атамана о такой высокой наградѣ былъ отпечатанъ и разосланъ всѣмъ малолѣткамъ, бывшимъ на смотру войскового наказнаго атамана на память отъ наказнаго атамана.

ХІІІ.

Августѣйшій Атаманъ среди Забайкальскихъ казаковъ.

Воспоминанія о пребываніи въ 1890 году въ войскѣ Нашего Августѣйшаго Атамана еще очень свѣжи, живы и сохраняются на много десятковъ лѣтъ. Но все-таки, пользуясь рассказанномъ въ книжкѣ: «Посвѣщеніе Забайкаля Е. И. В. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ въ 1891 году». Расскажу, какъ войско представлялось Его Высочеству.

Въ такомъ великомъ, никогда еще не бывшемъ событіи, какъ посвѣщеніе Наслѣдникомъ Престола отдаленной окраины нашей, должны были принять участіе представители всѣхъ станицъ съ своими станичными атаманами, а чтобы въ памяти живущихъ возможно долѣе сохранилось воспоминаніе о прозвѣдѣ Наслѣдника Цесаревича, отъ всѣхъ станицъ были посланы казачата.

Встрѣча началась въ пос. Покровскомъ, Амурскаго казачьяго войска, такъ какъ въ пос. Усть-Стрѣлочномъ приставать пароходу было нельзя. 10 іюня 1891 года съ утра около пристани въ пос. Покровскомъ было уже все готово.

Первое мѣсто принадлежало амурцамъ, конный взводъ казаковъ и казачатъ которыхъ стали у пристани, правымъ флангомъ къ рѣкѣ, далѣе спиною къ рѣкѣ и къ церковной оградѣ расположились: забайкальская войсковая депутація съ наказнымъ атаманомъ во главѣ¹⁾, предста-

¹⁾ Въ составъ депутаціи вошли атаманъ 3-го отдѣла генераль-маіоръ Мерказинъ, совѣтникъ войскового хозяйственнаго правленія полкъесаулъ Эповъ, сотникъ Баштѣевъ, урядники и казаки отъ каждаго изъ отдѣловъ (были почти всѣ участники экспедиціи генерала Пржевальскаго, нѣкоторые и кавалеры военнаго ордена нѣсколькихъ степеней), а именно: казакъ Виссаріонъ Шай-

вители казаки и казачата станицъ Аркин-ской, Усть-Уровской, Аргунской и Олочинской.

245 казачать вытянулись линіей и заняли всѣ три стороны площади у церкви. Напряженно смотрѣли на востокъ, вдоль рѣки Амура, гдѣ, наконецъ, около 10 часовъ утра показался пароходъ «Вѣстникъ» съ развѣвающимся на мачтѣ штандартомъ Настѣдника Цесаревича и сопровождаемый «Ермакомъ», другимъ пароходомъ Амурскаго же товарищества.

Наказный атаманъ еще разъ указалъ на важность готовящейся встрѣчи; по командѣ «шапки долой!» всѣ обнажили свои головы и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы съ молитвою встрѣтить желаннаго Гостя.

Пароходъ, при звукахъ хора музыки, слѣдовавшаго на «Ермакъ», медленно под-ходя, наконецъ, присталъ. На верхней палубѣ изволилъ находиться Его Императорское Высочество, окруженный свитою. Принявъ на пароходѣ военнаго губернатора и наказнаго атамана съ рапортомъ, Августѣйшій Путешественникъ сошелъ затѣмъ на пристань, гдѣ также принявъ словесный рапортъ отъ покровскаго поселковаго атамана, а затѣмъ отъ атамана отдѣла генерала Мерказина и другихъ лицъ, и изволилъ направиться къ амурцамъ, а затѣмъ подошелъ къ забайкальской вой-

сковой депутаціи, стоявшей съ обнаженными головами.

«Забайкальское войско»,—началъ свою рѣчь наказный атаманъ, держа въ рукахъ хлѣбъ-соль, «нетерпѣливо ожидая счастья представиться Тебѣ, нашъ Августѣйшій Атаманъ, отправило своихъ представителей, чтобы за порогомъ своихъ предѣловъ, по русскому обычаю, встрѣтить хлѣбомъ-солью». Передавъ затѣмъ блюдо ¹⁾ съ хлѣбомъ-солью и принявъ отъ генерала Мерказина образъ-складень ²⁾, наказный атаманъ продолжалъ: «Забайкальскіе казаки, усердно молясь о сохраненіи Твоего здравія, просятъ предстательства передъ Всевышнимъ о томъ же св. Николая Чудотворца, небеснаго Твоего покровителя, святыхъ Алексѣя Божія Человѣка и св. Терентія, въ дни празднованія памяти которыхъ, по милости Твоего Державнаго Прадѣда, наши дѣды и отцы удостоились чести стать забайкальскими казаками. Да сопутствуютъ невидимо эти угодники Бо-

дуровъ, урядникъ Данило Ваулинъ, урядникъ Николай Коревъ, казакъ Степанъ Пышковъ, урядникъ Иванъ Филиппинъ, урядникъ Василій Бутинъ, Филиппъ Силинскій, казакъ Алексѣй Силинскій, казакъ Григорій Куклинъ; старшіе урядники: Пантелей Телешевъ, Цирентъ Доржievъ; младшіе урядники: Петръ Калмынинъ, Макаръ Лаваревъ, вестроевой старшаго разряда Гарма Мадга-новъ, канониръ Кондратій Хлѣбниковъ.

¹⁾ Блюдо серебряное, позолоченое, работы фабриканта Хлѣбникова въ Петербургѣ, величиною въ поперечникѣ 12 вершковъ. На днѣ блюда изображена Забайкальская область съ показаніемъ пути слѣдованія; на краяхъ, въ особыхъ медальонахъ, изображены наверху войсковая часовня, внизу русскій, тунгусскій и бурятскій казаки (до образованія войска), на двухъ другихъ казаки въ прежней и новой формахъ. Между рисунками помѣщены арматура (ружье, пика, шашка и проч.). Внизу на днѣ надпись «Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ» «Забайкальское казачье войско». Съ боковъ «1851» и «1891 г.». Солонка—панакха, съ желтымъ верхомъ. Съ блюда снята фотографія и разослана въ станицы.

²⁾ Складень изображаетъ въ срединѣ Николая Чудотворца, съ одной стороны св. Алексѣя (праздн. 17 марта), съ другой—св. Терентія (праздн. 21 іюня). Складень, высотой около 7 вершковъ, работы фабриканта Овчинникова. Фотографическій снимокъ разосланъ въ станицы. Станичники распорядились очень хорошо; освятили и поставили, какъ образъ, въ станичныхъ правленіяхъ.

жи въ Твоемъ трудномъ и продолжительномъ путешествіи по пути, сотни лѣтъ тому назадъ проложенномъ и проторенномъ русскими людьми, а въ числѣ ихъ и сибирскими казаками. Удостои же принять, возлюбленный нашъ Атаманъ, подносимое Тебѣ любящими Тебя и преданными забайкальскими казаками изображеніе сихъ угодниковъ Божіихъ».

Поблагодаривъ за подносимое и приложившись къ образу, Августѣйшій Атаманъ направился къ представителямъ Аркинской станицы¹⁾, которые, ставъ на колѣна, просили удостоить принятія хлѣба-соли и отъ нихъ. Принявъ подносимое и поблагодаривъ, Августѣйшій Атаманъ прослѣдовалъ затѣмъ вдоль фронта выстроенныхъ забайкальцевъ, здороваясь съ каждою станицею.

Немедленно по проходѣ Его Императорскаго Высочества, долго сдерживаемое чувство радости вылилось въ могучемъ «ура», которое по мѣрѣ прохожденія фронта все сильнѣе росло, оглашая всю окрестность.

Обойдя весь фронтъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ направился въ церковь, гдѣ былъ встрѣченъ по положенію, а затѣмъ, выйдя изъ церкви, изволилъ смотрѣть строевыя построенія и джигитовку амурцевъ. Послѣ сего всѣ члены войсковой депутаціи имѣли счастье быть представленными своему Августѣйшему Атаману, который многихъ изъ нихъ милостиво удостоилъ своими разспросами. Послѣ сего Его Императорское Высочество отбылъ на пароходъ, съ площадки котораго не одинъ разъ милостиво благодарилъ всѣхъ.

¹⁾ Поселокъ Усть-Стрѣлочный, мимо котораго предстояло пройти, Аркинской станицы.

Между тѣмъ, прибывшіе забайкальцы, по особому разрѣшенію войскового наказнаго атамана, быстро перебрались на оба парохода. На берегу остались лишь тѣ, которые должны были слѣдовать по р. Аргунни на пригнанныхъ ботахъ, да оставленные за излишкомъ и взятые потомъ на пароходъ купца Лукина, любезно предложившаго свой пароходъ, и доставленные на заранѣе указанныя пристани по р. Шилкѣ.

Аркинскій станичный атаманъ, урядникъ Ворсинъ, имѣлъ счастье получить лично отъ Его Высочества серебряныя часы.

На мѣстѣ ночлега у Карагановской были выставлены казаки для охраны и для помощи прислугѣ пароходовъ.

Утромъ, 11 іюня, какъ только туманъ рассеялся и стало возможно движеніе, тронулся «Вѣстникъ» въ путь, неся Августѣйнаго Путешественника все болѣе и болѣе въ глубь Забайкалья.

Плаваніе шло безостановочно и «Вѣстникъ» довольно уже поздно подошелъ къ пос. Горбиченскому, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Въ этомъ поселкѣ сосредоточились почти всѣ казаки и казачата Буларской станицы; не считая взрослыхъ, болѣе 250 казачатъ стояло въ строю. Его Императорское Высочество изволилъ сойти на берегъ, принялъ рапортъ станичнаго атамана, поздоровался съ казаками, казачатами, прошелъ вдоль ихъ фронта и затѣмъ приказалъ пройти церемониальнымъ маршемъ. Подъ звуки хора музыки, казаки и казачата прошли дважды по отдѣленіямъ. Поблагодаривъ казаковъ, Августѣйшій Атаманъ изволилъ отбыть на пароходъ, гдѣ и наградилъ и. д. станичнаго атамана, урядника Таскаева, часами. Никогда, съ самаго своего основанія, Горбица не видывала такой иллюминаціи, такого оживленія. Го-

рѣли шкалики, цвѣтные фонари, костры, расположенные въ разныхъ мѣстахъ, игралъ хоръ музыки, явились и пѣсенники. Весь плоскій берегъ р. Шилки былъ занятъ сплошною толпою куларцевъ и другихъ прибывшихъ съ разныхъ мѣстъ. Съ пароходовъ сошли казаки и казачата, ѣхавшіе изъ Покровки. Во время плаванія, бывшіе на «Вѣстникѣ» казаки и казачата показывали свое искусство въ пляскѣ, на которую Его Императорское Высочество изволилъ смотрѣть съ верхней палубы. Около 12 часовъ, когда Августѣйшій Путешественникъ изволилъ удалиться въ свою каюту, на пароходахъ и на берегу все смолкло, но большинство не спало и до отхода пароходовъ бодрствовало. 12 іюня, лишь только туманъ разсѣялся, пароходы тронулись далѣе вверхъ по Шилкѣ. Ближайшимъ пунктомъ остановки была Кара.

Далеко вдающаяся въ рѣку пристань, при высокой водѣ, доходившей почти до самой настилки, была очень красива. Прямо у того мѣста, гдѣ долженъ былъ пристать пароходъ, возвышалась только что сооруженная арка, роскошно убранная зеленью, цвѣтами, флагами, составленными изъ національныхъ цвѣтовъ и цвѣтовъ тюремнаго вѣдомства. На пристани, правымъ флангомъ къ аркѣ, расположился почетный караулъ въ составѣ сборной сотни 2-го пѣшаго баталіона съ своимъ хоромъ музыки и со знаменемъ.

Его Императорское Высочество изволилъ сойти на пристань, принялъ рапортъ командира баталіона, полковника Сухомлинова, обошелъ фронтъ почетнаго караула и затѣмъ принялъ почетный рапортъ завѣдующаго нерчинскою каторгою, подполковника Томилина, и хлѣбъ-соль отъ Шилкинской волости. Послѣ сего осмотрѣны

были казаки и казачата станицъ Актагучинской и Богдатской (всего 100 человекъ). Почетный караулъ и казачата были пропущены церемоніальнымъ маршемъ по отдѣленіямъ и рядами и заслужили похвалу своего Августѣйшаго Атамана, который изволилъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отозваться о почетномъ караулѣ. Впослѣдствіи изъ Стрѣтенска генераль-адъютантъ баронъ Корфъ телеграфировалъ командиру баталіона: «Совсѣмъ молодцы. Настѣдникъ Цесаревичъ вполне доволенъ, крѣпко благодарю. Ура».

Дальнѣйшее плаваніе по р. Шилкѣ въ этотъ день совершилось благополучно. Проходя мимо поселковъ, пароходъ былъ привѣтствуемъ выходившимъ на берегъ населеніемъ; только тѣ, кто не могъ покинуть домовъ, оставались въ поселкахъ, а казачата всѣ были сосредоточены въ п. Уктычинскомъ, куда пароходъ подошелъ, когда становилось уже значительно темно. На берегу горѣли костры и вся Ломовская станица, выстроившись развернутымъ фронтомъ, нетерпѣливо ожидала счастья представиться своему Августѣйшему Атаману. Не смотря на наступившую темноту, Его Императорское Высочество изволилъ сойти съ парохода, принять рапортъ станичнаго атамана и, обойдя фронтъ, пропустить церемоніальнымъ маршемъ повзводно казаковъ и казачатъ (ихъ было до 400 человекъ), которые стройно прошли подъ звуки хора музыки, высаженнаго съ «Ермака» на берегъ. Казаки и казачата удостоились похвалы Настѣдника Цесаревича.

До поздней ночи на берегу продолжалось гулянье подъ звуки хора музыки, пока Его Императорское Высочество не изволилъ удалиться въ свою каюту.

Ломовскій станичный атаманъ, урядникъ Федоровъ удостоился счастья изъ рукъ своего Августѣйшаго Атамана получить часы, которые тутъ же и были надѣты.

13-го іюня довольно рано пароходъ тронулся далѣе къ ст. Стрѣтенской, къ пристани которой и подошелъ около 10 часовъ утра.

Нарядно убралась Стрѣтенская станица къ прѣзду Августѣйшаго Атамана. Масса флаговъ, зелени, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, придавали много красоты, оживленія и безъ того красивой, при взглядѣ съ рѣки, станицѣ. На пристани амурскаго товарищества встрѣтилъ съ рапортомъ въ числѣ другихъ и станичный атаманъ во главѣ станичной депутаціи, поднесшей Его Императорскому Высочеству хлѣбъ-соль и образъ св. Николая Чудотворца. Цесаревичъ чрезъ арку подошелъ къ правому флангу почетнаго караула отъ стрѣтенскаго резервнаго баталіона. Далѣе, на нижней площади выстроены были остальные чины баталіона, стрѣтенской конвойной команды и представители, казаки и казачата (последнихъ болѣе 500) Стрѣтенской, Копунской, Шелопугинской, Догъ-Инской, Зерентуйской, Красноярской, Ононъ-Борзинской, Манкечурской, Быркинской, Донинской и Калгинской станицѣ. Огибая площадь съ трехъ сторонъ, линія вытянулась до самаго входа въ церковь. Послѣ краткаго молитвословія, начался крестный ходъ, за которымъ слѣдовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, предшествуемый войсковыми депутатами и станичными атаманами и сопровождаемый свитой. Въ особо устроенномъ навѣсѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Просьба о семъ была заявлена представителями войска и Августѣйшій Атаманъ соизволилъ на это. Еще громче,

чѣмъ было при встрѣчѣ, раздавалось могучее «ура» тысячной толпы, залившей всю площадь, всѣ боковыя улицы, когда Его Императорское Высочество изволилъ возвращаться на пароходъ.

Въ 5 часовъ снова загудѣло «ура», сопровождая Наслѣдника Цесаревича, побѣжавшаго осмотрѣть двухклассное училище. Выслушавъ пѣніе, посмотрѣвъ гимнастику и оставшись довольнымъ, Его Императорское Высочество изволилъ перейти въ ремесленный классъ училища. Нужно было видѣть, съ какимъ рвеніемъ всякій казачекъ (а между ними были и девятилѣтніе) старался показать свое искусство; кто пилилъ, кто строгалъ, кто долбилъ, а кто закачивалъ въ горни свои издѣлія. Мастерскія были въ полномъ ходу и вызвали одобреніе Августѣйшаго Посѣтителя. Почетный блюститель училища, отецъ благотворительный Мелетій Прянишниковъ, одинъ изъ главныхъ руководителей этого дѣла, удостоился благодарности и получилъ потомъ отъ Его Императорскаго Высочества золотыя часы, учителю училища, г. Арнольду, пожаловано 200 руб. Пока происходилъ осмотръ школы, стрѣтенскій баталіонъ, конвойная команда и три сотни малолѣтокъ выстроились на площади, у лагеря баталіона. Смотръ сошелъ превосходно. Нѣсколько разъ проходили войска и казачата и частями, и колоннами, удостоиваясь похвалы.

Приказавъ людямъ выдать водки, а казачатамъ орѣховъ и конфетъ, Его Императорское Высочество отбылъ затѣмъ на стрѣльбище. Здѣсь происходило состязаніе въ стрѣльбѣ льготныхъ казаковъ. Это было первое состязаніе въ войскѣ, устроено оно по ходатайству атамана отдѣла и съ разрѣшенія войскового наказнаго атамана.

Въ числѣ стрѣлявшихъ были и только что утромъ прибывшіе станичные атаманы. Первые трое получили призы—серебряные часы—изъ рукъ Августѣйшаго Атамана, приказавшаго оставить имъ у себя и ту винтовку, изъ которой стрѣлялъ каждый. Такой чести, небывалой еще въ Забайкальѣ, удостоились Усть-Уровской станицы фельдфебель Павелъ Пономаревъ (станичный атаманъ), Ломовской станицы казакъ Тимофей Литвинцевъ и старшій урядникъ Никонъ Пестеревъ.

Предъ отходомъ парохода, собранные на пристани представители войска, ѣдившіе въ Покровку, получили: подъесауль Эповъ и сотникъ Бакшеевъ серебряные портсигары, а нижніе чины золотыя булавки съ вензелемъ Его Императорскаго Высочества (буквами Н. А.) и короною. Булавки эти войсковою наказный атаманъ тутъ же, на пристани, собственноручно приколотъ каждому; затѣмъ Августѣйшій Атаманъ изволилъ проститься съ ними и еще разъ поблагодарить ихъ.

Станичный атаманъ, урядникъ Пыхаловъ, лично отъ Его Императорскаго Высочества получилъ серебряные часы.

Въ 7 часовъ «Вѣстникъ» отвалилъ отъ пристани и тронулся въ путь. Красивъ былъ видъ Стрѣтенска, когда подходилъ утромъ пароходъ, но еще красивѣе и оживленнѣе онъ оказался при отходѣ. Солнце обливало лучами яркую картину строеній, флаговъ, массы народа въ праздничныхъ одеждахъ. Могучее «ура» гудѣло въ воздухѣ, пока пароходъ шелъ вдоль станицы; все, что было на берегу, заволновалось и бѣжало, слѣдуя за пароходомъ, пока было возможно. Около поселка Кокуйскаго, на берегу были выстроены казаки Курлычен-

ской станицы. Замедливъ ходъ, «Вѣстникъ» прошелъ мимо.

Невозможно описать тотъ энтузіазмъ, съ которымъ нерчугане и съѣхавшіеся съ разныхъ сторонъ жители встрѣтили 14 іюня давно ожидаемаго и желаннаго Гостя! Путь его, пока Онъ шелъ, осыпали цвѣтами; за коляской, потрясая воздухъ восторженными криками, бѣжали тысячи народа, сопровождая до собора, гдѣ произошла обычная встрѣча, отъ собора до дома Бутина, гдѣ вдоль улицы расположилась, составляя почетный караулъ, сотня льготныхъ казаковъ 3-го отдѣла, съ знаменемъ. Принявъ рапортъ, Августѣйшій Атаманъ изволилъ обойти фронтъ сотни и далѣе—казаковъ и казачатъ (последнихъ до 300) станицъ: Торгинской, Жидкинской, Ундиинской, Куенгской. Пропустивъ всѣхъ церемоніальнымъ маршемъ, Его Императорское Высочество милостиво похвалилъ всѣхъ.

Около 11 часовъ утра 15 іюня, Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ встрѣченъ начальникомъ нерчинскаго горнаго округа д. с. с. Нестеровымъ на пристани у р. Шилки. Принявъ рапортъ, Его Императорское Высочество переправился на другой берегъ на особо устроенной лодкѣ и, поздоровавшись съ казаками и казачатами (около 100 человекъ) Кулаковской станицы, изволилъ прослѣдовать на Урульгинскій пріискъ. По возвращеніи съ пріиска, на переправѣ чрезъ р. Шилку, простившись съ казаками, Его Высочество лично наградилъ исполнявшаго обязанность станичнаго атамана урядника Степана Кривоносова серебряными часами. Въ пос. Мирсановскомъ представлялись депутаты Митрофановской станицы, а казаки и казачата (последнихъ болѣе 100) прошли церемоніальнымъ мар-

шемъ; Его Императорское Высочество изволилъ кушать чай.

Было вполнѣ еще свѣтло, когда подъѣзжали къ поселку Казановскому. Здѣсь представились своему Августѣйшему Атаману казаки и казачата (послѣднихъ до 180) Новотроицкой, Улятуевской станицъ, крестьяне Удинской, Чиронской волостей. Для ночлега Его Императорскаго Высочества былъ приготовленъ домъ Казанова. Свита и сопровождающе расположились въ ближайшихъ домахъ. Во время обѣда, происходившаго въ станціонномъ зданіи, хоръ пѣвчихъ пѣлъ пѣсни и скоро у оконъ начались оживленные танцы, очень распространенная «восьмерка» и другіе. Его Императорское Высочество изволилъ смотрѣть на танцы изъ оконъ во время обѣда. Народъ угощали конфектами, которыя лица свиты раздавали ближайшимъ и затѣмъ бросали дальнимъ. 16 іюня, передъ отъѣздомъ, исполнявшій обязанности Митрофановскаго станичнаго атамана урядникъ Дмитрій Абрамовъ удостоился получить лично отъ Августѣйшаго Атамана серебряные часы. Хозяинъ дома казакъ Иванъ Казановъ удостоился получить золотую булавку. На станціяхъ Размахнинской, Галкинской представлялись казаки и казачата (послѣднихъ болѣе 200), отъ малолѣтокъ были и ординарцы. Вездѣ казаки были пропущены церемоніальнымъ маршемъ, причемъ въ ст. Размахнинской подъ звуки собственнаго своего оркестра, устройствомъ и игрою и однимъ изъ инструментовъ, именно «лирою» Его Императорское Высочество заинтересовался; владѣвшій инструментомъ заигралъ одну изъ плясовыхъ пѣсенъ и, какъ изъ земли, выросли двое казачатъ и начался танецъ, участники котораго имѣли не болѣе 8 лѣтъ.

Плясуны заслужили похвалу и награду. При отъѣздѣ Размахнинскій станичный атаманъ Федоръ Размахнинъ получилъ отъ Его Высочества серебряные часы.

Въ ст. Кайдаловой были представлены казаки и казачата (послѣднихъ до 150 въ двухъ пунктахъ—с. Кайдаловской и пос. Туриноповоротномъ). Его Императорское Высочество изволилъ пить чай.

Уже солнце близилось къ закату, когда Его Императорское Высочество подъѣзжалъ къ особо устроенному, агинскими бурятами, около п. Туриноповоротнаго павильону и раскинутому вокругъ него юртамъ. Здѣсь, поздоровавшись съ чинами Туриноповоротной конвойной команды, съ казаками и сотнею казачатъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ затѣмъ привѣтствованъ представителями бурятъ.

На другой день передъ отъѣздомъ Кайдаловскій станичный атаманъ казакъ Андрей Поповъ удостоился получить серебряные часы.

Около 8 часовъ утра направились далѣе къ Читѣ. Въ ст. Маковѣвской, кромѣ казаковъ и сотни малолѣтокъ, Его Императорскому Высочеству представилась партія запасныхъ, слѣдующая съ Амура на родину. Пропустивъ всѣхъ церемоніальнымъ маршемъ и похваливъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ запаснымъ отпустить по чаркѣ водки, а казачатамъ дать на лакомства. Станичному же атаману уряднику Пушкареву пожаловалъ серебряные часы.

Въ пос. Атамановскомъ представители Титовской станицы встрѣтили своего Августѣйшаго Атамана хлѣбомъ-солью.

Въ Читѣ предположенъ былъ ночлегъ и выѣздъ на другой день послѣ завтрака. На ряду со всѣми городами Забайкалья, и Чита давно уже начала готовиться къ

приему дорогого Гостя. Городъ украсился флагами, гирляндами, транспарантами, многія зданія казенныя и частныя были убраны весьма изящно, особенно по Амурской улицѣ и на Атаманской площади. Въ городъ заблаговременно прибыли всѣ войска, прибыли всѣ атаманы 12 станицъ 2-го военного отдѣла съ представителями сихъ станицъ, представители всѣхъ волостей Читинской округи, массы жителей изъ дальнихъ мѣстъ, чтобы взглянуть на такого желаннаго и давно ожидаемаго Гостя.

Въ началѣ второго часа дня вдали показался поѣздъ. Около Августѣйшаго Путешественника, бывшаго, какъ и ранѣе, съ генераль-губернаторомъ, конвоемъ ѣхали офицеры коннаго полка и батареи, встрѣтившіе Его Императорское Высочество верстахъ въ 4-хъ у часовни, что на перевалѣ Госпитальной сопки.

Принявъ городскую депутацію, поднесшую хлѣбъ-соль, посѣтивъ соборъ, Дорогой Гость направился къ Атаманской площади. Здѣсь, у войсковой часовни, Онъ изволилъ выйти изъ экипажа. Тутъ расположились въ пѣшемъ строю сотни малолѣтокъ Титовской станицы, станицъ второго военного отдѣла. Звонкими дѣтскими голосами отвѣтили Своему Августѣйшему Атаману на его привѣтствіе.

Его Императорское Высочество, встрѣченный въ часовнѣ іеромонахомъ Стефаномъ, милостиво изволилъ разспрашивать наказнаго атамана о времени сооруженія часовни, причинахъ ея возникновенія, помолвившись св. Александру Невскому, св. изображеніе котораго въ богатой ризѣ было прислано Его Императорскимъ Высочествомъ Забайкальскому войску и торжественно освящено 13 іюля 1890 года. Непосредственно подъ образомъ Але-

ксандра Невскаго былъ помѣщенъ образъ св. Іова, празднуемаго 6 мая, день рожденія Наслѣдника Цесаревича. Забайкальскіе казаки, желая увѣковѣчить въ памяти народной посѣщеніе ихъ Августѣйшимъ Атаманомъ, соорудили этотъ образъ на добровольныя пожертвованія и поставили въ своей войсковой часовнѣ.

По выходѣ изъ часовни, Его Императорское Высочество направился вдоль представителей 12 станицъ 2 военного отдѣла¹⁾, здороваясь съ ними, и далѣе перешелъ къ почетному караулу, расположенному на Атаманской площади, фронтомъ къ часовнѣ. 1-я сотня 1 пѣшаго баталіона, составлявшая караулъ, своимъ молодцоватымъ видомъ заслужила похвалу Августѣйшаго Атамана.

Пропустивъ караулъ церемоніальнымъ маршемъ, похваливъ его, Наслѣдникъ Цесаревичъ вступилъ въ ограду атаманскаго дома. Здѣсь Его Императорское Высочество привѣтствовали представители гор. Акши и волостей Читинской округи.

Принявъ представителей гражданскихъ учрежденій въ залѣ военного собранія и осмотрѣвъ часть помѣщенія сего собранія, Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ посѣтить Преосвященнаго Макарія, у котораго изволилъ кушать чай. Между тѣмъ за лѣтнимъ домомъ Архіерея собрались для смотра войска Читинскаго гарнизона: пѣшій казачій баталіонъ, Читинская мѣстная команда, 3 сотни казачьяго коннаго полка, 2-я казачья батарея, сотня льготныхъ казаковъ и сотня малолѣтокъ станицъ 2 военного отдѣла, сотня малолѣтокъ Титовской ста-

¹⁾ Букукунской, Верхнеульхунской, Мангутской, Акшинской, Могойтуевской, Дурулгуевской, 1 и 2 Чиндантскихъ, Цагань-Олуевской, Зоргольской, Дуроевской, и Чалбушинской.

ницы. Войска были выстроены въ колоннахъ тыломъ къ рѣкѣ, примыкая правымъ флангомъ къ саду архіерейскаго дома, головы частей были на одной линіи.

Никогда еще Чита не видала такого блестящаго смотра. Обѣзжая вдоль фронта, Наслѣдникъ Цесаревичъ здоровался послѣдовательно съ частями войскъ, громкое «ура» войскъ и собравшагося народа придавали всей картинѣ еще большую торжественность и живость. Войска проходили дважды—по сотенно и колонною, заслуживъ неоднократныя похвалы. Особыхъ похвалъ заслужилъ пѣшій баталіонъ, въ рядахъ котораго, при составѣ до 600 человекъ, было болѣе половины казаковъ, поступившихъ съ 1 января 1891 года и собранныхъ съ 1 апрѣля на 5-ти мѣсячное обученіе.

Послѣ смотра началась джигитовка, для которой вызвана была вторая сотня коннаго полка, сотня льготнаго полка и малолѣтки. «Джигиты» не одинъ разъ удостоились похвалы своего Августѣйшаго Атамана. Затѣмъ были скачки нижнихъ чиновъ отъ одной сотни коннаго полка, дѣлѣе предположена была скачка казаковъ 2-го отдѣла, но погода быстро измѣнилась, начался вѣтеръ и на небѣ быстро образовались тучи, готовыя разразиться обильнымъ дождемъ; скачка казаковъ была перенесена на другой день, и Его Императорское Высочество около 7 часовъ вечера изволилъ возвратиться въ городъ; вечеромъ на Атаманской площади было гулянье.

18 іюня, посѣтивъ нѣкоторыя учебныя заведенія, Августѣйшій Атаманъ пожелалъ осчастливить Забайкальское войско знакомъ своего благоволенія—принять предложенный отъ войска въ полѣ завтракъ,

а до мѣста завтрака слѣдовать верхомъ во главѣ забайкальцевъ! Нужно ли говорить, съ какою радостію вѣсть о семъ была принята казаками.

Свѣвъ на коня, Августѣйшій Атаманъ изволилъ въ сопровожденіи свиты выѣхать на площадь, запруженную народомъ. Недалеко отъ воротъ фотографъ снялъ Августѣйшаго Атамана съ Его спутниками. Путь слѣдоваль черезъ площадь, по Амурской и Нерчинской улицамъ, на мосты и далѣе по верхнеудинскому тракту. На выступѣ горы находится часовня во имя Святого Духа, перестроенная казаками Титовской станицы, причемъ въ ней поставленъ былъ образъ—Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, съ надписью на немъ: «Въ благодареніе Господу Богу за новоявленное чудо надъ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ въ Японіи 29 апрѣля 1891 года, въ избавленіи Его отъ смертной опасности и на память въ роды родовъ сего чудеснаго спасенія Десницею Всевышняго». Около этой часовни въ 1873 году Забайкальское войско имѣло счастье угощать Великаго Князя Алексѣя Александровича; здѣсь же былъ поставленъ особый шатеръ, изъ разноцвѣтной матеріи, украшенный флагами, зеленью, щитами. Въ шатрѣ приготовленъ былъ завтракъ для Его Императорскаго Высочества, свиты и для высшихъ представителей учрежденій области. Кругомъ расположились станичныя атаманы, прислуживали исключительно казаки; прочіе приглашенные помѣстились въ особо устроенномъ навѣсѣ рядомъ. Быстро шло время завтрака; прекрасный видъ на городъ, на долину, рр. Читы и Ингоды, отличный день,—все согласовыва-

лось съ тѣмъ особо радостнымъ состояніемъ, какое замѣчалось у всѣхъ присутствующихъ. Августѣйшій Атаманъ изволилъ первымъ провозгласить тостъ за Забайкальское казачье войско. Это милостивое вниманіе Августѣйшаго Атамана къ войску вызвало восторженные крики, которые усилились еще болѣе, когда Наказный Атаманъ провозгласилъ тостъ за Августѣйшаго Атамана. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, звуки музыки и крики тысячъ присутствующихъ—все слилось въ одинъ внушительный, радостный гулъ, понятный всякому русскому, безпредѣльно преданному своему Царю и Его Августѣйшему Представителю.

Фотографъ сдѣлалъ снимокъ съ завтракавшихъ; затѣмъ Его Императорскому Высочеству было угодно осчастливить войско, снявшись съ представителями его и станичными атаманами, а затѣмъ отдѣльно группою съ войсковымъ наказнымъ Атаманомъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ, наказнымъ Атаманомъ Забайкальскаго войска и станичнымъ атаманомъ. Атаманъ отдѣла генераль Мерказинъ выѣхалъ ранѣе въ поселокъ Черновской. Къ сожалѣнію, оба снимка потомъ случайно разбились; первая группа была возстановлена, а вторая замѣнена новою уже въ Верхнеудинскѣ.

Во время же завтрака Его Императорское Высочество изволилъ многимъ изъ присутствующихъ на листкахъ бумаги дѣлать собственноручныя надписи: «Вашъ Атаманъ», «Цесаревичъ Николай», «Николай» и означая вездѣ «18 Юля 1891 года».

Напутствуемый громко высказываемыми самыми чистосердечными пожеланіями благополучнаго пути, Наслѣдникъ Цесаревичъ въ городскомъ экипажѣ изволилъ отбыть далѣе. Противу Кенонскаго озера пасса

табунъ казака 2-й Чиндантской станицы Шестакова. Остановившись здѣсь, Его Императорское Высочество смотрѣлъ ловлю лошадей, объѣздки ихъ. Ловили исключительно казаки и не уступали въ своемъ искусствѣ бурятамъ. Особенно удачно выходило, когда ѣздокъ садился на неосѣдланную лошадь, держась одною рукою за гриву, а другою за хвостъ. Всѣ усилія коня, озадаченнаго такою неожиданностію, сбросить смѣлаго сѣдока, были напрасны; измучившись, но не освободившись отъ ноши, конь смирялся и становился послушнымъ. Въ то время, когда происходила ловля лошадей, были пущены лошади казаковъ 2-го военного отдѣла на скачку. Какъ было упомянуто ранѣе, скачка эта не могла состояться наканунѣ, и по желанію Его Императорскаго Высочества, была произведена въ день выѣзда. Поблагодаривъ казака Шестакова, наградивъ его золотою булавкою (Шестаковъ получилъ сверхъ того серебряныя часы и второй войсковою призь на скачку), Августѣйшій Путешественникъ изволилъ сѣсть въ дорожный экипажъ. Масса офицеровъ и казаковъ провожала до пос. Черновскаго.

Казаки, прислуживавшіе во время завтрака, а также и ловившіе лошадей, получили часы или другіе подарки.

Въ поселкѣ Черновскомъ представились казаки и казачата Титовской станицы; здѣсь кончался 3-й военный отдѣлъ и здѣсь остался атаманъ сего отдѣла генераль-маіоръ Мерказинъ, которому Его Императорское Высочество изволилъ пожаловать свой портретъ въ серебряной рамкѣ. Станичный атаманъ урядникъ Балаганскій получилъ лично отъ Цесаревича часы.

Верхнеудинцы готовились уже давно къ встрѣчѣ. Красивый самъ по себѣ, съ мно-

жествомъ каменныхъ бѣлыхъ зданій, городокъ принялъ совершенно праздничный видъ. Въ концѣ большой улицы сооружена была каменная арка, около зданія арестантскаго пріюта; къ этой аркѣ проложена была новая дорога. У арки, впереди ея, расположились почетные жители, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній. Становилось уже темно, когда Настѣдникъ Цесаревичъ прибылъ къ аркѣ. Встрѣченный пѣніемъ, восторженными криками, Его Императорское Высочество прошелъ среди учениковъ; путь его усыпанъ цвѣтами. Городской голова привѣтствовалъ дорогого Гостя и, по русскому обычаю, поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ, очень изящномъ блюдѣ.

Далѣе путь лежалъ къ соборной церкви. Трудно себѣ представить, что произошло, когда коляска Его Императорскаго Высочества двинулась въ путь; ни что не могло сдержать хлынувшихъ массъ народа. Все устремилось вслѣдъ, оглашая воздухъ громкимъ ура; восторгъ былъ общій.

Когда коляска Его Императорскаго Высочества миновала домъ почетнаго гражданина И. Ф. Голдобина, приготовленный для помѣщенія Настѣдника Цесаревича, вдоль улицы выстроился почетный караулъ отъ 4-го восточно-сибирскаго линейнаго баталіона въ составѣ роты со знаменемъ и хоромъ баталіонной музыки; лѣвѣе почетнаго караула стояли — атаманъ 1-го военнаго отдѣла, командиръ батареи и двѣ сотни казаковъ и казачатъ 1-го военнаго отдѣла, причемъ всѣ казачата были одѣты въ татарки. Еще лѣвѣе и почти противу почетнаго караула, по другую сторону улицы, расположились представители всѣхъ волостей Верхнеудин-

скаго округа. Принявъ почетный караулъ, Его Императорское Высочество изволило прослѣдовать вдоль его фронта, а затѣмъ вдоль фронта казаковъ и казачатъ и представителей станицъ: Цакирскаго, Харацайскаго, Желтуринскаго, Босинскаго, Цаганъ-Усунскаго, Киранскаго, Мурочинскаго, Кударинскаго, Шарагольскаго, Усть-Урлукскаго, Мензинскаго и 11 сотенъ упрядненныхъ бурятскихъ полковъ.

Почетный караулъ, казаки и казачата были пропущены церемоніальнымъ маршемъ и заслужили похвалу.

21 Іюня 1851 года Высочайше утверждено положеніе о пѣшихъ баталіонахъ Забайкальскаго казачьяго войска; въ этотъ день, по установленному уже давно порядку, полагается войсковой кругъ, среди котораго совершается молебствіе. 21 Іюня 1891 года стало особенно дорогимъ днемъ, во первыхъ, потому, что Августѣйшій Атаманъ изволилъ назначить смотръ войскъ верхнеудинскаго гарнизона, въ составѣ котораго были казаки, а во вторыхъ, потому, что исполнялось сорокъ лѣтъ со времени утвержденія положенія о пѣшихъ баталіонахъ.

Августѣйшему Атаману благоугодно было дать новое доказательство благоволенія своего войску — осчастливить войсковой кругъ своимъ присутствіемъ.

Къ назначенному часу обширная поляна около казармъ, занимаемыхъ 1-й конно-артиллерійской батареей Забайкальскаго войска, приняла необычайный видъ; прямо противъ дороги, идущей по берегу р. Уды изъ города, возвышался особый навѣсъ, внутри котораго помѣщены были св. иконы; фронтомъ къ выходу дороги изъ города развернулся 4-й восточно-сибирскій ли-

нейный баталіонъ, лѣвѣ его 1-я конно-артиллерійская батарея. 4 сотни льготныхъ казаковъ и малолѣтокъ 1-го военного отдѣла составили вторую линію. Весь возвышенный уступъ, къ которому примыкаетъ поляна, былъ покрытъ тысячами народа, съѣхавшагося съ дальнихъ мѣстъ, чтобы видѣть Царскаго Первенца. Погода вполне благопріятствовала смотру, легкій вѣтеръ относилъ пыль.

Принявъ рапортъ отъ командовавшаго парадомъ полковника Соймонова, Его Императорское Высочество, при звукахъ хора музыки, несмолкаемыхъ крикахъ «ура», изволилъ объѣхать объ линіи и затѣмъ направился къ навѣсу, гдѣ немедленно по прибытіи войскъ, ставшихъ покоемъ, началось молебствіе, окончившееся провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Настѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. Войска и казаки были пропущены церемоніальнымъ маршемъ по ротно, казаки по сотенно, а затѣмъ колоннами. Послѣ сего, было вызвано по ваводу отъ сотни льготныхъ казаковъ и малолѣтокъ для джигитовки. Оставшись всѣмъ доволенъ, Августѣйшій Атаманъ изволилъ осчастливить батарею посѣщеніемъ казармъ; здѣсь въ столовой Онъ изволилъ выпить чарку за батарею. Восторгъ казаковъ былъ неописуемъ.

Осчастлививъ ранѣ инородцевъ и казаковъ снятіемъ группою вмѣстѣ съ ними, Его Императорское Высочество пожелалъ осчастливить и крестьянъ, снявшись вмѣстѣ съ ними въ саду дома Голдобина. Послѣ сего снята была особая группа: Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, съ атаманами, войсковымъ наказнымъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ, наказнымъ

Забайкальскаго войска, 1-го военного отдѣла и станичнымъ¹⁾.

Предъ отъѣздомъ Верхнеудинскій станичный атаманъ урядникъ Мисюркеевъ получилъ серебряные часы.

Этимъ днемъ собственно и окончилось пребываніе Августѣйшаго Атамана среди преданныхъ ему всею душою забайкальцевъ.

Считаемъ необходимымъ кратко упомянуть и о нѣкоторыхъ послѣдующихъ событіяхъ. Генераль-губернаторъ, при возвращеніи своемъ обратно съ Байкала въ Хабаровку, изволилъ вездѣ передавать, что Его Императорское Высочество, оставшись вполне довольнымъ всѣмъ видѣннымъ и радушіемъ, оказаннымъ Ему всѣмъ населеніемъ Забайкальской области, при отъѣздѣ изволилъ приказать объявить Свою душевную и горячую признательность всѣмъ учрежденіямъ, духовенству, начальствующимъ лицамъ, окружнымъ, городскимъ, полицейскимъ, станичнымъ, волостнымъ, поселковымъ, сельскимъ управленіямъ и всѣмъ жителямъ Забайкалья.

О такомъ знакѣ вниманія было объявлено также и особо.

Изъ Верхнеудинска 23 іюня наказнымъ атаманомъ была отправлена Его Императорскому Высочеству нижеслѣдующая телеграмма: «Чины Верхнеудинскаго гарнизона²⁾ и казаки 1-го военного отдѣла, отслуживъ благодарственное Господу Богу молебствіе за дарованное имъ счастье представиться Вашему Императорскому Высочеству и получить милостивое слово Вашего Императорскаго Высочества, едино-

¹⁾ Снямокъ съ этой группы помещенъ при настоящей книжкѣ.

²⁾ 4-й Восточно-сибирскій линейный баталіонъ, мѣстная команда и 1-я конно-артиллерійская батарея.

душно постановили на мѣстѣ, гдѣ происходило молебствіе 21 іюня, соорудить часовню ¹⁾, въ которой ежегодно 21-го іюня совершать молебствіе о дарованіи Вашему Императорскому Высочеству долгоденствія. Вмѣстѣ съ этимъ чины гарнизона и казаки просятъ повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ чувства вѣрноподданнической ихъ преданности и горячія сердечныя пожеланія благополучнаго пути. Счастливъ, что мнѣ выпадаетъ случай донести объ этомъ Вашему Императорскому Высочеству». На что полученъ нижеслѣдующій отвѣтъ:

«Сердечно благодарю чиновъ верхнеудинскаго гарнизона и казаковъ 1-го военнаго отдѣла за выраженные чувства».

«НИКОЛАЙ».

Генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ телеграммою извѣстилъ начальника Забайкальской области, что на принесенное Наслѣднику Цесаревичу поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Петербургъ, была получена слѣдующая телеграмма отъ Его Императорскаго Высочества:

«Сердечно благодарю васъ, войска, казаковъ и жителей Приамурскаго края за поздравленіе съ пріѣздомъ домой. Никогда не забуду пріемовъ, оказанныхъ мнѣ во время прѣзда по этому краю будущаго».

«НИКОЛАЙ».

На поздравленія съ днемъ тезоименитства 6 декабря 1891 г., и. д. командующаго войсками округа имѣлъ счастье получить нижеслѣдующую телеграмму:

«Душевно благодарю казачьи и регулярныя войска Приамурскаго края и васъ, за поздрав-

ленія. Радостно вспоминаю о моемъ пребываніи въ краю».

«НИКОЛАЙ».

Полагаемъ умѣстнымъ закончить это описаніе краткимъ перечнемъ болѣе выдающихся пожертвованій и вообще благотворительныхъ и добрыхъ дѣлъ, вызванныхъ какъ посѣщеніемъ Забайкалья, такъ и радостнымъ чувствомъ при извѣстіи объ избавленіи отъ опасности, угрожавшей Его Императорскому Высочеству въ Японіи.

Станичный сходъ Размахнинской станицы постановилъ въ сооружаемомъ въ станицѣ Размахнинской молитвенномъ домѣ поставить св. иконы: св. Николая, въ память посѣщенія станицы Августѣйшимъ Атаманомъ, и святыхъ, празднуемыхъ 29 апрѣля, въ память избавленія Его отъ угрожавшей Ему опасности въ Японіи.

Кайдаловская станица рѣшила въ станицѣ Кайдаловской построить на лѣвомъ берегу Ингоды деревянную, на каменномъ фундаментѣ, церковь, во имя Николая Чудотворца, въ память посѣщенія станицы Августѣйшимъ Атаманомъ.

Станичный сходъ Усть-Уровской станицы постановилъ въ ознаменованіе прѣзда своего Августѣйшаго Атамана поставить въ мѣстную часовню икону св. Николая Чудотворца.

Титовское станичное общество отремонтировало часовню близъ почтоваго тракта и поставило въ ней образъ Сошествіе св. Духа на Апостоловъ, въ благодареніе Господу Богу за новоявленное чудо 29-го апрѣля 1891 года.

Забайкальскіе казаки соорудили образъ св. Іова (празднуемаго 6-го мая въ день рожденія Августѣйшаго Атамана) въ память посѣщенія войска Августѣйшимъ Атама-

¹⁾ Часовня эта уже сооружена и освящена 21-го іюня 1892 г.

номъ. Образъ этотъ поставленъ въ гор. Читѣ въ войсковой часовнѣ. На мѣстѣ же, гдѣ Его Императорское Высочество изволилъ сидѣть во время войскового завтрака, соорудить каменную пирамиду, что и исполнено; пирамида освящена 17-го іюня 1892 г.

Память о посѣщеніи Забайкалья Наслѣдникомъ Престола, конечно, сохранится у всѣхъ тѣхъ, кто былъ такъ счастливъ и

удостоился видѣть Его Высочество. Въ станицы разосланы фотографическіе снимки съ блюда, складня, войсковой часовни, выѣзда Августѣйшаго Атамана во главѣ войсковыхъ чиновъ, во время завтрака, вмѣстѣ съ представителями и наконецъ съ атаманами. Гордитесь, забайкальцы всѣми этими знаками вниманія вашего Августѣйшаго Атамана.

XIV.

Войсковыя святыни.

1. Образъ св. Александра Невского и войсковая часовня.

Войсковой Наказный Атаманъ Приамурскихъ казачьихъ войскъ, оставшись доволенъ результатами поѣздки по войску, въ 1889 году, и найдя войско въ отличномъ состояніи, донесъ о семъ Военному Министру и войско осчастливлено было высокою наградою «ЦАРСКИМЪ спасибо», о чемъ и было 13-го іюля объявлено приказомъ по Приамурскимъ казачьимъ войскамъ; приказъ этотъ, столь важный и дорогой каждому забайкальцу, помѣщенъ выше.

Вѣсть о такой Монаршей наградѣ была объявлена въ Читѣ Наказнымъ Атаманомъ на другой же день по возвращеніи изъ поѣздки по области, именно 22-го іюля, при собраніи всѣхъ казачьихъ частей читинскаго гарнизона на Атаманской площади.

Послѣдовавшій за симъ народный гимнъ слился съ громкими криками «ура» нѣсколькихъ тысячъ присутствующихъ и съ

пушечною пальбою въ общіе, потрясающіе до глубины души, восторженные звуки.

Съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ лицъ начали поступать заявленія о желаніи увѣковѣчить столь памятное для войска событіе. Въ день войскового праздника, 17-го марта 1890 года, послѣ обычнаго на сей разъ молебствія, въ присутствіи всѣхъ казачьихъ частей читинскаго гарнизона и приглашенныхъ на праздникъ гостей, заложена была войсковая часовня во имя благовѣрнаго князя Александра Невского, на Атаманской площади въ гор. Читѣ.

Августѣйшій атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, узнавъ о закладкѣ часовни, соизволилъ осчастливить войско нижеслѣдующею телеграммою, полученною наказнымъ атаманомъ 18-го марта: «Отъ души поздравляю Забайкальское казачье войско и васъ съ войсковымъ праздникомъ, благодарю за привѣтствіе, пришлю въ новую часовню образъ св. Александра Невского. НИКОЛАЙ».

Войско такимъ образомъ было еще разъ

осчастливлено милостью къ нему Августѣйшаго Атамана.

Пожалованный образъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго былъ полученъ въ Читѣ въ началѣ іюня, и такъ какъ на ризѣ была надпись «13-го іюля 1890 года», то и рѣшено было въ этотъ день освятить и образъ, и часовню, сооруженіе которой быстро подвигалось впередъ.

Къ назначенному дню со всѣхъ сторонъ стали собираться въ Читѣ представители станицъ и желающіе присутствовать при этомъ радостномъ для войска событіи.

Прибыли всѣ атаманы отдѣловъ, 32 станичныхъ атамана, льготные казаки и малолѣтки. Всѣ они размѣщались въ лагеряхъ коннаго полка и пѣшаго баталіона, гдѣ встрѣтили отъ своихъ одностаничниковъ и родственниковъ радушный пріемъ. Чита оживилась и приняла видъ войскового города.

Въ назначенный день, къ 8 часамъ утра, на Атаманской площади расположились вокругъ часовни: на правомъ фасѣ, лицомъ къ часовнѣ, правымъ бокомъ къ войсковому правленію, всѣ малолѣтки; лѣвѣе ихъ въ сотенной колоннѣ сталъ баталіонъ, имѣя въ строю и нижепредѣльныхъ; тыломъ къ р. Читѣ, конный полкъ и часть батареи; спиною къ полицейскому правленію стали прибывшіе льготные казаки и станичные атаманы.

Вдоль по Амурской улицѣ и позади войскъ расположились всѣ пожелавшіе присутствовать на торжествѣ.

Въ 8^{1/2} часовъ, съ обычною церемоніей, вынесли изъ атаманскаго дома знамена строевыхъ частей и 14 находящихся въ Читѣ знаменъ льготныхъ частей. Вслѣдъ за этимъ обошелъ войска, здороваясь съ ними, и наказный атаманъ. Вызвавъ за-

тѣмъ всѣхъ гг. офицеровъ, урядниковъ и станичныхъ атамановъ, наказный атаманъ обратился къ нимъ съ краткою рѣчью. Поздравивъ съ годовщиною полученія ЦАРСКОЙ милости и съ видимымъ знакомъ благоволенія къ войску со стороны его Августѣйшаго Атамана, наказный атаманъ указалъ на то особое значеніе, которое имѣетъ для войска образъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Болѣе шестисотъ лѣтъ тому назадъ православную Русь постигло несчастіе: несмѣтныя полчища монголь опустошили ее и поработили, заставивъ князей ѣздить на поклонъ къ ханамъ и платить дань. Въ первое же время наступившаго монгольскаго ига однимъ изъ князей былъ и Александръ Невскій. Слабостью Руси желали воспользоваться ея тогдашніе сосѣди: шведы и нѣмецкіе рыцари; они стали нападать и разорять пограничныя области; князь Александръ нанесъ шведамъ жестокое пораженіе на берегахъ рѣки Невы, за что и получилъ наименованіе «Невскаго»; досталось отъ мужественнаго князя и нѣмецкимъ рыцарямъ. Охраняя силою оружія родную страну отъ ея враговъ, князь Александръ ѣздилъ и въ Монголію, успѣвъ охранить Русь отъ многихъ бѣдствій и съ этой стороны. Не такъ далеко отъ предѣловъ Забайкалья, а, быть можетъ, частію и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ казаки, кочевали монголы, и близъ Забайкалья былъ Александръ Невскій, ограждая Русь отъ монголь. Такимъ образомъ при жизни своей князь Александръ былъ заступникомъ православной Руси, грознымъ ея защитникомъ и теперь предъ Престоломъ Всевышняго онъ неустанный ходатай за свое отечество. Войско, получивъ отъ своего Августѣйшаго Атамана образъ

благовѣрнаго князя Александра Невскаго, какъ бы приобрѣло въ этомъ угодникѣ Божиѣмъ особаго покровителя. Какъ сотни лѣтъ тому назадъ князь Александръ стоялъ на стражѣ Россіи, такъ и теперь онъ невидимо, какъ бы вмѣстѣ съ Забайкальскимъ войскомъ, стоитъ на рубежѣ отечества и противъ его давняго и нынѣ уже не грознаго врага. Съ такимъ высокимъ заступникомъ и покровителемъ, забайкальцы пойдутъ на врага, если то прикажетъ Державный Вождь.

Освященіе образа происходило въ атаманскомъ домѣ преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ Селенгинскимъ. Образъ былъ вынесенъ на рукахъ наказнымъ атаманомъ и атаманами отдѣловъ. Торжественная и глубоко трогательная картина представлялась на Атаманской площади: яркіе лучи солнца играли и блестяли и на золотой ризѣ образа, и на дорогихъ одѣяніяхъ духовенства, и на принадлежностяхъ парадной формы всѣхъ присутствующихъ, и, наконецъ, на штыкахъ, стволахъ, шашкахъ. Медленно двигалась среди полной тишины, при звукахъ молитвы «Коль славенъ», духовная процессія, имѣя впереди образъ, обошла по фронту войскъ и затѣмъ вступила въ часовню. Вслѣдъ затѣмъ началось молебствіе по уставу освященія часовенъ, при чемъ всѣ знамена расположились вокругъ часовни на площадкѣ.

Къ окончанію молебствія прибылъ начальникъ штаба Приамурскаго военного округа генералъ-маіоръ Юнаковъ, бывший въ это время въ Читѣ, проѣздомъ къ мѣсту службы.

По окончаніи молебствія, знамена и войска были окроплены преосвященнымъ Макаріемъ, обошедшимъ ряды войскъ. Духовное торжество окончилось.

Какъ старшій въ чинѣ, генералъ Юнаковъ принялъ парадъ и, поздравивъ войско съ торжественнымъ для него днемъ годовщины полученія ЦАРСКОЙ милости, провозгласилъ затѣмъ здравицу за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Восторженные крики «ура» нѣсколькихъ тысячъ собравшихся на площади слились съ звуками народнаго гимна, съ троекратнымъ залпомъ батареи, поставленной на краю площади. Также восторжено встрѣчена была здравица и за Августѣйшаго Атамана, при чемъ хоръ музыки игралъ войсковою маршъ; залпъ батареи еще болѣе усилилъ величественную картину. Затѣмъ была провозглашена здравица за войскового наказнаго атамана, главнаго виновника полученной ЦАРСКОЙ награды, и за благоденствіе Забайкальскаго казачьяго войска.

Войска перестроились къ церемоніальному маршу. Впереди стали знамена льготныхъ частей въ одинъ рядъ, за ними слѣдовали: атаманъ 3-го военного отдѣла и станичные атаманы сего отдѣла, имѣя на правомъ флангѣ наказнаго атамана, далѣе сотня Титовскихъ малолѣтокъ и малолѣтки другихъ станицъ 3-го отдѣла; въ томъ же порядкѣ шли 2-й и 1-й отдѣлы и затѣмъ войска. Послѣ перваго прохожденія, станичные атаманы и малолѣтки стали около войскового хора, а войска прошли вторично общею колонною, послѣ чего вновь выстроились фронтомъ къ атаманскому дому, имѣя съ правой стороны малолѣтокъ. Знамена были отнесены въ атаманскій домъ, при чемъ отдана была установленная честь. Этимъ и окончилось торжество на Атаманской площади.

Во второмъ часу, въ помѣщеніи военнаго собранія на назначенномъ обѣдѣ, участвовали какъ всѣ приглашенные, такъ

и прибывшіе станичные атаманы. Послѣ оживленныхъ тостовъ, начался сибирскій танецъ (восьмерка), а затѣмъ и «казачекъ». Оказалось, что въ числѣ представителей станицъ, удостоенныхъ чести быть выбранными въ станичные атаманы, было не мало и представителей по ловкости и искусству въ танцахъ. Долгій и продолжительный лѣтній день клонился къ вечеру, когда изъ военнаго собранія стали выходить гости.

На другой день представители частей войскъ и станичные атаманы приглашены были къ обѣду къ наказаному атаману. Обширный залъ атаманскаго дома едва вмѣстилъ всѣхъ обѣдавшихъ. Послѣ обѣда и дабы сохранить въ памяти, кажется, первое такое многолюдное собраніе представителей войска, снята была общая группа, въ которой участвовало 44 человекъ; всѣ лица вышли чрезвычайно хорошо.

Вскорѣ послѣ обѣда, на полянѣ за архіерейскою заимкою состоялись скачки. Скакали казаки коннаго полка; а затѣмъ казачата 1-го и 2-го отдѣловъ показывали свое искусство въ джигитовкѣ. Лучшему, признанному таковымъ всѣми тремя атаманами отдѣловъ, выданъ былъ самоваръ; другіе, менѣе цѣнные изъ предметовъ одежды, книжки, а также и разныя сласти раздавались всѣмъ прибывшимъ казачатамъ. Наступившія сумерки помѣшали продолжать казачье празднество, которое, впрочемъ, закончилось уже въ лагерѣ коннаго полка.

15-го іюля, въ день празднованія св. равноапостольнаго князя Владиміра, всѣ прибывшіе гости и казачата присутствовали при литургіи въ соборѣ. Въ концѣ литургіи преосвященный Макарій обратился къ станичнымъ атаманамъ и каза-

чатамъ съ архипастырскимъ словомъ. Выразивъ, что и церковь радуется вмѣстѣ съ Забайкальскимъ войскомъ, такъ какъ оно заслужило своею службою благоволеніе Царя, преосвященный Макарій выразилъ увѣренность, что войско своимъ благочестіемъ, вѣрною службою будетъ достойно полученной Царской милости. Молодое и подростяющее поколѣніе онъ призывалъ къ подражанію во всемъ добромъ и хорошемъ своимъ отцамъ. Его Преосвященство собственноручно надѣвалъ каждому подходящему къ благословенію образокъ и вручилъ по просфорѣ.

По окончаніи божественной службы, всѣ прибывшіе атаманы и малолѣтки собрались у войсковой часовни. Здѣсь былъ отслуженъ напутственный молебенъ и наказный атаманъ, поблагодаривъ всѣхъ прибывшихъ и поручивъ имъ передать поклонъ станичникамъ, простился съ атаманами; малолѣтки же были приглашены въ атаманскій домъ, гдѣ имъ были показаны портреты прежнихъ атамановъ, портретъ Императора Николая I, утвердившаго положеніе о Забайкальскомъ войскѣ, портретъ Августѣйшаго Атамана, пожалованный Забайкальскому войску въ 1881 году, и въ заключеніе каждому было дано по металлической гребенкѣ на память о посѣщеніи.

Такъ Забайкальское войско отпраздновало годовщину полученія Царской награды, освященіе войскового образа и войсковой часовни.

Не ошибаясь, можно сказать, что у всѣхъ присутствовавшихъ на праздникахъ осталось сознаніе, что Забайкальское войско есть казачье войско и что истинно казачій духъ въ немъ есть, растетъ и развивается.

Теперь опишемъ образъ, пожалованный

Августѣйшимъ Атаманомъ, сооруженную часовню и св. иконы.

Образъ св. Александра Невского, посланный въ войсковую часовню Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Атаманомъ въ массивной серебряной вызолоченой ризѣ, заключается въ изящной кіотѣ, сдѣланной изъ орѣховаго дерева, съ дверцею съ зеркальнымъ стекломъ; на иконѣ правѣе лика святого изображено: «Св. Благовѣрный князь», а лѣвѣе «Александръ Невскій». Внизу иконы надпись: «Отъ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ Забайкальскому казачьему войску, 13-го іюля 1890 года». Размѣры этой иконы слѣдующіе: безъ кіоты въ серебряной ризѣ высота—почти аршинъ и ширина—почти 12 верш., высота же съ кіотою—аршинъ 2 верш. и ширина—аршинъ. При иконѣ св. Александра Невского прислана Его Высочествомъ серебряная вызолоченая лампада изящной работы, съ такими же серебряными золочеными цѣпочками для подвѣшиванія. Вѣситъ эта лампада съ цѣпочками $1\frac{3}{4}$ фунта. Фотографическій снимокъ съ образа разосланъ въ станицы. Казаки умно поступили, освятивъ его какъ образъ, и въ кіотѣ помѣстили въ станичномъ правленіи.

Въ планѣ часовня представляетъ собою квадратъ, въ сторонѣ двѣ сажени, по угламъ этого квадрата расположены квадратные же кирпичные столбы, промежутки между столбами забраны деревянными стѣнками, въ трехъ стѣнкахъ устроены двери; четвертая же, обращенная къ аданію войскового правленія, глухая. Крыша часовни—пирамидальная, четырехгранная съ сдѣланными углами, такъ что пирамида восьмигранная и крытая желѣзомъ; сверхъ крыши восьмигранная шейка и на ней

восьмигранный же золоченый куполокъ (луковицею), вѣнчающійся крестомъ.

На одномъ уровнѣ съ поломъ часовни, приподнятомъ отъ поверхности земли на $1\frac{1}{2}$ аршина, устроена вокругъ нея площадка, огороженная деревянною балюстрадою. Для входа на площадку устроены противъ дверей часовни три крыльца.

Угловые столбы выложены изъ кирпича и снаружи оштукатурены. Деревянные стѣнки сдѣланы въ видѣ обшивныхъ съ двухъ сторонъ переборокъ. Внутреннія стѣны часовни вѣнчаются рѣзнымъ карнизомъ. Потолокъ часовни украшенъ рѣзною розеткою. Трое дверей часовни снаружи украшены наличниками, состоящими изъ двухъ точеныхъ полуколоннъ, на верху перекрытыхъ рѣзнымъ карнизомъ; внутри же часовни двери эти обшиты простыми наличниками. Подъ карнизомъ, снаружи, изображены славянскимъ шрифтомъ тексты изъ перваго соборнаго посланія святого апостола Петра, а именно на сторонѣ, обращенной на сѣверо-западъ: «Повинитесь убо всякому человѣку созданію Господаради, еще Царю, яко преобладающу». На юго-западѣ: «Аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благодворцемъ», и на восточной: «Яко раби Божіи—всѣхъ почитайте: братство возлюбите, Бога бойтесь и Царя чтите». На крышѣ съ четырехъ сторонъ устроены слуховыя окна, украшенныя полуколонками и рѣзными фронтонами; въ эти окна помѣщены изображенія четырехъ Евангелистовъ. Крестъ, вѣнчающій часовню, состоитъ изъ желѣзной золоченой рамы, въ которую вставлены съ двухъ сторонъ зеркальныя стекла. Высота часовни и размѣръ ея отъ поверхности земли до пола— $1\frac{1}{2}$ арш., вну-

три отъ пола до потолка—7 арш., общая высота отъ земли до оконечности креста—18¹/₂ арш.

Работы производились частію казаками коннаго полка и пѣшаго баталіона, частію же частными мастерами.

Внутри часовни на стѣнѣ, обращенной къ зданію войскового хозяйственнаго правленія, размѣщены: образъ св. Александра Невскаго, подъ нимъ св. Іова (память 6 мая), съ правой его стороны св. Николая, епископа мирликійскаго (память 6-го декабря), съ лѣвой—св. мученика Андрея Стратилата (память 19-го августа); надъ этими тремя образами помѣщены два образа: съ правой стороны св. Алексѣя, Божія челоувѣка (память 17-го марта) и св. препод. мученика Терентія (память 21-го іюня), а съ лѣвой—св. Михаила, епископа синадскаго (память 23-го мая) и соборъ Архангела Гавріила (память 13-го іюля). Надъ этими помѣщены два образа: Спасителя и Божіей Матери. Между этими образами, а также по сторонамъ, помѣщены образа, присланные станицами.

Пять образовъ были заказаны въ Москвѣ у фабриканта Овчинникова, писаны на мѣдныхъ доскахъ живописью; образа святыхъ Алексѣя и Терентія писаны на одной доскѣ, равно какъ на одной же доскѣ писаны св. Михаилъ и соборъ Архангела Гавріила.

Всѣ пять образовъ помѣщены въ кіоты орѣховаго дерева со стеклянными дверцами. Образа Спасителя и Божіей Матери были заказаны еще въ 1864 году для походной церкви и хранились въ одной изъ церквей г. Читы. Писаны они на полотнѣ и помѣщены въ узкія деревянныя рамы. Образъ св. Николая, епископа мирликійскаго, небеснаго покровителя нашего Августѣйшаго Атамана, принесенъ въ даръ

войсковымъ наказнымъ атаманомъ генераль-адъютантомъ барономъ Корфомъ; образъ св. Андрея Стратилата, небеснаго покровителя войскового наказнаго атамана Андрея Николаевича Корфа, принесенъ въ даръ наказнымъ атаманомъ генераль-маіоромъ Хорошхинымъ; образъ св. Іова (день рожденія Августѣйшаго Атамана) сооруженъ въ память посѣщенія войска Его Высочествомъ въ 1891 году. Остальные четыре образа сооружены на пожертвованныя для часовни деньги.

Въ часовнѣ имѣются два подсвѣчника, паникадило, аналой, а на углахъ площадки поставлено четыре фонаря; все это изготовлено изъ разныхъ частей оружія.

На наружной стѣнѣ часовни, обращенной къ зданію войскового хозяйственнаго правленія, помѣщена желѣзная позолоченная доска, на которой помѣщены: вверху слѣдующій приказъ по Приамурскимъ казачьимъ войскамъ отъ 13-го іюля 1889 г. № 2: «На телеграмму, которою я доносилъ о результатахъ объѣзда моего по станицамъ Забайкальскаго казачьяго войска, мною получена сего числа отъ исправляющаго должность военнаго министра депеша слѣдующаго содержания:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ особымъ удовольствіемъ изволилъ прочитать телеграмму вашу объ отличномъ состояніи, въ коемъ вы нашли Забайкальское войско, и поручилъ вашему превосходительству объявить казакамъ ЦАРСКОЕ спасибо. Генераль-адъютантъ Обручевъ».

Я счастливъ объявить забайкальскимъ казакамъ эту МОНАРШУЮ милость.

Предписываю настоящій приказъ прочесть во всѣхъ сотняхъ при собраніи нижнихъ чиновъ, а въ станицахъ и поселкахъ на первыхъ станичныхъ и поселковыхъ

сходахъ. Войсковою наказный атаманъ, генераль-адъютантъ баронъ Корфъ».

Далѣ слѣдуетъ надпись:

«Для сохранія въ памяти этой МОНАРШЕЙ милости вoadвигнута настоящая войсковая часовня во имя св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, съ благословенія преосвященнаго Макарія, епископа селенгинскаго».

Далѣ перечислены начальствующія лица, бывшія въ іюлѣ 1889 г., именно: наказный атаманъ, генераль-маіоръ Хорошкинъ.

Начальникъ штаба войскъ Забайкальской области, полковникъ Какуринъ.

Предсѣдатель войскового хозяйственнаго правленія, полковникъ Евдокимовъ.

* Атаманы отдѣловъ: 1-го полковникъ Власовъ, 2-го полковникъ Евфановъ, 3-го генераль-маіоръ Мерказинъ.

Командиръ коннаго полка, полковникъ Шайтановъ, командующій пѣшимъ баталіономъ войсковою старшина Волковинскій, командиръ 2-го пѣшаго баталіона полковникъ Сухомлиновъ, командиръ 1-й батареи полковникъ Макаровъ, командиръ 2-й батареи войсковою старшина Петровъ.

Въ концѣ написано: «Часовня заложена 17-го марта 1890 г., въ день войскового праздника, освящена 13-го іюля 1890 г., преосвященнымъ Макаріемъ».

Затѣмъ упомянуто, что постройкою руководилъ помощникъ областного архитектора Долинъ.

Около часовни, вдоль Амурской улицы, устраивается небольшой садикъ, огороженный деревяннымъ рѣшетчатымъ заборомъ. Часовня сооружена на добровольныя пожертвованія.

2. Знамена: а) Пожалованныя пѣшимъ баталіонамъ и коннымъ полкамъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Полотно знамени пѣшаго баталіона квадратное, стороны квадрата нѣсколько больше двухъ аршинъ. Полотно состоитъ изъ шелковой матеріи, сложенной вдвое, и изъ девяти кусковъ, сшитыхъ между собою; одинъ кусокъ въ видѣ круга, поперечникомъ въ 13 вершковъ желтаго цвѣта, помѣщенъ въ срединѣ полотна, вокругъ его рисованный лавровый вѣнокъ, въ срединѣ вѣнка государственный гербъ, затѣмъ четыре куска бѣлаго цвѣта составляютъ вмѣстѣ съ желтымъ кускомъ крестъ, причемъ концы креста составляютъ средину каждаго бока полотна; четыре другихъ куска зеленаго цвѣта заполняютъ промежутки между частями креста, составляя съ среднимъ желтымъ кускомъ также крестъ, концы котораго упираются въ углы полотна знамени.

Полотно знамени коннаго полка состоитъ также изъ шелковой матеріи, сложенной вдвое, по два аршина въ квадратѣ, и изъ 9 кусковъ, сшитыхъ между собою; одинъ кусокъ въ видѣ круга поперечникомъ въ 13 вершковъ желтаго цвѣта помѣщенъ въ срединѣ полотна, 4 куска синяго цвѣта составляютъ остальную часть полотна знамени, въ углахъ котораго вшиты 4 круглыхъ куска въ поперечникѣ около 6 вершковъ краснаго цвѣта. На полотнѣ нарисованы: вокругъ желтаго куска лавровый вѣнокъ, внутри его съ одной стороны знамени Государственный гербъ, а съ другой красный крестъ; вокругъ красныхъ кусковъ лавровые вѣнки, а внутри

буква *Ж*.

Описанныхъ знаменъ 12 баталіонныхъ и 4 полковыхъ; изъ нихъ по одному выданы 1 и 2-му пѣшимъ баталіонамъ и одно 1 конному полку Забайкальскаго казачьяго войска, для 4-хъ баталіоновъ знамена хранятся въ Нерчинскѣ, въ церкви; одно полковое въ Акишѣ, въ управленіи отдѣла; одно полковое въ Троицкосавскѣ, въ церкви; остальные 6 баталіонныхъ и 1 полковое хранятся въ квартирѣ наказнаго атамана въ гор. Читѣ.

Означенныя знамена пожалованы при особой Высочайшей грамотѣ, которая хранится въ войсковомъ хозяйственномъ правленіи, а копія ея, за подписомъ бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири и командующаго войсками въ оной расположенной, генералъ—лейтенанта Муравьева, выданы въ части.

Высочайшая грамота.

Божіею милостію МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ Забайкальскому казачьему войску.

На основаніи 4 и 5 §§, дарованныхъ Намъ 17 марта и 21 іюня 1851 года положеній Забайкальскому казачьему войску, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ жалуя знамена четыремъ русскимъ коннымъ полкамъ: № 1, 2, 3 и 4, и двѣнадцати пѣшимъ баталіонамъ: № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 того войска, поведѣваемъ, по прочтеніи сей НАШЕЙ грамоты полкамъ и баталіонамъ, и по освященіи знаменъ, употребить оныя на службу НАМЪ и ОТЕЧЕСТВУ съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію россійскому воинству свойственными.

Пребываемъ ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостію благосклонны.

На подлинной собственной ЕГО ИМПЕ-

РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано «НИКОЛАЙ I-й.»

С.-Петербургъ,
6 декабря 1852 года.

б) Пожалованныя ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою 14 августа 1800 года Забайкальскому иррегулярному бурятскому войску.

Каждое знамя размѣрами около 2 аршинъ въ квадратѣ. Полотно знамени состоитъ изъ 17 кусковъ шелковой матеріи; въ срединѣ кусокъ бѣлаго цвѣта, подобный желтому въ полковыхъ знаменахъ, затѣмъ 12 кусковъ красной матеріи сшиты въ видѣ креста, въ срединѣ котораго кусокъ бѣлой матеріи; концы креста въ углахъ полотна знамени (какъ куски бѣлаго цвѣта въ баталіонныхъ знаменахъ), четыре бѣлыхъ куска расположены въ видѣ креста, какъ бѣлые куски въ баталіонныхъ знаменахъ. На бѣломъ среднемъ кускѣ на одной сторонѣ изображенъ двуглавый орелъ, надъ нимъ на лентѣ надпись: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему», а съ другой стороны тоже двуглавый орелъ, надъ нимъ на лентѣ надпись: «Симъ знаменемъ побѣдиши». Вокругъ орловъ вѣнокъ. На углахъ, на красныхъ кускахъ, на обѣихъ сторонахъ полотна, нашиты куски красной же шелковой матеріи; овальной формы, вокругъ нарисованъ золотомъ вѣнокъ, а въ срединѣ надпись «Благодать».

Грамоты на эти знамена утеряны; такихъ знаменъ 7; всѣ они хранятся въ квартирѣ наказнаго атамана въ Читѣ.

3. Портреты Августѣйшаго Атамана.

Портретовъ, пожалованныхъ войску нынѣшнимъ Августѣйшимъ Атаманомъ, два; оба фотографическихъ.

Одинъ портретъ пожалованъ въ 1881 г.; на рамкѣ изъ бархата, надпись металлическими буквами сверху: «Забайкальскому казачьему войску»; снизу: «Отъ атамана, 2 марта 1881 года».

Наслѣдникъ Цесаревичъ снятъ въ по-

радной формѣ атаманскаго своего имени полка. Другой портретъ пожалованъ войску въ 1892 году; онъ нѣсколько большихъ размѣровъ и безъ всякой надписи. Оба портрета хранятся въ квартирѣ наказнаго атамана въ гор. Читѣ.

XV.

Казачьи пѣсни.

1.

Пѣсня про Ермака.

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
 Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Камышина,
 Собирались казаки-друзи, люди вольные,
 Собирались они, братцы, во единый кругъ:
 Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе;
 Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
 Бсауль у нихъ, Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
 Они думали думашку все единую:
 Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
 А зима настанетъ, братцы, холодная,
 Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
 На Яикъ ¹⁾ намъ идти—переходъ великъ,
 А на Волгѣ ходить намъ—все ворами слытъ,
 Подъ Казань градъ идти—да тамъ царь стоитъ,
 Какъ грозной-то царь Иванъ Васильевичъ;
 У него тамъ силы много множество.
 Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшеноу,
 А намъ, казанамъ, быть переловленнымъ,
 Да по крѣпимъ по тюрьмамъ по разсаженнымъ.
 Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Це серебряная рѣчь громко возговоритъ,
 Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
 Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте,
 И меня, Ермака, братцы, послушайте:
 Завоеемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
 А зимою мы, братцы, посправимся,
 А какъ вскрыется весна красная,
 Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
 Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
 Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
 Да по синю морю, по Хвалыинскому,

¹⁾ Такъ прежде называлась р. Уралъ.

Разбивали мы, братцы, бусы, корабли, ²⁾
 Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
 Мы убили посланничка не царскаго,
 Какъ того-то посланничка переидакаго.

2.

О немъ-же.

Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
 На широкой, на ровной было площади,
 Собирались казаки-друзи во единый кругъ,
 Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думашку единую:
 Какъ зима-то проходить все холодная,
 Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
 Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идти.
 Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
 Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодые,
 Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
 Забивайте вы кочета словые;
 Накладайте бабанчки сосновые,
 Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
 Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
 Перейдемъ-те мы, братцы, горы крутыя,
 Доберемся мы до царства басурманскаго,
 Завоеемъ мы царство сибирское,
 Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому,
 А царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
 И зато-то государь царь насъ пожалуетъ.
 Я тогда-то пойду самъ во бѣлу царю,
 Я нацѣну тогда шубу соболіную,
 Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 Привнесу я царю бѣлому повинную:
 Ой-ты гой еси надежда, православный царь!
 Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
 Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ;

²⁾ На царскихъ карабляхъ и судахъ были означены двухглавыя орлы.

Какъ и я-то воровской донской атаманушка;
 Какъ и я-то гулять вѣдь по синю морю,
 Что по синю морю, по Хвалынскому;
 Какъ и я-то разбивать вѣдь бусы, корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
 А теперича, надежда православный царь,
 Принишу тебѣ буйную головушку,
 И съ буйной головой царство сибирское.
 Рѣчь возговоритъ, надежда православный царь;
 Какъ и грозной-то царь Иванъ Васильевичъ:
 Ой ты гой еси, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
 Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
 Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
 Я прощаю тебя да за твою службу,
 За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
 И я жалую тебѣ, Ермакъ, славной тихой Донъ.

3.

Убийство посланника.

Внизъ-то было по матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ,
 Сунротивъ-то было устьяца Самары рѣки,
 Что плыветь тутъ легка лодочка коломенка,
 Что во той ли лодочкѣ сидитъ младъ посланникъ
 [царевъ,
 Карамышевъ князь Семень, сударь Константино-
 Во лѣвой рукѣ держитъ государевъ указъ. [внчъ,
 Что по крутому красному бережку,
 Что по желтому сыпучему песочку,
 Что ходили тутъ, гуляли добрые молодцы,
 Добрые молодцы гуляли, все донскіе казаки,
 Что донскіе, гребенскіе, запорожскіе,
 Да и славные казаки, братцы, яицкіе,
 Они думали крѣпку думушку за едино,
 Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
 Становили они пушку, братцы, мѣдную,
 Закатили въ нее ядрышко чугунное,
 Что палили они въ лодочку коломенку.
 Никого они въ лодочкѣ не ранили,
 Только убили одного царскаго посланника.

4.

Терская пѣсня.

Не сѣрые гуси во полѣ гогочуть,
 Не сѣрые орлы въ небесахъ хлопочуть,—
 То гребенскіе казаки предъ царемъ гуторять,
 Передъ Грознымъ царемъ, Иваномъ Васильевичемъ.
 Они самому царю—надежѣ говорятъ:
 «Ой ты, батюшка, нашъ православный царь,
 «Чѣмъ ты насъ подаритъ, чѣмъ пожалуешь?
 — Подарю я васъ, казачиньки, да пожалую
 Рѣкой вольною, Терекомъ—Горыничемъ,
 Отъ самаго гребня до синяго моря,
 До синяго моря, до Каспицкаго.

5.

Походъ яицкихъ казаковъ (Шамаа) въ Хиву.

Не ясные соколики слетались,
 Не хивинскіе визирушки съѣзжались:
 Соходилися, соѣзжались добры молодцы
 Казаки, братцы, приицие,
 Заедино они думу крѣпку думали:
 — «Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
 Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слытъ?
 Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
 Атаманушку мы выберемъ «походнаго»,
 Есаудушку мы выберемъ «залетнаго». [битъ,
 Атаманъ-то говоритъ, братцы, какъ въ трубу тру-
 Есауль-то говоритъ, братцы, какъ въ свирѣль сви-
 [стигъ:
 — «Еще долго-ль намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
 На Дарьѣ стоять, ребята, карауль держать?
 Не пора ли намъ, ребята, во походъ идти?
 Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
 А Куванъ-рѣку пройдемъ во глуху полночь,
 А въ Хиву придемъ, ребята, на бѣлой зарѣ.
 Мы хивинскому визиру не поклонимся,
 Со его младыми женами познакоимся.
 Зимовать въ Хивѣ, ребята, не останемся,
 А покоримся, поклонимся царю бѣлому,
 Царю бѣлому, ребята, благовѣрному!..»

6.

Пораженіе казаковъ.

А за славнымъ было, батюшкой, за Байкаломъ-мо-
 А и вверхъ было по маткѣ, Селенгѣ-рѣкѣ, [ремъ,
 Изъ верхняго острогу Селенгинскаго,
 Только высылка была удалымъ молодцамъ,
 Была высылка добрымъ молодцамъ,
 Удалымъ молодцамъ, селенгинскимъ казакамъ;
 А вторая высылка посольскимъ стрѣльцамъ:
 На поддачу имъ даны были табуищники-мужики,
 Табуищники-мужики, люди ясашные.
 Воевода походить у нихъ Федоръ, молодой Демен-
 тьяновичъ,
 Есауломъ походить у него братъ родной,
 А по имени Прокофій Козеевъ молодець.—
 Переправились казаки за Селенгу за рѣку,
 Опускалися на улусы на мунгальскіе.
 По грѣхамъ надъ улусами учинилося:
 Они ѣздили за звѣрями облавами;
 Они тутъ казаки усмѣхаются,
 Разорили всѣ улусы мунгальскіе:
 Они женъ, дѣтей мунгаловъ въ полонъ взяли,
 И весь скарбъ и животь отобрали у нихъ.
 Они стали казаки переправлятися
 На другую сторону за Селенгу за рѣку,
 Опилкъ кумысу—кобыльяго молока.
 Изъ-за того было бѣлаго камня

Какъ бы черныя вороны налетывали,
 Набѣгали тутъ мунгалы изъ чиста поля—
 Учинился тутъ бой, драка великая:
 Они женъ, дѣтей мунгалокъ отбили назадъ,
 И прибили казаконъ много до смерти,
 Вдвое, втрое казаконъ ихъ переранили;
 Табушники-мужики на побѣгъ ушли,
 Достальныхъ казаконъ своихъ выдали.
 А придутъ казаки въ Селенгинскій острогъ,
 По базарамъ казаки тамъ похаживаютъ,
 И все хвастаютъ казаки: «Селенгински молодцы»
 И своими широкими бердышами
 Все похваляются.

7.

Пораженіе китайцевъ.

Во Сибирской во украинѣ,
 Во Даурской сторонѣ,
 Во Даурской сторонѣ—
 И на славной на Амурѣ на рѣкѣ,
 На устьѣ Комары рѣки
 Казаки царя бѣлаго
 Острогъ себѣ поставили,
 Ясакъ царю собрали.
 Изъ-за сабли острья,
 Изъ-за крови горячи казаки.
 Кругъ острогу Комарскаго
 Они глубокій ровъ вели,
 Высокій валъ валили,
 Рогатки ставили,
 Челнокъ колотили,
 Смола притготовили.
 По утру рано-ранешенько,
 Ровно двадцать пять человекъ,
 Выходили молодцы,
 На Амуръ славную рѣку,
 Неводочками шелковыми
 Рыбу свѣжую ловить.
 Какъ несчастье случилось
 Съ удалыми казаками тамъ:
 Надалече, надалече,
 Изъ чиста поля,
 Изъ раздолья широкаго,
 Изъ хребта Хингалинскаго,
 Изъ-за бѣлаго камня,
 Изъ-за ручья глубокаго,
 Выкатился знаменцо—
 Большое Богдойское;
 И знамя за знаменемъ идетъ;
 А роты за ротами валтъ;
 То идетъ богдойскій князецъ,
 Онъ съ силою поганою—
 Къ острогу Комарскому.

Какъ вешняя вода
 По лугамъ разливалась,
 Облелѣяла сила поганая
 Вокругъ острога Комарскаго.
 Отрѣзали у казаконъ
 Ретиво сердце со печенью;
 Полонили молодцовъ,
 Двадцать пять человекъ,
 Съ шелковыми неводочками
 И съ рыбою свѣжею.—
 И какъ ѣздилъ богдойскій князь
 На своемъ добромъ конѣ,
 И леталъ какъ черныя воронъ
 Кругъ Комарскому острогу.
 И кричалъ богдойскій князецъ
 Всѣмъ, сидящимъ въ острогѣ:
 «А вы сдайтесь-ка, казаки,
 Изъ Комарскаго острогу!
 Буду я васъ жаловать
 И златомъ и серебромъ,
 Да женами прелестными
 И красными дѣвицами».
 Не сдалися казаки
 Въ острогѣ сидючи;
 Какъ кричали казаки
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Отъѣзжай-ка, богдойскій князецъ,
 Отъ нашего сидѣньяща,
 Острога Комарскаго».
 А богдойскій князецъ
 Со своею поганою силою
 Плотный приступъ дѣлать.
 Казаки тутъ справились,—
 За ружья хватались.
 И было въ острогѣ
 Три мѣдныя пушки:
 Три пушечки гунули,
 И ружья вдругъ грянули...
 И замолчали силушки,
 Три силы богдойскія,
 Три силы поганья.
 Побѣжалъ богдойскій князецъ
 Со своими силами
 Прочь отъ острогу,
 А самъ заклиняется:
 «А не дай-же, Боже,
 На предки бывать
 На славной и быстрой
 Амурѣ-рѣкѣ.
 Тамъ крѣпость поставлена
 Со стѣнами и ровомъ,
 А въ крѣпости сдѣланъ
 Дворъ гостинно-каменный
 И лавки большія
 Съ товарами въ нихъ.

8.

Вой уральцевъ подъ Иканомъ.

(1864 года).

Въ степи широкой, подъ Иканомъ,
 Насъ окружилъ коканецъ злой,
 И двое сутокъ съ басурманомъ
 У насъ кипѣлъ кровавый бой.
 Мы залегли... Свистѣли пули
 И ядра рвали все въ куеки,
 Но мы и глазомъ не моргнули—
 Стояли мы... Мы — казаки...
 И смерть носилась, мы рѣдѣли;
 Геройски все стоимъ казакъ;
 Про плѣнъ мы слышать не хотѣли
 (А этого желать нашъ врагъ).
 Держались мы два дня, двѣ ночи,
 Двѣ ночи, долги, какъ годъ,
 Въ крови и не смыкая очи.
 Затѣмъ мы ринулись впередъ...
 Вокругъ валялись наши братья,
 Коканецъ кожу съ нихъ сдиралъ
 И басурманское проклятье
 Во слѣдъ намъ съ пульей посылать...
 Свинцомъ пробитые, лежали
 Герои наши адѣсь и тамъ,
 И снѣгъ съ презрѣниемъ бросали
 Горстями въ лицо своимъ врагамъ;
 И обезглавленное тѣло
 Рубить врагъ въ мелкіе куски...
 Но мы не дрогнули... и смѣло
 Все ждали смерть, — какъ казаки.
 И снявши голову героя,
 Злодѣй къ слѣду ее ввязалъ,
 Чтобъ похвалиться послѣ боя,
 Какъ онъ съ лежачимъ воевалъ...
 Но вотъ, въ степной дали сверкнули
 Родные, русскіе штыки
 И все отрадые вздохнули,
 Перекрестились казаки...
 Потомъ взглянули братъ на брата,
 И грустно стало: — многихъ нѣтъ...
 И все они у супостата,
 И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
 И, слѣдомъ этимъ отступая,
 Врагъ трупы мерзлые терзалъ...
 Но, наши головы собирая,
 Своихъ огъ больше насбиралъ...
 И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
 (Намъ послѣ сказывали такъ),
 Покончивъ бойню подъ Иканомъ,
 Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
 А мы, собравъ тѣла героевъ,
 Могилу вырыли, и въ ней,
 Для мира, вѣчнаго покоя,
 Зарыли всехъ богатырей...

И марь насыпали надъ ними —
 Пусть вѣки-вѣчная стоитъ,
 И громко съ вѣтрами степными,
 О нашей славѣ говоритъ,
 Пусть говоритъ, какъ подъ Иканомъ.
 Насъ окружилъ коканецъ злой,
 И какъ мы бились съ басурманомъ
 За славу родины святой.

9.

Запорожская пѣсня.

Ой, на гори, гори
 Да жнечи жнуть,
 А по пидь горою, по пидь зеленою
 Казани идуть.

А по переду Дорошенко
 Вадъ свое нѣско,
 Вадъ запорожско —
 Хорошенько!

А по середу панъ хорунжий;
 Подъ нимъ кониченько,
 Подъ нимъ вороненькій —
 Сильно дужай!

А по заду Сагайдачный,
 Що просѣивать жинку,
 За тютюнъ да люльку
 Необачный!

Гей, вернися, Сагайдачный,
 Возми свою жинку,
 Отдай мнѣ люльку
 Необачный!

Менѣ съ жинкой не возитця,
 А тютюнъ да люлька
 Казаку въ дорози
 Знадобитця.

Ой, кто въ лиси, витэвнися!
 Да выкрешимъ огню,
 Да запалимъ люльки—
 Не журися!

10.

Допросъ.

(Уральская пѣсня).

На зарѣ было, братцы, на зоренькѣ,
 Зарѣ было утренней;
 На восходѣ-то, у казаченьковъ,
 Было солнца красного:
 Среди торгу, да базарушки,
 Середь красной площади;
 Собиралися тутъ казаченьки,
 Они во единый кругъ.

Во кругу стоитъ у казаченьковъ,
 Стоитъ раздвинженный стулъ,
 На стулу сидитъ у казаченьковъ,
 Сидитъ самъ Волконскій князь,

Передь нимъ стоитъ разудаленькій,
 Стоитъ самъ Павловъ казакъ.
 Онъ стоитъ, разудаленькій,
 Стоитъ, самъ не тряхнется,

А русы его кудерюшки,
 Кудри не шелохнутся.
 Его бить не бьютъ, разудалаго,
 Его крѣпко спрашиваютъ,
 Изъ ума его, разудалаго,
 Его все выспрашиваютъ:
 «Ты скажи, скажи, разудаленькій,
 Скажи правду, истину:
 Не король ли ты, иль королевичъ,
 Иль ты королевскій сыгъ?
 Изъ иной ли ты, изъ земелюшки,
 Изъ земли грозень посоль?»
 — «Не тебѣ меня, разудалаго,
 Тебѣ меня спрашивать,
 Да не мнѣ тебѣ, разудалому,
 Не мнѣ тебѣ было сказывать,
 А спросить бы меня, разудалаго,
 Спросить православный царь,
 Я сказать бы ему, царю бѣлому,
 Сказать бы правду, истину».

11.

Желаніе умирающаго казака.

Похалъ казакъ далеко на чужбину,
 На борзомъ конѣ, ворономъ;
 Родныя онъ степи на долго покинулъ,
 Покинулъ отцовскій онъ домъ.
 Напрасно казачка его молодая
 Напрасно на сѣверъ глядитъ;
 Все ждетъ, ожидая съ полвочнаго края,
 Когда къ ней казакъ прилетитъ!
 Ахъ, тамъ за горами, гдѣ выюги-мытели,
 Гдѣ страшны морозы трещать,
 Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели,
 Тамъ кости казака лежать.
 Казакъ и просить и молить, умирая,
 Насыпать курганъ въ головахъ;
 И пусть на курганѣ калина родная
 Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
 Пусть вольныя пташки, сидя на калинѣ,
 Порой прошебечуть онѣ
 Мнѣ, бѣдному, вѣсти въ холодной могилѣ
 О милой, родной сторонѣ.

12.

Смерть казака.

Какъ за рѣчущкою,
 За Кубанушкою,
 Тамъ ходить-то, гулять
 Добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ,

Младъ донской казакъ!
 Онъ ходить-то, гулять,
 Все коня спасать,
 Самъ огонь-то кресать¹⁾
 Шашкой вострою,
 Разводить, раздувать
 Польшь травушку,
 Онъ и грѣть, согрѣвать
 Ключевую воду,
 Обливать, обмывать
 Раны смертныя:
 «Ужъ вы, раны мои,
 Раны кровью изопли,
 Тяжелымъ тяжело
 Къ ретиву сердцу пришлѣ!»
 Умиралъ, помиралъ
 Добрый молодецъ,
 Младъ донской казакъ,
 Малолѣточекъ,
 На чужой сторонѣ,
 Среди степи,
 Во темной ночи
 Отъ тяжелыхъ ранъ,
 Отъ черкесскихъ пуль —
 Все за батюшку,
 Царя бѣлаго!

13.

Смерть казака.

Какъ за рѣчкою, за Кубанкою,
 Тамъ казакъ гулять, добрый молодецъ;
 Своего коня спасать,
 Ковыль-транку рвать,
 На огонь ее клать —
 Клатъ, раскладывать;
 Свои раны перевязывать.
 — «Ужъ вы, раны, мои раны,
 Вы тяжелыя,
 На подживъ раны пошли;
 Одна ранушка тяжелая,
 На подживъ рана нейдетъ,
 Тяжелымъ-тяжела,
 Ко сердечку подошла!»
 Возговорилъ тутъ добрый молодецъ
 Коню своему, коню быстрому:
 — «Ужо ты, конь ли мой, конь,
 Конь, товарищъ мой!
 Я съ тобою адѣсь одинъ распрощаюся;
 Побѣгай-ка, мой конь,
 Въ землю русскую,
 Не давайся ты, конь, неприятелю,
 Только дайся ты, конь,
 Брату родному;
 Ты скажи-ка, скажи отцу съ матерью,

1) Васькала.

Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой же женѣ чалобитнице,
И скажи-ка ей волю полную:
Хочеть, замужь и деть,
Хочеть, во вдовахъ живеть».

14.

Вѣсть на родину.

(Донская пѣсня).

Ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, ты широкое!
Ничего ты, поле, не породило,
Породило поле кустъ ракитовой.
Какъ подь тѣмъ кустомъ, подь ракитовымъ,
Тамъ лежить-то убитъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ малолѣточекъ.
Онъ ни въ смерть то убитъ, больно раненой,
Во широкую грудь сквозя прострѣленный.
Передъ нимъ-то стоитъ его вѣрный конь,
Онъ бьетъ копытомъ въ сыру землю,
Онъ будить своего хозяина:
Ты встань, пробудись, добрый молодецъ,
Ты хозяинъ мой, младъ донской казакъ!
Ты садись на меня, слугу вѣрнаго;
Понесу я тебя да на тихій Донъ.
Какъ коню-то младецъ рѣчь возговорить:
Ужъ ты, конь, ты мой конь, товарищъ вѣрный мой!
Не поднять ужъ тебѣ добра молодца!
Ты отбей, оторви шелковой чумбуръ
И бѣжи ты, мой конь, да на тихій Донъ,
На зеленой долъ, на широкой дворъ.
Ко отцу, матери, роду, племени
Ты письмо отдай;
Молодой женѣ ты рѣчью скажи,
Что женился я на другой женѣ, гробовой доскѣ,
Засватала меня сабля вострая турецкая,
Обѣщала меня пуля свинцовая,
Положило спать ядро чугунное.

15.

Поминки по казакѣ.

(Донская пѣсня).

Не туманъ-то съ моря подымается,
Не бѣлы-то снѣга въ полѣ забѣлѣлися,
Подымалися утки сѣрыя,
Забѣлѣлися гуси-лебеди.
Отчего-то они подымалися?
Знать сизова орла полахалися.
Тамъ летить-то, летить младъ сизой орель,
А за нимъ-то гонить младъ ясенъ соколъ,
Онъ кричитъ-то, кричитъ молодому орлу:
«Ты постой, подожди, младъ сизой орель,
Я на битъ-то лечу, я спросить хочу.
Ты гдѣ, орель, быть, пробовать?»
«Я быть, пробовать въ иной землѣ, во Туречинѣ.
Я видать тамъ диковинку не малую, не великую:

Въ чистомъ полѣ да подь кустикомъ,
Тамъ лежить-то убитъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ весь изрубленный.
Какъ никто къ тѣлу не приступится,
Никто къ бѣлому не привернется.
Привернулись къ нему три ластушки,
Три ластушки, три касатушки:
Какъ первая ластушка родная матушка,
А другая ластушка, сестра родная,
Какъ и третья ластушка, молодая жена.
Гдѣ мать плачетъ, тамъ рѣка бѣжитъ,
Гдѣ сестра плачетъ, тамъ колодези,
А гдѣ жена плачетъ, тамъ роса стоитъ.
Вотъ какъ мать плачетъ во вѣкъ до вѣку.
А сестра плачетъ отъ годъ до году,
А жена плачетъ день до вечера».

16.

Строевая служба казаковъ.

(Донская пѣсня).

Ой намъ весело жить,
Теперь не по чемъ тужить
Намъ, казакамъ молодымъ,
Здѣсь армейцамъ полевымъ!
Только та наша бѣда—
Лѣтомъ въ лагеряхъ стоять,
Поутру рано вставать,
Намъ головушки чесать,
Чубы на бокъ заводить,
На ученье выходить!
Намъ ученье—ничего,
Между прочимъ—тяжело:
Стой прямо, смотри браво,
Шашкой дѣлай хорошо,
Приступай ты ногой правой,
Поворачивайся:
Не довернися—бьютъ,
Перевернися—бьютъ!
Наряжаемся обрядно,
Щеголяемъ, какъ хотимъ!
Намъ сударушки знакомы,
Всегда въ гости зовутъ,
Ой, зовутъ, зовутъ, зовутъ,
Всегда жалуютъ!
Мы осенью ночью
Прогуляли всею ночью;
Какъ приходимъ поутру—
Держутъ палокъ по пуку!
Не велтъ намъ оправдаться,
Велтъ скоро раздѣваться.
Хоть спинушка набита—
Сударушка нажита!
Хоть набили спину больно—
Любить дѣвочекъ довольно!
Пушшай спинушка гнѣтъ:
Сударушка прочь нейдетъ!

17.

Сборъ въ походъ.

(Пѣсня сибирскихъ казаковъ).

Утромъ рано, весной,
 На редутъ крѣпостной
 Разъ поднялся пушкарь поспѣлый. (2)
 Брякнулъ шапки кольцомъ,
 Дернулъ сивымъ усомъ,
 И раздулъ онъ фитиль доторѣлый. (2)
 Онъ у пушки стоитъ,
 Самъ на крѣпость глядитъ,
 Сивозъ прозрачныя волны тумана. (2)
 Вотъ мелькнулъ бѣлый флагъ
 У высокихъ палатъ
 Удаляна-молодца атамана, (2)
 И съ веселымъ лицомъ,
 Осѣнившись крестомъ,
 Онъ надъ мѣдною пушкой склонился: (2)
 Пламя брызгнуло струей,
 Дымъ разлился волной
 И по крѣпости гуль прокатился. (2)
 — «Чу! съ редута палить,
 Знать собиратья велятъ!»
 Казаки казакамъ закричали. (2)
 Шапки въ мигъ на ремень,
 Папахи на бекрень
 И на площадь бѣгомъ побѣжали! (2)
 — Что, ребята, палить,
 Не въ виду-ль супостатъ?
 Не въ походъ ли идти заставляють? (2)
 Наши шапки остры,
 Наши кони лихи,
 Наши ружья въ мишень попадаютъ. (2)
 Нашъ безрукій отецъ,—
 Атаманъ молодець,—
 Поведегъ насъ своей головою. (2)
 Съ нимъ и въ зиму—весна,
 Съ нимъ и смерть намъ красна,
 Казаки говорятъ межъ собою. (2)
 — «Тише, стройтесъ въ ряды,
 Онъ поѣхалъ сюда!»
 Казакамъ такъ хорунжій вѣщаетъ; (2)
 Ходить назадъ ѣ впередъ,
 Командирство ведетъ
 И въ ряды казаковъ уставляеть. (2)
 Какъ сибирскій буранъ,
 Прискакаль атаманъ,
 А за нимъ есаулы лихія. (2)
 Онъ на сивомъ конѣ,
 Карабинъ на спинѣ,
 Въ торокахъ пистолеты двойные; (2)
 Киверь съ бѣлыми перомъ,
 Грудь горитъ серебромъ,
 Закаленная шапка булата. (2)
 Онъ коня осадилъ,

Сивый усъ закрутить,
 И сказать намъ: «здорово ребята!» (2)
 Завтра солнца на восходъ
 Собирайтесъ въ походъ
 У стенихъ дикарей жечь аулы. (2)
 Какъ на эту орду,
 Я васъ самъ поведу,
 А за мною пойдутъ есаулы! (2)
 Вдругъ «ура! атаманъ!»
 Разнеслось по рядамъ
 И казачья кровь заиграла: (2)
 Громко шапки гремятъ,
 Кивера вверхъ летятъ,
 И вся площадь, какъ море, завывла. (2)
 Вотъ къ обѣднѣ звонятъ...
 Казаки—мигомъ въ рядъ
 И пошли въ Божью церковь молиться. (2)
 Вотъ поклономъ земнымъ
 Поклонился святымъ
 И къ честному кресту приложился. (2)
 На другой день, съ зарей,
 Грянулъ гуль вѣстовой,—
 Казаки лошадей выводили. (2)
 Гуль второй разнесся,—
 Казаки—на сѣдло,
 А за третьимъ—на площадь спѣшили. (2)
 Шумно строятся въ рядъ,
 Громко шапки гремятъ,
 Развивалось казачье знамя. (2)
 Коня борзые бьютъ,
 Пыль копытами вьютъ,
 И въ очахъ ихъ свирѣлое пламя. (2)
 Вотъ раздался сигналъ:
 Пономаръ застучалъ,
 И церковны врата отворились. (2)
 — «Кивера всѣ долой!»
 Закричалъ удалой
 Есаулъ. Кивера опустили. (2)
 Тихо старцы пошли,
 Образа понесли
 И «всемірную славу» заѣли. (2)
 — «Призовемъ Бога сить!»—
 Іерей возгласилъ —
 «И святую хоругвь въ ополченье». (2)
 Онъ по ряду ходилъ,
 Ополченье крошилъ
 Онъ священной водой изъ купели. (2)
 Какъ окончивъ обрядъ,
 Возвратился назадъ,
 И слезами глаза омочились. (2)
 Тихо старцы пошли,
 Образа унесли
 И церковны врата затворились. (2)
 Всѣ — какъ пламя огня;
 Атаманъ — на коня
 И тяжелыми брякнулъ ножнами. (2)
 Вдругъ блеснулъ, какъ стекло,

Длинный мечъ наголю;
И пошелъ молодцомъ предъ рядами. (2)
Обскакавъ казаковъ,
«Съ Богомъ, дѣти!» сказать.
Казаки на сѣдло поднялися... (2)
Засверкали мечи,
И орлами усачи
Какъ на ширь—на войну понеслися. (2)

18.

Наказаніе.

Настала священная брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Быть долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Прощаясь съ женою, сказалъ: «Будь вѣрна!»
— «Вѣрна до могилы!» сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разить супостата копьемъ и мечемъ.
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди:
Свидѣтели—раны и всё на груди...
Окончивши битву, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой.
Уже достигаетъ Урала береговъ,
И видитъ на встрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объѣмлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ его.
— «Повѣдай, родитель, повѣдай ты мнѣ
О матери родной, о милой женѣ?»
Старикъ отвѣчалъ: «здорова семья;
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тебѣ измѣнила младая жена,
За то отъ печали изсохла она!
Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости и ты, сынъ мой, мы просимъ о ней».
Ни слова отвѣта; идетъ онъ съ отцомъ;
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ:
Упала на грудь его мать въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, шконамъ святымъ,
Какъ бытъ, помолится съ поклономъ земнымъ...
Вдругъ сабля извилася могучей рукой...
Глава покатила въ жены молодой;
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И, молча, къ народу на площадь снесетъ.
Свое преступленіе онъ всѣмъ объявить
И требовать казни... и казнь получить...

19.

Сонъ атамана.

Какъ со вечеру нашъ атаманишка поздно спать
Да какъ по утречку рано пробуждался, [ложился,

Да съ травушки, съ мелкой муравки росой умы-
вался,
Да тонкимъ нитымъ полотенчикомъ утирался.
Да Московскому чудотворцу онъ молился,
Да на всё-то четыре сторонюшки поклонился,
Да вы здоровы ль, мои молодцы казачки, спали-но-
чевали,
Да я-то одинъ добрый молодецъ спалъ-то нездорово
Да приснился мнѣ, добру молодцу, сонъ не хорошій:
Будто-бы я добрый молодецъ ходить по край синя
моря,
Да лѣвой ноженкой въ море остушился,
Да правой рученькой за кустъ сохватился,
За тотъ кустъ за рябину.

20.

Казаки промышляютъ.

Хороша наша станица, только улица грязна,
Хороши наши ребята, только славушка худа.
Это правда, это правда, это правда все была!
Только славушка худа, не пускаютъ никуда:
Величаютъ насъ ворами да разбойниками.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы не воры, мы не плуты, ни разбойники,
Мы удалые казаки-рыболовнички.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ мы рыбушку ловили по сухимъ берегамъ,
По сухимъ берегамъ,—по амбарамъ, по клѣткамъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
По амбарамъ, по клѣткамъ, по богатымъ казакамъ.
Выбирають насъ хозяинъ, что ни лучшихъ молод-
цовъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Посылають насъ хозяинъ по базару все гулять.
По базару мы гуляли, невода мы закупали.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такіе невода, что ремени повода.
Запускали невода подъ богатые дома.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы тамъ шукъ, изъ которыхъ шубы шьютъ,
Наловили мнѣ бѣлужекъ — калачикомъ рожки.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы саврюжекъ — подвязаны хвосты.
У дѣдушки у Петра мы поймали осетра,
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такого осетра, что гнѣдого жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.
Насъ начальство все судило, да судило хорошо!
Это правда, это правда, это правда все была!
Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно, только денеж-
камъ не водъ.
Мы въ парашнички наймемся—намъ пойдетъ боль-
шой доходъ.
Это правда, это правда, это правда все была!

Какъ пойдеть доходъ калашный — только брюхо
распуская.

Отойдетъ доходъ калашный — только спину подета-
вый.

Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ завалить разъ пятнадцать, такъ заплешешъ
казачка.

Заревешъ, словно теленокъ, пуще спасскаго дычка.

Это правда, это правда, это правда все была!
Изъ полицы, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетями,
Съ молодецкою ухваткой позжимается плечыи.

Это правда, это правда, это правда все была!
Хоща били насъ всѣхъ больно, да гуляли мы доволь-
Хоща спинушка бита, дѣвчешка нажита. [но.

Это правда, это правда, это правда все была!

21.

Пѣсня о рѣкѣ Донѣ.

Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ:
Про тебя лежить слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ, бывало, ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь все чистехонекъ,
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешъ,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
Ужъ какъ-то мнѣ все мутно не быть,
Распустить я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ,
Размышаются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

22.

Якушка Горыновичъ.

(Уральская пѣсня, поется уральскимъ мелодичнымъ го-
лосомъ).

Якъ ты нашъ, Якушка ¹⁾
Якъ, сынъ Горыновичъ! (2) ²⁾
Про тебя ли, про Якушку,
Идетъ слава добрая, (2)
Про тебя-ль, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)
Золочено у Якушки
Его было донышко, (2)
Серебряны у Якушки
Его были краешки, (2)
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки. (2)
Мутнехонекъ нашъ Якушка,
Бѣжишь ты быстрехонько, (2)
Прорывъ, протекъ нашъ Якушка
Всѣ горюшки, всѣ долушки, (2)
Выметывать нашъ Якушка
Посередъ себя часты остроны. (2)

¹⁾ Якомъ прежде называлась рѣка Уралъ.

²⁾ Повторяется два раза.

Съ вершинъ взялся нашъ Якушка,
Бѣжишь же ты вилоть до устьяца, (2)

До славнаго ты дѣ моря,

До моря до Каспицакаго, (2)

Какъ до славнаго до города,

До города до Гурьева. (2)

За Гурьевомъ выпадаютъ ты

Во батюшку-сине-море, (2)

Какъ до славнаго до острова,

До острова Камынина. (2)

На островѣ Камынинѣ,

Братцы, старики живутъ ¹⁾, (2)

Старики, братцы, старожилые

Они по девяносто лѣтъ. (2)

Съ покоренною золотою ордою

Старики, братцы, во ладу живутъ. (2)

Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Якушкина,
Костями бѣлыми, казачьими, устьяны,
Кровью алою, молодецкою, упитаны,
Горючьми слезами матерей и женъ поливаны.

Гдѣ кость лежить —
Тамъ шиханъ ²⁾ стоитъ;

Гдѣ кровь лилась —
Тамъ невель сплелась;

Гдѣ слеза пала —
Тамъ озеро стало.

23.

Пашенка на Утвѣ. ³⁾

(Уральская пѣсня).

Какъ за рѣченькой было за быстрою,

За Утвою,

За славными было за Утвинскими

За горами:

Распахана была тамъ пашенка

Яровая;

Не плугомъ была пашня пахана,

Не сохою,

Взборонена была та пашенька

Не бороною,

Распахана эта пашенька не плугомъ

И не сохою:

Распахана была эта пашенка

Булатными копіями,

Взборонена она была коневыми

Копытами,

Не рожью она была, братцы, засѣяна,

Не пшеницею:

Засѣяна была, братцы, казачьими

Головами.

¹⁾ Всѣ острова, лежащіе на устьяхъ Урала, весьма незначительны, необитаемы, и только нѣкоторые изъ нихъ служатъ пристанищемъ для рыболововъ.

²⁾ Холмъ.

³⁾ Степная рѣчка, впадаетъ въ р. Уралъ.

Засѣять ее добрый молодець,
Самъ уѣхалъ;
Засѣявши ее, онъ, добрый молодець,
Самъ поѣдалъ:
— «Ты расти, моя пашенка,
Зеленѣйся,
На поливочку ты, моя пашенка,
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ что
Съ неба дождичекъ!
Иль источить горьки слезы
Мать родная!»

24.

Донская пѣсня.

Чѣмъ-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана,
не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засѣяна славная земелюшка казацкими головами.
Чѣмъ-то нашъ батюшка славный, тихій Донъ укра-
шенъ?
Украшенъ-то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами,
Чѣмъ-то нашъ батюшка славный, тихій Донъ цвѣ-
тенъ?
Цвѣтенъ нашъ батюшка славный, тихій Донъ си-
ротами.
Чѣмъ-то во славномъ тихомъ Дону волна напол-
нена?
Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими, ма-
терними слезами.

25.

За Ураломъ, за рѣкой.

За Ураломъ, за рѣкой, казаки гуляютъ
И стрѣлою каленой за рѣку пушаютъ.
Гей, гей, живо, не робѣй! Пѣсни распѣвають.
Казаки не простаки—вольные ребята;
А на шапкахъ туманки; всѣ живутъ богаты!
Гей, гей, живо, не робѣй! всѣ живутъ богаты!
Въ темномъ лѣсѣ до полночи, въ полѣ разгѣзжаютъ;
Все добычи стерегутъ, свицуютъ—не зѣваютъ,
Гей, гей, живо, не робѣй! Свицуютъ—не зѣваютъ.
Нашъ товарищъ—острый ножъ, сабля лиходѣйка;
Пропадемъ хотя за грошъ,—жизнь наша копѣйка!
Гей, гей, живо, не робѣй! Жизнь наша копѣйка!
Сладко выпьемъ, поѣдимъ, все горе забудемъ,
И ужъ больше по лѣсамъ мы ѣздить не будемъ.
Гей, гей, живо, не робѣй! Мы ѣздить не будемъ.

26.

Хоровая Оренбургская пѣсня.

Собирайтесь, ребятюшки, вы усинъ на-голо! (Боль-
ше!) 5).

5) Отдѣльныя слова заключенныя въ скобки, произносятся хоромъ отрывисто.

Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые
усы!
Собиралось насъ усевъ, полна хата молодцовъ!
(Много!)
Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые
усы!
На насъ красныя рубашечки, косые ворота! (Славно!)
Ай да усы, усы и проч.
На переду сидитъ усине, самъ атаманце! (Страш-
ный!)
Ай да усы, усы и проч.
Онъ приказанья отдаетъ, всѣ-то выслушиваютъ!
(Молча!)

Ай да усы, усы и проч.
Вы лѣсомъ, молодцы, идите, да не шумаркайтесь!
(Тихе!)

Ай да усы, усы и проч.
Скорѣй во дворикъ вы входите, да не засматри-
вайтесь! (Живо!)

Ай да усы, усы и проч.
Слышь, хозяинъ, ты нашъ хозяинъ, поворачивай-
ся! (Дома!)

Ай да усы, усы и проч.
Клади-ка денежки на столикъ, да расплачивайся!
(Нужно!)

Ай да усы, усы и проч.
Самъ хозяинъ нашъ тутъ божился, ни копѣйки
денегъ нѣтъ! (Ври!)

Ай да усы, усы и проч.
На печи сидѣлъ мальчишка, онъ вдругъ промол-
вился! (Неладно!)

Ай да усы, усы и проч.
У хозяина денегъ много, да всѣ припританы! (Ищи!)

Ай да усы, усы и проч.
Мы въ подпольице входили, много денегъ тамъ
нашли! (Много!)

Ай да усы, усы и проч.
Ты хозяинъ ли нашъ, батька, подавай-ка намъ
вина! (Выпьемъ!)

Ай да усы, усы и проч.
За виномъ хозяинъ самъ идетъ, намъ дубинушку
несетъ! (Маршъ!)

Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые
усы!

57.

Шанка.

Не грусти, моя родная,
Въ черныхъ, траурныхъ ножнахъ:
Скоро, искрами сверкая,
Заиграешь ты въ рукахъ.
Тамъ, за темной синей далью,
Есть старинные враги;
Не скучай же ты печалью,
Жди, надѣйся и терпи!
И когда, мгновенно, грянетъ
Грохотъ пушки боевой,—